1850-1852
48
5938

ЛАДСКИЙ ИСТПАРТ

Со Шлюпе

РАБОЧЕЕ ИЗД-ВО „ПРИБОЙ“ 1924

ИЗД
ПРИБОЙ

ЛЕНИН—КОРМЧИЙ.

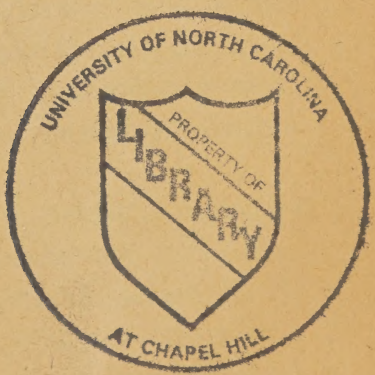
(С картины неизвестного художника, хранящейся в Ленинградском музее революции, в комнате Ленина).

Ленинградский губернский отдел комиссии по истории
Октябрьской революции и Р. К. П. (больш.)—ИСТПАРТ

C
cl
DK254
.L42
024
1924
.Ob Il'iche

ОБ ИЛЬИЧЕ

Сборник статей, воспоминаний,
документов и некоторых
материалов



Рабочее Издательство „ПРИБОЙ“ Ленинград 1924

Ленинградский гублит № 5073. Тираж 10.000

Государственная тип. им. тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, 14.

Как создался сборник «Об Ильиче».

Биография Владимира Ильича Ленина, как известно, еще не написана и, по огромности задачи, еще не скоро будет написана. В этом вопросе мы, как говорится, находимся в периоде «первоначального накопления». Поэтому, каждый новый факт, новая подробность, новый архивный документ, связанный с именем того, кого мы все так глубоко чтим, в общем имеет огромнейшее значение.

Сборник «Об Ильиче» составился из воспоминаний о нем тех, кому приходилось с ним встречаться и вместе работать и даже только видеть его. Вскоре, после смерти Ленина на призывный клич Ленинградского Истпарта к товарищам писать о Ленине свои воспоминания,—мы получили полное сочувствие и поддержку. Таким путем и составился предлагаемый сборник. Мы давали место даже самым кратким сообщениям о Ленине, если в них находили хоть единый штрих, характеризующий Ильича. За весьма небольшими исключениями, все приводимые воспоминания печатаются впервые и многие из них написаны рядовыми членами партии рабочими и работницами.

Что касается новых документов, то к недавно открытым в архиве бывш. Министерства народного просвещения, относятся: печатаемый в настоящем сборнике университетский диплом В. И. от 14 января 1892 г. и конфиденциальное сообщение попечителя Казанского учебного округа об участии в студенческих беспорядках Владимира Ульянова. В высшей степени интересен, как и сам документ, так и резолюции, написанные на нем каранда-

шем и принадлежащие директору департамента министерства народного просвещения Н. Аничкову.

В том же архиве найдена также и визитная фотографическая карточка В. И., относящаяся к 1890 или 1891 г.г. и до сих пор еще нигде не обнародованная,—переснимок ее печатается нами впервые. История этой фотографии следующая. Когда В. И было разрешено держать экзамен при петербургском университете по предметам юридического факультета—он должен был подать прошение о допущении его к экзаменам еще и председателю Испытательной комиссии при названном университете, а также и свидетельство от правления императорского Казанского университета. К этому последнему документу и пришита фотография Владимира Ильича, возпроизводимая нами в увеличенном виде и представляющая его в возрасте от 21 до 22 лет.

В заключение мы вторично обращаемся ко всем товарищам, еще не успевшим откликнуться на наш первый призыв, писать свои воспоминания о Владимире Ильиче.

Пишите свои воспоминания о Ленине и присылайте в Ленинградский Истпарт, твердо памятуя, что каждый новый факт из его жизни, каждая новая деталь сможет войти, как материал для создания будущей полной, многосторонней биографии и характеристики великого вождя пролетариата Владимира Ильича Ульянова (Н. Ленина).

П. К.

О Владимире Ильиче Ленине.

То, что бросается в глаза, потому что есть характернейшая черта Владимира Ильича,—полная поглощенность его основным делом освобождения рабочего класса. Отсюда и необычайная цельность его образа, отсутствие каких бы то ни было противоречий между его личною и общественною жизнью. Владимир Ильич не потому не знал этих противоречий, что умел бороться с ними, а потому, что растворил свою личную жизнь без остатка в беспрерывной напряженной борьбе за рабочих и крестьян, за всех трудящихся.

Один из крупных буржуазных общественных деятелей Англии, говоря о Ленине, недавно обмолвился любопытным признанием: «В Ленине, — сказал он,—поражает отсутствие личной заинтересованности».

Для представителя буржуазной этики является поразительным тот факт, что Владимир Ильич всю жизнь провел как пролетарий и умер, оставив только одно *наследство—диктатуру рабочего класса.* Для настоящего коммуниста все другое было бы странно, непонятно, но только не это. Как истинный носитель пролетарской революционной этики, Ленин не мог быть заинтересованным *лично* в революции и ее результатах просто потому, что и класс, волю и разум которого он воплощал, двигая революцию вперед, стремится к завоеванию всего для всего человечества. Для буржуазного моралиста это совершенно непонятно. И когда он останавливается перед «личной незаинтересованностью» вождя, единственное, что он может сделать,—оценить ее как личную добродетель, очень редкую в буржуазном мире и, поэтому, заслуживающую особенного уважения. А между тем эта личная добродетель Ленина на деле является особенностью выдвинувшего его класса, которую он отразил наиболее ярко и полно потому, что был лучшим из лучших его сынов.

И еще другие черты рабочего класса удивительно ярко отразил Владимир Ильич в своем образе: железную, несгибаемую волю, необычайную выносливость, терпение в работе, бесконечную скромность и глубокое уважение ко всякому, кто имел право на звание человека. Если рабочие и крестьяне на каждое насилие и оскорбление своих врагов с такою затаенною радостью и надеждой отвечают именем-лозунгом—«Ленин», то прежде всего потому, что каждый из них чувствует в этом имени частицу своей души, своей воли,

своего разума. Отсюда необычайная популярность его, как вождя, отсюда огромная известность его даже в таких закоулках земного шара, куда пропаганда ленинизма еще не успела проникнуть.

Личность Ленина показывает всем рабочим и крестьянам, всем трудящимся, всем угнетенным, каким будет человек в будущем, когда им удастся воплотить учение Ленина в жизнь.—Показывает и *об'ясняет* потому, что в каждом пролетарии есть частица Ленина, а Ленин есть воплотитель этих частиц в наиболее законченной, отчеканенной форме будущего.

Каким же образом создалась эта законченность, отчетливость отображения пролетарской стихии в образе Ленина? Ответить на это ни в коем случае нельзя одною только ссылкою на личные качества Владимира Ильича. Для ответа нужно припомнить, что Ленин всю свою жизнь отдал освобождению рабочего класса. Вождем он стал именно потому, что, воплощая в себе лучшие черты пролетариата, он сумел показать ему, как эти черты использовать для освобождения всего человечества от ига капитала.

Тот, кто внимательно изучал теорию и практику ленинизма, знает хорошо, что ленинизм не является «выдумкой» фанатика, правда, очень умного, вооруженного железной логикой и волей, как в этом старались, и до сих пор стараются, уверить рабочий класс вольные или невольные слуги капитала. На самом деле ленинизм — это в муках и крови рожденный вывод из вековой истории борьбы труда с капиталом. И при том не русской только истории, но и международной.

Наиболее умные и ловкие буржуазные критики ленинизма, чувствуя полную невозможность доказать рабочему классу, что пролетарская диктатура и коммунизм являются «грезо-фарсом», пытается теперь свести все дело к «особенностям» русской действительности, законы которой (конечно, «сумасшедшие законы»!) для остального мира не писаны. Фактическая блокада Советской Республики одновременно с лицемерными признаниями ее права творить свою судьбу (буржуазные сторонники невмешательства во внутренние дела С.С.С.Р.) имеют своих многочисленных теоретиков на Западе, опирающихся именно на эту бессмысленную теорию «своеобразности», «варварской исключительности» законов революции в России, якобы совершенно непригодных, вредных, опасных, недопустимых для «культурных стран». Не трудно однако и понять, что эта мнимая уступка на деле является новой попыткой обмануть западных рабочих, изолировать их от влияния Октябрьской революции. Особенностью ленинизма является именно то, что представляет собою вывод из классовой борьбы *различных стран*, так сказать, итогом *мировой истории*, а не только нашей—русской. Владимир Ильич не потерял времени за границей, куда вынужден был уехать для революционной работы, не стесняемой царским режимом. «Своеобразные» условия российской действительности сделали то, что у Ленина была вынужденная возможность наиболее близко познакомиться с теорией и прак-

тикой революций на Западе и сделать из них выводы, обязательные для всех капиталистических стран, а не только для России.

Восстания рабов, крестьянские мятежи, борьба трэд-юнионов, опыты величайших революций буржуазных и пролетарских—вот материал, над которым всю жизнь работал Ленин. И он брал его повсюду, выделяя типичные черты, связывая их не только в национальном, но и в международном масштабе. Какая нелепость, какая бессмыслица, в самом деле, говорить о ленинизме, как о продукте специфических российских условий, когда именно из него вырос, окреп, стал огромной международной силой III Коммунистический Интернационал!

Ленин не отворачивался с презрением от, так называемых, «неудачных попыток» рабочего класса сбросить с себя ярмо капитала. Он не говорил ни о революции 1848 года, ни о Парижской Коммуне, ни о декабрьском восстании 1905 года, что «пролетариату не следовало браться за оружие». Он внимательно изучал такие попытки, как международные опыты, тщательно анализировал причины их неудач, скрещивал свои исследования во всех направлениях, долгие годы работал над ними, с упорством самого рабочего класса, ищущего выхода десятилетиями, покуда не добился новой разновидности революционной теории и практики, в которых ценнейшие качества различных форм революционной борьбы нашли наиболее полное выражение. Великие тени Спартака, Стеньки Разина и Пугачева, Робеспьера и Марата, Бланки, Бакунина и Нечаева, Халтурина и Желябова проходят перед глазами тех, кто умеет, как следует, читать статьи и книги Ленина. Всех их он сумел вызвать из могилы, и все они отдали ему то лучшее, чем владели, и все они предостерегли его от тех ошибок, которые в свое время были неизбежны потому, что они *пытались, дерзали*!

Не «специфически-российской вспышкой» и не «грезо-фарсом» была поэтому Октябрьская революция 1917 года, а законченным выводом из опыта революционных движений многих веков в самых различных странах. В этом сила, необычайная сила ленинизма, в этом секрет огромной устойчивости завоеваний Октября, хотя он является до сих пор единственным опытом своего рода. Ленинизм есть квинт-эссенция, отбор и сгусток всех наиболее сильных сторон пролетарских революционных движений во всем мире. Поэтому он так понятен рабочим массам всего мира, поэтому так и близок творец ленинизма каждому в Англии или Индии, Франции, Бельгии или Конго, в Японии или Китае, в Германии, в Америке или у нас.

Однако, то, что мы сказали выше, не об'ясняет еще в полной мере, почему личность Ленина стала легендарной еще при жизни, почему не только среди рабочих и крестьян, но даже среди буржуазных слоев, и не только в нашей Республике, но далеко за рубежом, он сумел вызвать чувства, которые в день его смерти перекрыли полностью всю сумму буржуазной ненависти и бешенства, клокотавших вокруг него, заставили даже буржуазию признать его

превосходство. Нужно, конечно, прежде всего внимательно разобраться в различных проявлениях этого, на первый взгляд непонятного, странного явления.

Разлагающийся руководящий слой буржуазии вынужден был надеть намордник на свою прессу в день смерти Ленина не потому, конечно, что разделял мировую скорбь трудящихся всего мира.

Достаточно только вспомнить, с какою жадностью в течение ряда лет ловила буржуазия всех стран малейшие намеки на то, что в здоровьи пролетарского вождя произошло ухудшение, и с какою настойчивостью она даже придумывала эти намеки, если они долго не появлялись. Но в день смерти Владимира Ильича в лагере врагов пролетариата царило молчание, потому что они *не смели* говорить, потому что они понимали, что, заговори они о своих настоящих чувствах, везде тяжелый кулак рабочего обрушился бы на их головы. На такую пробу международный капитал пойти не мог. Вежливость буржуазии всех стран была своего рода признанием силы Ленина, как вождя международной революции.

Но кроме крупной буржуазии, руководящей политикой всего мира, есть еще средняя и мелкая, есть огромные слои мещанства, разночинной интеллигенции, крестьянства, разорившиеся еще до войны под ударами крупного капитала, окончательно запутавшиеся во время последней войны, потерявшие в результате ее последнюю надежду на укрепление своего бытия и оказавшиеся у самого порога пролетаризации. Они не верят в коммунизм, они боятся пролетарской диктатуры, но жизнь неумолимо гонит их к лагерю рабочего класса. Вчера их еще удавалось запугать «красными призраками», а сегодня они перестают верить этим запугиваниям; вчера они встречали с недоверием и страхом имя Ленина, а сегодня они думают над тем, не он ли поведет и их в обетованную страну. Настроения этих огромных слоев еще не определились, но серьезные сдвиги наблюдаются повсюду и, особенно, в тех странах, где загнивающий капитализм, стараясь спасти свою международную монополию, бьет по национальному самоопределению недоразвившихся, главным образом, колониальных стран.

Одною из характернейших черт современного революционного пролетарского движения является то, что оно во многих случаях, особенно в молодых капиталистических странах, вынуждено взять на себя борьбу за разрешение многих демократических задач, от которых отступает буржуазия именно потому, что она давно рассталась с своей революционизирующей ролью и превратилась в контрреволюционную силу. Так, например, у нас отделение церкви от государства, введение всеобщей грамотности и т. п. демократические мероприятия стали возможны только после Октябрьской революции. Роль пролетарской диктатуры, как силы, вынужденной взять на себя осуществление того, от чего загнивающий класс буржуазии отрекся, особенно отчетливо сказывается в разрешении национального вопроса.

Загнивающий капитализм сумел прекрасно использовать национальные предрассудки и бессодержательные национальные лозунги, для того, чтобы ими обмануть трудящихся и столкнуть их друг с другом в мировой войне; но он оказался бессильным дать какое либо удовлетворение тем, кого обманул, после войны. Наоборот, никогда еще так нагло капитализм не третировал право угнетенных народов на самоопределение, как, именно, теперь.

Первый шаг, действительно серьезный,—действительный в этом направлении, был сделан не кем иным, как Октябрьской революцией в России. В то время как до нее Россия быстро шла по пути к превращению в колонию Антанты, после Октября впервые вопрос о национальной независимости ее, о праве на самоопределение был поставлен во весь рост,—коммунистическая партия взялась за решение этого вопроса, потому что ни загнившее дворянство, ни загнивший класс капиталистов не смогли даже подойти к нему: они просто продавали Россию, как продолжают, насколько могут, и теперь продавать иностранным банкирам, только бы купили. Россию сделал национально независимой страной рабочий класс, под руководством коммунистической партии. В то же время Союз Советских Социалистических Республик разрешил и взаимоотношения между русской и другими национальностями, живущими на территории бывшей империи. Нигде в мире нет такого удачного сочетания принципа свободных национальностей с об'единяющим их государственным началом.

Так вот перед этой способностью Коммунистической Партии разрешать вопросы демократии и склоняются те буржуазные слои, которые волею исторического развития должны исчезнуть, не выполнив своих прогрессивных задач. Поэтому Ленин еще при жизни и в России, и в ряде других стран, стал для них национальным вождем.

То, что верно для России, остается верным и для колониальных стран Востока. Если рабочие и крестьяне этих стран видят в Ленине своего освободителя от ига капитала, то в то же время и они, и многочисленные мелкобуржуазные слои, готовы итти за ним, как единственным борцом за национальное освобождение. Ленин не отступил перед этою огромной задачей именно потому, что ключ для решения ее он нашел в международной диктатуре рабочего класса. Национальный вопрос в полном об'еме может быть решен только через Коминтерн, и отсюда его огромная популярность на Востоке.

Совершенно своеобразная особенность Ленина, как вождя, заключается в том, что каждый новый день будет открывать в нем новые черты, как бы заложенные в его теории и практике, но еще не успевшие отчетливо проявиться в жизни или, точнее, в борьбе. Поэтому, когда говорят, что «Ленин не умер», то в этом образном выражении действительно есть очень много правды. Образ Ленина, великий и сейчас, будет расти, так как ленинизм еще только начинает свою работу. Биографы Ленина еще долго будут отставать в своих попытках дать полное изображение его жизни и работы

Исчерпать свою задачу до конца они смогут только тогда, когда ленинизм победит во всем мире, когда Коминтерн поставит точку в заключительной главе истории капитализма и, перевернув страницу, начнет новую главу—«*Освобожденное человечество*»!

Г. Цыперович.

Величайший организатор рабочих масс.

Еще в одной из ранних своих статей учитель Владимира Ильича, основоположник русской социал-демократии, Г. В. Плеханов, говоря о роли и значении личности в истории, высказал замечательную мысль.

Личности, писал он: «гибнут, но революционная энергия единиц переходит сначала только в оппозиционную, а затем, мало-по-малу, в революционную *энергию масс*». Если отбросить то временное, «случайное», что отчасти заключается в этой мысли, то суть ее сводится к вопросу о том, как отдельная личность превращается в вождя и руководителя масс, ибо что же иное и означает превращение «энергии единиц» в «революционную энергию масс», как не выдвигание массой такой личности, которая умеет—и своими идеями, и своими действиями, и даже своей гибелью—собирать воедино, в один мощный пучок, маленькие, ничтожные количества энергии отдельных, маленьких, незаметных личностей,—как не вопрос о том, как и при каких условиях массы выдвигают своих вождей.

Мы, марксисты, не верим в героев, наделенных какими-то божественными свойствами, героев, которые все делают за массу, которые командуют этой массой и которым слепо подчиняются сотни миллионов людей.

Мы не верим в героев, которые одни-одинешеньки делают историю, но мы знаем вождей, которые выдвигаются самой массой и вместе с этой массой перестраивают мир и открывают новые страницы в книге истории.

Таким вождем, написавшим огненными буквами в книге истории новое слово, и был Владимир Ильич.

Вождем многомиллионных масс, пролетарских масс всего мира, и был прежде всего Владимир Ильич.

И не только рабочие, и не только крестьяне, не только, стало быть, самый настоящий, самый доподлинный народ, но и наши враги, злейшие враги пролетариата признают это.

Действительно, не было еще в истории человечества такого примера, какой мы видели в лице Ленина. Не было доселе еще такого положения вещей, когда бы один человек мог приводить в движение, руководить и направлять по заранее намеченному пути десятки миллионов трудящихся, как это делал Ленин. Не было еще случая, чтобы один человек, как это умел Ленин, так хорошо, так полно,

так всесторонне, так верно отражал настроения, желания и стремления трудящегося, угнетенного капитализмом человечества. Не было, значит, еще человека, который бы так хорошо, как Владимир Ильич, умел собирать воедино, в мощный комплекс, в одну достигающую какой-то невероятной силы сумму—бесконечное количество отдельных энергий, усилий многих миллионов людей, который бы умел так же, как наш незабвенный вождь и учитель, превращать энергию единиц в революционную энергию масс и творить великое революционное дело.

В чем же тайна этого великого уменья, в чем же тайна этого необыкновенного влияния Ленина на массы?

Дело здесь заключается в том, что Ленин был величайшим *организатором масс.*

Стоит только вспомнить основные работы Владимира Ильича, чтобы убедиться в этом.

В самом деле, как ставил вопрос Владимир Ильич в «Что делать», в этом гениальном прогнозе будущих судеб нашей партии, как ставил он вопрос об организации пролетарской боевой социалистической классовой партии?

Не отдельный «герой», не какая-то божественная личность, пришедшая откуда-то извне, а революционер-профессионал, революционер-рабочий должен быть по его мысли собирателем и организатором партии. И мы знаем, что именно потому, что пролетариат умел выдвинуть таких революционеров из своей среды, наша партия сумела сплотить и сорганизовать десятки миллионов рабочих и сотни миллионов крестьян. Ведь что такое был этот профессионал-революционер рабочий, что такое были все эти известные теперь всем трудящимся России Калинины, Смирновы, Томские, Правдины, Свердловы, Иннокентии и десятки и сотни других профессионалов-революционеров и вождей?

Все они были собирателями и организаторами дотоле аморфных, распыленных рабочих масс. Это они, эти рабочие профессионалы-революционеры, прежде всего разнесли идеи Ленина по всей земле русской, забросили их в каждый завод, в каждую фабрику, в каждую деревню, начиная от самых крупных центров, в роде Питера, и кончая самым ничтожным местечком или деревушкой Юга, начиная от полного борьбы и страданий города Западного края и кончая самым темным улусом, заброшенным за полярный круг.

Это они, эти профессионалы-революционеры, занеся эти идеи Ленина, раз'ясняли их пролетариату и, ставши сами, таким образом, агентами и центрами организационного влияния, собирали, соединяли и сплачивали самые темные, самые отсталые массы пролетариата и крестьянства. И везде и всегда, эти маленькие или большие, более талантливые или менее способные, более сильные или более смелые, везде и всегда эти революционеры-коммунисты были с массами и во главе масс: и в годины самой страшной реакции, и в моменты под'ема, в моменты кровавой решительной борьбы с царем и буржуазией,

и в маленькой мирной стачке на какой-нибудь захудалой фабрике, и в крупнейших центрах в моменты баррикадной борьбы, и в нелегальном кружке, и во время пропаганды в лесу, и на полях битв, когда против рабочих России выступил вооруженный с головы до ног мировой капитал.

Но, именно, потому, что они, эти организаторы и пропагандисты, руководители и вожди были *всегда* с массами, именно потому, что они были проводниками ленинских идей, они и давали Ленину те могучие связи с массой, какие связывали Владимира Ильича с самыми широкими слоями пролетариата и крестьянства.

И по мере того, как *росло* число таких профессионалов-революционеров, таких организаторов рабочих, *росли и крепли* те связи и нити, какими связывался Владимир Ильич с массой. С каждым годом связь эта росла и увеличивалась и с каждым годом росло и укреплялось влияние Ленина в массах, росло и увеличивалось *понимание* самим Лениным этих масс, их нужд, их стремлений и надежд.

Но скажут на это, где же сам Ленин, если все дело сводится к влиянию каких-то организаторов рабочих, каких-то профессионалов-революционеров? Но где же то огромное значение, какое имел *сам* Ленин, где же его гениальность, где же его поразительный ум, необыкновенные знания и сердце?

Именно здесь, именно в массе, ибо эти организаторы - рабочие, эти революционеры - пролетарии и были теми ниточками, которые с течением лет превратились в самые мощные стальные провода, в миллионные массы, с которыми спаялся, связался Владимир Ильич. Бывают гениальные люди, которые действуют только на чувства других людей; это вожди, которые, на подобие Гарибальди, могут на мгновение приводить в движение миллионы трудящихся; бывают гении-мыслители, которые, создавая схемы в своей голове, пленяют этими построениями передовые слои борцов и часто даже не ожидают в ближайшие моменты результатов от воздействия на массы своих идей и теорий; бывают, или, лучше сказать, есть, наконец, теперь такой гений, в котором счастливо сочеталась и необыкновенная сила творческого ума, постигнувшего самые глубочайшие проблемы знания, и необыкновенная способность, необыкновенное уменье понять рядового человека массы и, стало быть, подойти к нему в самом понятном, в самом близком, в самом кровном его интересе; есть гений, и этот гений Владимир Ильич Ленин, в котором мы видим величайший *синтез* теоретических стремлений освобождающегося человечества с самыми насущными, самыми главными и самыми кровными требованиями миллионных масс этого человечества.

С этой точки зрения можно сказать, что Ленин есть только неизбежный и необходимый продукт революционного творчества масс, создание этих масс, заключительный цикл того многовекового развития, которое проделал пролетариат. Вот почему так ярко, так выпукло, так человечески понятно проявляется во Владимире Ильиче

его удивительное свойство понимать массы, и вот почему так близок, так дорог и так человечески понятен Владимир Ильич этим массам. Мы не верим в святых и не создаем фетишей и идолов, но никто не станет отрицать, что даже наши враги признают, как одну из черт личности Владимира Ильича—отсутствие честолюбия, тщеславия, желания властвовать ради власти, отсутствие тех свойств, какие бывают присущи даже самым гениальным личностям.

Исторически Ленин—завершение того мучительного длинного процесса борьбы, которую проделало доселе трудящееся человечество вообще и в частности русские трудящиеся массы.

В самом деле, не говоря уже о таких вождях революции, как Пестель, Герцен, Нечаев, Чернышевский, но даже такие героические личности, как Желябов, ни в каком случае не могут быть поставлены в один ряд с Лениным; больше того, даже такие организаторы народных масс, как Робеспьер и Марат, никогда не являлись такими собирателями и руководителями этих масс, как Ленин.

В самом деле, они двигали массами одной страны в то время, как огненное слово Ленина приводит в движение пролетариат всего мира; они были выразителями надежд и чаяний, стремлений и интересов класса французской буржуазии, Ленин является выразителем интересов и стремлений всего угнетенного человечества, трудящихся всех стран; они были революционерами, созидателями нового, но классового общества, Ленин же является разрушителем этого старого классового общества и созидателем свободного мира трудящихся.

Вот почему так близок, так понятен массам был Ленин; вот почему так любили массы Ленина; вот почему он был одинаково дорог и самому забитому и отсталому китайскому кули и европейски образованному пролетарию Запада; вот почему, будучи глубоко национальным вождем русского пролетариата, Ленин являлся вождем мирового пролетариата, был интернационалистом и коммунистом в самом строгом смысле этого слова; вот почему революционная энергия Ленина уже сейчас превращается в революционную энергию масс и вот почему мы, коммунисты, и весь трудящийся и освобождающийся пролетариат, осиротевши после смерти Ленина, все же, испытываем вместе с чувством невознаградимой потери боли и скорби и величайшее чувство бодрости, ибо Ленин жив, ибо он живет в рабочих массах, в их борьбе, в их мыслях, в каждом из нас, в том великом революционном творчестве многомиллионных пролетарских масс, какое сейчас характеризует историю человечества.

Мы не верим в героев. Историю делают не они, а многомиллионные трудящиеся массы, в своем движении выдвигающие и вождей, и героев, и руководителей, и организаторов, и истолкователей своих стремлений. Историю делают массы и единственным героем движения являются они, но, совершая эту историю, массы всякий раз создают и ту гениальную личность, которая с идеальной полнотой резюмирует задачи движения и является лучшим, бескорыстнейшим, наиболее

человечным, наиболее совершеннейшим и для данной ступени недосягаемым собирателем и организатором всех угнетенных. Таким и был наш милый, дорогой и великий Владимир Ильич.

В. Невский.

Ленин.

На одном из собраний, посвященных памяти *Ленина*, был предложен недоуменный вопрос: воспоминания товарищей о Ленине рисуют его человеком, любовно относящимся к детям, проявлявшим трогательное участие к товарищам. Как связать эту черту его характера с тем, что он, после всех тех ужасов, которые пережило человечество за время мировой войны, бросил людей на новые страдания войны гражданской? Об'явив войну—войне, он продолжал новые войны, при чем не мог, конечно, знать, что из этой новой войны выйдет победителем.

Для Ленина, лучше всех нас познавшего последнюю стадию в развитии капитализма, было совершенно очевидным, что человеческое общество в своем развитии достигло уже того предела, за которым человечество либо должно отказаться от тех общественных форм, в которых оно производило, либо должен начаться развал общества, гибель его производительных сил. Мировая война являлась разительным показателем этого.

Общественный организм тяжело болен. Он борется за свое существование. Его члены судорожно сокращаются. Его работающая часть, его мускулы—пролетариат—истекает кровью, ему грозит вырождение, превращение в китайских кули. Лишь паразиты, как тифозная вошь, жиреют на больном общественном теле. Что должен делать действительный друг человечества, благодаря марксистской науке знающий, отчего болезнь происходит и как ее надо лечить?

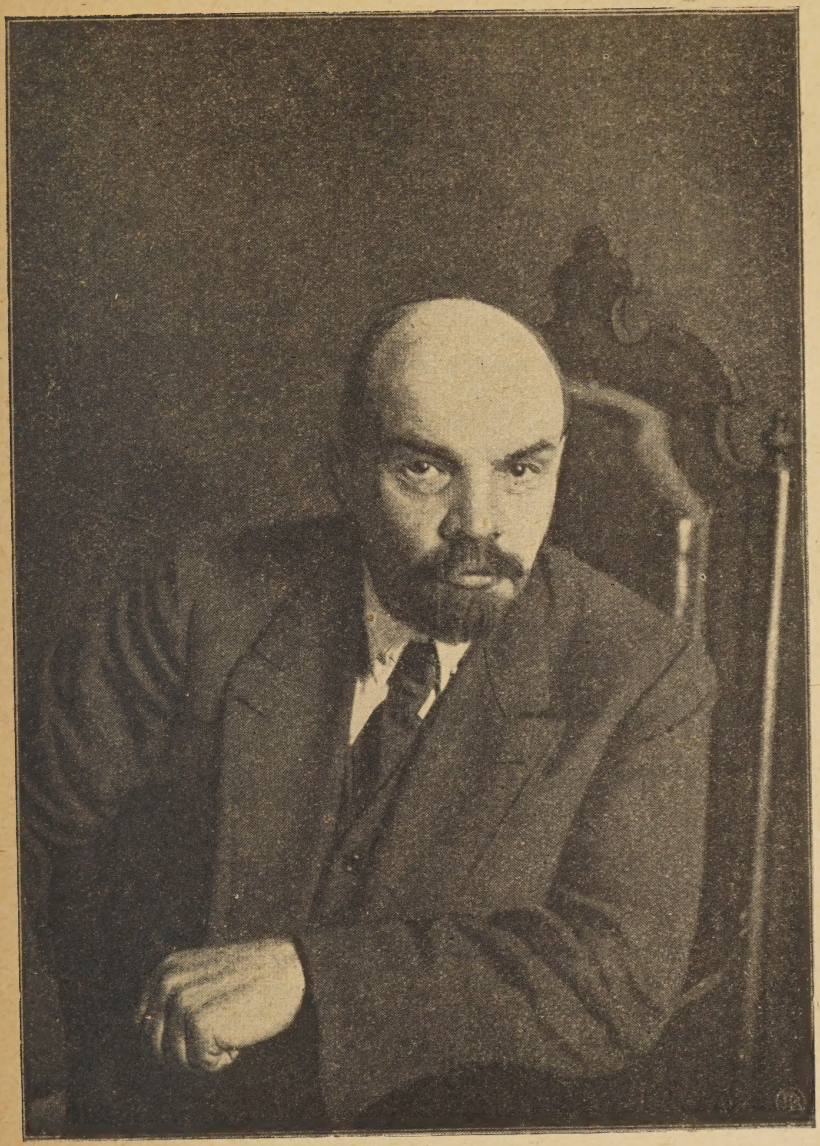
Неужели же ждать неизбежной гибели общества? Что сказали бы о враче, который, жалея больного, учитывая его прошлые страдания, не применяет к нему хотя и болезненного, но неизбежно приводящего к выздоровлению метода лечения?

Марксисты знают путь к оздоровлению общества. Ленин, лучший из марксистов, знал не только то, что люди на известной стадии общественного развития сами делают свою историю, но также и то, какие люди способны вывести общество из тупика, и то, как этот новый этап человеческой истории строить.

Он стал во главе российского пролетариата и бросился в бой за коммунизм.

Если Ленина и коммунистов обвинять за это в жестокости, то в том же надо обвинять и врачей, борющихся с сыпняком, холерой, чумой.

Меновое хозяйство превратило людей в негодных, мелких, близоруких эгоистов с лозунгом: «моя хата с краю» и «после меня—хоть потоп», но оно же породило и пролетариат с его готовностью отдать свою жизнь и силы в борьбе за свое освобождение. Ленин умел, как



никто, ненавидеть врагов рабочего класса, паразитов, разрушающих общество. Когда, после октябрьских дней, Михаил Романов обратился через меня к Ленину с просьбой позволить ему остаться в России, Ленин ответил, что «о Романовых он слышать ничего не желает».

Ленин на деле показал не только то, что люди сами творят свою историю, раз об'ективные условия достигли до известной степени развития, но и нашел путь борьбы. Он собрал в одну мощную организацию—СССР—строителей ее, рабочих и крестьян, вдохнул в них веру в свои силы и провел их через самые трудные этапы строительства.

Разве истинная любовь к детям выражается в том, чтобы угнетать, эксплоатировать и калечить их родителей, а не в том, чтобы родителям дать возможность сделать счастливыми детей?

Пусть враги рабочего класса, а, следовательно, и человечества обвиняют Ленина в жестокости, Маркса тоже обвиняли в этом, мы знаем, что нельзя любить человечество без такой жестокости к его врагам.

Товарищ М. Т. Елизаров и я были посланы Совнаркомом вскоре после Октября на переговоры с представителями Союза Городов. Мы составили целый договор. Ильич резко отказался его рассматривать:

— Не торговаться с ними, а *заставить их принять наши условия* было вам поручено, сказал он.

Мы поняли, что дали маху. Когда я докладывал в конце 1917 г. т. Ленину о тех мероприятиях, которые намечались спецами по вопросу о демобилизации мероприятий, без которых, по мнению спецов, нельзя было обойтись, но выполнение которых откладывало демобилизацию на год, то Ильич сказал:

«*Не прозевайте за разговорами самой демобилизации*».

Жизнь показала, что спецы ее прозевали.

Гениальность Ленина заключалась в уменьи просто подходить к вещам, видеть их во всей их конкретности; просто, жизненно подходить к действительности и делать из нее гениально простые выводы, и делать эти выводы понятными и доступными всем своим соратникам. Только Лев Толстой из наших русских писателей может сравниться с Лениным по ясности изложения мыслей. Отсюда та близость, которую к Ленину чувствовали положительно все в России. Не даром в Днепровском уезде крестьяне заявили, что они впустят в храм представителя той из церквей (живой или мертвой), которая получит одобрение Ленина. «Дайте бумажку с подписью Ленина, и мы впустим»,—говорили крестьяне. Там же на юге, крестьяне не хотели принимать наших делегатов, так как нет подписи Ленина.

После февральской революции я был на западном фронте, около Двинска. Несмотря на широкую агитацию Керенского и его приспешников,—чье имя было на устах у всех, кому уже тогда вверяли свою судьбу крестьяне и рабочие в шинелях, не веря в шпионство и в прочие враки—Ленину.

Если уже в широких беспартийных массах слово Ленина было законом, то тем большим законом оно было для нас, партийных.

Почему? Он никого никогда не подавлял. Всякий, кому приходилось бывать с ним на заседаниях или беседовать, подтвердит, что он не столько говорил, сколько слушал. Но всегда, когда он брал слово, он говорил так, что каждому из нас казалось: «вот это и я хотел сказать, только не сумел».

Уверенность в том, что Ленин скажет самое правильное, что Ленин укажет тот самый верный выход, что Ленин наметит самый правильный путь борьбы, уверенность, которая все вновь и вновь оправдывалась, вот что выдвигало его на первый план. Энгельс говорит о том, что любой полицейский классового общества пользуется бо́льшими привилегиями, чем старшина родового общества, *но ни один глава государства не пользуется авторитетом старшины. Ленин-глава пролетарского государства, страшный для его врагов, был поистине старшиною СССР.*

Эд. Эссен.

МАСКА ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА,
снятая через несколько часов после его кончины.

Ленин в Октябрьской революции.

Мои воспоминания о Ленине.

Начну я с первой встречи моей с Владимиром Ильичем, с описания того вечера и той ночи, когда он прибыл из-за границы в Петроград в апреле 1917 г. Но прежде скажу несколько слов о том, как рисовался образ т. Ленина в представлении тех членов партии, которые еще до революции несколько лет работали в ее рядах.

Войдя в ряды большевиков, мы скоро поняли и ощутили, что есть какая-то могучая рука, управляющая этой партией, есть светлейший ум, который пронизывает ее своим пониманием далеких перспектив, что есть где-то вождь железной воли, железной энергии, который переливает невидимо эту силу и энергию в нас; и из нас, немногочисленной группы, строится сильная партия.

Мы чувствовали, что во главе нашей партии есть не только ЦК, но что там в ЦК руководит тов. Ленин. И вот все это рисовало нам тов. Ленина, как исполинского великана, и мы, готовясь встречать его на финляндском вокзале 4-го апреля 1917 года, мы, члены партии, никогда не видавшие его, ждали увидеть вождя, который велик и умом, силен и волей своей и вооружен какими-то исключительными знаниями.

Одна только мысль сверлила тогда сознание, и все мое внимание было сосредоточено на этом: увидеть вождя нашей пролетарской боевой партии.

Скоро Владимир Ильич показался на перроне. Мы, члены Петроградского Комитета Партии, также стояли на перроне. Тов. Ленин, приняв нето приветствие, нето рапорт от командира взвода моряков, обратился с очень краткой, ну, так минуты в 2—3,— речью, которая содержала в себе следующее: то, что произошло в России, это не все, что нужно пролетариату. Временное правительство является ничем иным, как буржуазным правительством, и участие социалистов, вроде Керенского, в этом правительстве, есть дурман, который пущен искусственно буржуазией в сознание рабочего класса, который революционно поднялся, который мог смести

решительно все, а потому, удовлетвориться тем, что сейчас есть в России—нельзя. Нам нужна победа рабочего класса, нам нужна *власть* рабочего класса». И закончил Ленин свою речь так: «Да здравствует международная *социалистическая* революция!»

И вот, когда мы увидели этого человека, когда мы услышали эти немногие, но полные сил и уверенности слова, мы должны были сознаться, что он оказался даже в этот момент человеком, неудержимо смело смотревшим вперед, человеком выше, чем мы его себе представляли.

Чтобы покончить с этой первой моей встречей с Владимиром Ильичем, опишу картину шествия Владимира Ильича с Финляндского вокзала в бывший дворец Кшесинской. Мы чувствовали, все, и партийные и беспартийные, что сейчас действительно явился такой человек, который в состоянии перевернуть все то, что является буржуазным не только в Петрограде, но и во всей России, но и во всем мире.

Шествие представляло грандиознейшую картину. Когда Ленин увидел народ на площади у вокзала, в нем заговорила натура борца. Он схватил знамя Петроградского Комитета Партии и с броневика произнес свою первую революционную речь. Закончив ее, он на этом же броневике, окруженный факелами и в сопровождении манифестации в несколько десятков тысяч человек, проследовал в наш Штаб—в Петроградский Комитет большевиков.

Вторая моя встреча,—вернее, не вторая, а одна из других встреч с Лениным была следующая:

В апреле месяце того-же года происходила первая в 1917 году Петроградская конференция членов нашей партии. Организация наша была небольшая. К тому времени собралось нас человек 20 с небольшим делегатов в одной из аудиторий, кажется, Женского Медицинского Института на Петроградской стороне. На другой или третий день работ конференции приходит один из товарищей, взволнованный, и не менее взволнованно говорит, что в Семеновском или Преображенском,—точно не помнит, каком полку, происходит митинг в несколько тысяч солдат. На этом митинге выступают эс-эры, кадеты и явно темные личности, которые говорят о Ленине и о большевиках,—и в своих речах отмечают, что Ленин явно подозрительный человек, что он в сношениях с Вильгельмом, что пропущен он в Россию при содействии германского правительства.

Товарищ этот присутствовал на митинге и сказал в заключение, что не исключена возможность, что эта толпа, наэлектризованная агитацией, может начать громить нашу партию.

Товарищ Ленин, который сидел в президиуме, встал и совершенно спокойно сказал:

— Вы, товарищи, продолжайте работу, а я поеду на этот митинг.

Мы все, как один человек, самым настойчивым образом протестовали. Мы говорили, что он не имеет права ехать, что если сразу

так подогретая масса встретит его, то мы не гарантированы, что какой-нибудь провокатор не крикнет:

— Бей его!

И добьется того, что его растерзают.

Тов. Ленин с тем же холодным спокойствием и с некоторым удивлением сказал:

— Зачем мы приехали в Россию? Чтобы принять участие в революции? И это наша высшая обязанность. Не одному из здесь присутствующих придется кончить жизнь свою в период этой революции. Но пока мы еще разговариваем и газету выпускаем. Посмотрите, что делается в других странах. В Германии Карл Либнехт и Роза Люксембург—в тюрьме, Фридрих Адлер, может быть, что будет казнен? А если там действительно зародится опаснейшее для нас настроение, которое роковым образом скажется на нас, то как-же не броситься на этот опасный участок революционной борьбы?!

В такие минуты товарища Ленина трудно было удержать и разубедить в том, что он уже хотел и наметил сделать, в особенности, после того, как он продумал. Все это было сказано Лениным так прямо, уверенно и просто, что конференция возразить ничего не могла—и Ленин поехал.

Я не буду рассказывать, с каким самочувствием работали мы, как вся конференция мысленно следовала за Лениным. Вот он приближается к митингу. Вот он входит. Мы представляли себе тысячи солдат, набросившихся на него, и думали: случилось что или нет?

Ну, потом дело кончилось так: товарищ Ленин вернулся на конференцию и шутливо сказал нам:

— Они же меня и на руках вынесли.

С большим трудом тов. Ленину удалось пробраться, с большим трудом удалось Ленину овладеть толпой солдат, а под конец он настолько овладел аудиторией, что его с громкими овациями и шумом посадили в автомобиль, и он благополучно вернулся на конференцию.

Еще об одной из встреч моих с Владимиром Ильичем. Я был вызван к Ленину для разговоров по военным делам. Приехал с фронта. Он интересовался тогда Северным фронтом—Архангельским. Я рассказывал ему о событиях нашей боевой жизни. Уже почти с середины рассказа дальнейшее он вспоминал сам. Он настолько был знаком в подробностях о фронте, что знал самые глухие боевые посты, он называл некоторые деревни в совершенно глухих местах и сам говорил, что он помнит, что в таком-то местечке произошло то-то, в такой-то части столько-то человек. Словом, я хочу сказать, что этот человек обладал какою-то колоссальной, исключительной памятью, он помнил все, что читал в военных сводках.

Наш разговор происходил часов в 12 ночи, т.-е. после целого трудового дня, когда уже человеку нужно было бы отдохнуть, и тем не менее, когда наша деловая часть разговора кончилась, Ленин стал говорить о том, что где-то, когда-то видел меня, спросил,

что делаю, кто, именно, у нас еще членом Реввоенсовета, рабочий-ли я?

Расспрашивал о том, как мы пользуем спецов и взяли ли на учет их семьи. Каких комиссаров мы назначаем к таким частям, которые находятся на ответственных боевых постах? И спрашивая и, вместе с тем, поясняя, а дело было уже за полночь, он рассказал о том, как нужно по настоящему вести дело, давал целый ряд советов, как вести работу. Вот почему после встречи с Владимиром Ильичем в наших головах становилось все ясным и понятным. И надо сказать, что так бывало всегда...

Иван Наумов.

Встречи с Лениным.

Большевики Выборгского района уже несколько дней ждали приезда т. Ленина в Петроград. Это было в начале апреля 1917 г. Был праздничный день, я пришла в Выборгский Районный Комитет РС-ДРП (б.) (на б. Сампсониевском пр.) под вечер—все были заняты вышиванием лозунгов на плакате для встречи Ильича. Я спросила товарищей: «едет?»—ответ получила «да». Мы вышли (человек 15: Боярышнов, Моисеев, Комаров, Женя Егорова, «Дядя»—Лацис и др.) из райкома и построились в ряды. К нам, как по чьему-то сигналу, без особой с нашей стороны агитации, начали стекаться рабочие и работницы и строиться позади нас. Многие рабочие знали Ленина только по имени, но хотели его видеть.

Подходя к Финляндскому вокзалу, мы увидели самую разношерстную публику на площади—видели автомобили, даже дам с цветами, рабочих, солдат и матросов. И все говорили: «Ленин сейчас приедет!» Когда наши цепи оттиснули праздную публику в сторону, она была в недоумении. По их лицам было видно, что они недовольны.

Вдруг на площадь донеслись с вокзала звуки марсельезы. Все замерли и ждали появления Ленина. Мы увидели его стоящим в броневом автомобиле с небольшим букетом цветов в левой руке. Около него стояла его жена Надежда Константиновна Крупская.

Когда Ленин выходил с вокзала, слышно было громкое «ура», а затем с броневика послышался голос Ильича—он говорил, было видно, что он говорил, жестикулируя правой рукой. Ильича освещали прожекторы с автомобилей.

Броневик двигался медленно в толпе. И когда броневик приблизился к нашей цепи, Ильич говорил:

«Товарищи, рабочие и солдаты! Я благодарю вас за то, что вы дали мне возможность вернуться в Россию. Вы сделали великое дело—вы сбросили царя, но дело не закончено, еще нужно ковать железо, пока оно горячо. Да здравствует Социалистическая революция!» Ильич поехал дальше, а мы стояли на месте, как вкопанные. Сзади

ЛЕНИН
Летом 1920 г. в Ленинграде во время II Конгресса Коминтерна.

нас в толпе буржуев-зевак раздались голоса: «Ленин болен... он не в своем уме!»...

Вскоре наши цепи двинулись за автомобилем Ильича к дворцу Кшесинской, где помещался ПК РС-ДРП (б.). Мы стояли на площади и ждали появления Ильича. Вот он показался на балконе дворца.

Была уже ночь. Площадь перед дворцом освещали прожекторы. Ленин говорил с балкона, освещенный светом... Слова его до нашей группы не доходили, так как мы стояли далеко от дворца—вся площадь сплошь была заполнена людьми, преимущественно — солдаты, матросы, рабочие, интеллигенция. В толпе зевак говорили:

«Ленин с ума сошел!»

* * *

Вторая встреча ярко запечатлелась в моей памяти.

Это было в конце апреля 1917 г.

Был устроен митинг в 3 местах Галерного Острова. Солдаты и рабочие переполнили до отказа помещение завода. Выступил т. Ленин. Точно слов его не помню. Он говорил о том, как осуществить захват власти рабочими и как надо подготовить к этому и армию. Он говорил, что в этом деле поможет печатное слово, на что нужны средства, которых не имеется. Неожиданно со всех концов митинга к трибуне стали передаваться из рук в руки в президиум обручальные кольца, серьги, серебряные портсигары, деньги и даже георгиевские кресты с лентами. Один солдат-инвалид, сдавший свой крест, влез на ступеньки трибуны и сказал:

«Товарищ Ленин, примите от меня то, что я имею, и что было мне наградой за потерю моего здоровья на фронте. Возьмите этот георгиевский крест, не как крест, а как некоторую ценность, которая может пригодиться для поддержки газеты для фронтовиков!»

Воодушевление митинга было небывалое—словами не передашь. Люди плакали и возбужденно кричали: «Правильно говоришь».

* * *

Третья моя, близкая, встреча с Лениным была в ноябре 1917 г. Наш Выборгский районный штаб красной гвардии и Районный Совет переехали тогда на Симбирскую улицу в юнкерское артиллерийское училище. В нем еще оставалось немного юнкеров и офицеров.

Я работала в хозяйственном отделе штаба. В декабре была назначена отправка отрядов красной гвардии на юго-западный фронт сменить солдат окопников. Я тоже собиралась ехать с отрядом.

В ночь на 1 января 1918 г. был устроен вечер встречи Нового года и проводы красно-гвардейцев. Вечер был в «белом» зале Михай-

ловского юнкерского училища. В половине 12 часа ночи был разговор у нас в штабе о том, кто же будет говорить...

Было даже замешательство...

В этот момент вбежал в штаб по лестнице рабочий Константин Лебедев и закричал мне:

«Вишневская! Ильич идет с Крупской!»

Все сразу зашевелились и обрадовались.

Без 5 минут 12 часов ночи Ленин взошел на трибуну—все замерли. Ленин говорил. Речь его была сказана просто, но была радостной и бодрой. Только в углах зала были видны злобные взгляды юнкеров и служащих юнкерского училища. Ленин поздравлял с первым новым годом в Советской стране и говорил о задачах, которые надо решать рабочим, взявшим власть. Ленин говорил и напутственное слово уезжавшим на фронт.

Когда он кончил, отправляющиеся на фронт красногвардейцы взяли на руки Ильича и стали его качать, крича: «Да здравствует новый год, да здравствует наш вождь—тов. Ленин!»

Качали и жену Ленина.

После этого открылось концертное отделение, а т. Ленин с женой в нашей тесной группе (Куклин, К. Лебедев и др.) пил чай в штабе и вскоре ушел как-то незаметно и неожиданно.

А утром мы уехали на фронт. И на фронте, через некоторое время, узнали, что, когда Ленин уезжал с одного митинга, на него было совершено 1-е, к счастью, неудачное, покушение—в него стреляли, когда он ехал в автомобиле.

Станислава Висневская.

Воспоминание о Ленине районного работника.

Измена меньшевиков и соц.-рев., которые старались свести на нет роль Советов и передать власть буржуазии, всегда заставляла нас больно чувствовать отсутствие в наших рядах того, кто, физически по неволе, находясь за границей, руководил нашей борьбой. Все мы с нетерпением ждали приезда нашего дорогого вождя. И вот в первых числах апреля до всех районов докатилась радостная весть—«едет Ленин!» Рабочие всколыхнулись и, несмотря на праздник, собралось море рабочих, солдат и матросов у Финляндского вокзала.

Те, кто присутствовал на этой встрече, не забудут никогда краткой, убедительной речи Ильича. Возглас его—«да здравствует социалистическая революция»—был подхвачен аплодисментами тысячной толпы. Никогда не забуду фигуры солдата-фронтовика, стоявшего

рядом со мной. С величайшим волнением выслушал он речь Владимира Ильича, говорившего о буржуазной революции и звавшего на борьбу с буржуазией за социализм. Когда речь была кончена, фронтовик произнес: «Вот это—человек!» В этом возгласе было как-бы признание Владимира Ильича вождем российской революции.

С приездом Владимира Ильича весной 1917 г. мы получили в руки могучее орудие—революционную теорию борьбы за власть Советов. Никогда, верно, не будут забыты выступления т. Ленина на Цветочной улице, его блестящее выступление на Партконференции, на Кузнечном, 9, на Естественно-Научных курсах. Своими выступлениями тов. Ленин учил нас, как нужно бороться.

Жизнь бежала вперед, соглашатели все больше и больше разоблачали себя перед широкими массами, реакция приближалась. Рабочие и солдаты требуют демонстрации, которая выразила бы их отношение к Временному правительству.

Ленингр. Комитет собирает всех активных работников районов в июне, числа точно не помню. Тов. Ленин, прежде чем послать нас делать доклады, вкратце инструктирует нас. Каждое слово, сказанное тогда Ильичем, должно всегда быть путеводной звездой каждого революционера.

Тов. Ленин сказал:—«Товарищи, может быть, возбужденное настроение охватило только верхушку рабочих, а не массу. Помните, что самое тяжелое преступление для революционера—это создание себе иллюзий. Вы должны в ваших выступлениях учитывать настроение масс».

После этого краткого выступления т. Ленина, секретари районов, исполнявшие тогда функции организаторов, со всем пониманием серьезности данного вопроса, информировали о настроении рабочих и солдат. Тов. Ленин, выслушав нас внимательно, так, как он умел всегда слушать, и обобщив все наши сообщения, заметил: «Да, ясно, что массы чувствуют инстинктом реакцию и поэтому волнуются».

Было решено организовать демонстрацию. Демонстрация состоялась значительно позже, так как меньшевики в первый раз ее запретили, а затем сами должны были санкционировать ее, под давлением масс, «инстинктивно чувствовавших реакцию».

Ленинская партия и в эти тяжелые для нас дни, руководимая нашим дорогим вождем, не создавала себе иллюзий, правильно учитывала настроение и, благодаря этому, привела рабочих к победе в Октябре. Слова Ильича—«самое тяжелое преступление для революционера—создавать себе иллюзии»—не должны мы забывать и теперь.

Ядвига Нетупская.

Тов. Ленин и «Кронштадтская Республика».

Это было 17 мая 1917 г., как раз во время приезда в Кронштадт тов. А. В. Луначарского.

Когда мы зашли в Совет, то там обсуждался вопрос об анархистах, самочинно занявших для себя помещение на одной из лучших улиц Кронштадта. Этот поступок вызвал всеобщее возмущение. Анатолий Васильевич потребовал слова и прочел целую лекцию об анархизме. Разумеется, он отмежевал идейных анархистов от тех лиц, которые самовольно, помимо местного Совета, захватывают квартиры, но, в общем, его речь была проникнута миролюбием и содержала в себе призыв к попытке полюбовного соглашения. В виду того, что нужно было торопиться на Якорную площадь, где был назначен митинг, с участием тов. Луначарского, мы ушли из Совета, не дождавшись конца заседания.

Следующим пунктом порядка дня значился параграф о комиссаре Временного правительства Пепеляеве. Последний был довольно безличным человеком, вел замкнутый образ жизни в четырех стенах своего кабинета и не имел абсолютно никакого влияния на ход политической жизни Кронштадта, кипевшего тогда в огне революции.

В виду этого, вопрос о Пепеляеве, как не имевший серьезного значения, совершенно не привлек нашего внимания. Мы полагали, что обсуждение этого пункта порядка дня не выйдет из рамок частных конкретных вопросов. Уже не впервые в нашей практике, от времени до времени, происходили трения между представителем Временного правительства, олицетворявшим собою власть буржуазии Временного правительства, и Кронштадтским Советом, отражавшим интересы рабочих, матросов и солдат.

Но оказалось, что из этого обсуждения незначительного вопроса вылилось серьезное принципиальное решение, оказавшееся чреватым большими последствиями.

Митинг на Якорной площади был в полном разгаре; Анатолий Васильевич с горячим воодушевлением произносил страстную речь, когда к трибуне, у которой стояли С. Рошаль и я, сквозь густую толпу протиснулись прибежавшие из Совета товарищи, которые сообщили нам новость, поразившую своей неожиданностью.

Оказалось, что после нашего ухода при обсуждении вопроса о Пепеляеве, Советом была вынесена резолюция об упразднении должности назначенного сверху правительственного комиссара и о принятии Кронштадтским Советом всей полноты власти исключительно

в свои руки [1]. Это постановление в первый момент поразило нас своим непредвиденным радикализмом. Дело в том, что в то время наша партия, выдвигавшая лозунг о переходе власти в руки Советов во всероссийском масштабе, в Кронштадтском Совете была еще в меньшинстве. Большинство составляло беспартийное «болото», шедшее за своим вождем, законченным обывателем Анатолием Николаевичем Ламановым, который одно время носился с несуразной идеей о создании «партии беспартийных». Конечно, относительное число голосов и политическое влияние большевистской фракции были значительны особенно, когда за одно с нами голосовали левые эс-эры, но абсолютного большинства в Совете мы все-таки не имели. Поэтому, не рассчитывая на успех, мы ни разу не выступали с проектом об упразднении, за полной ненадобностью, поста правительственного комиссара. И на этот раз предложение о переходе власти к Совету исходило не от нас, а от фракции беспартийных, и наши товарищи-большевики совместно с левыми эс-эрами лишь поддержали расхрабрившееся «болото».

Получив это известие, мы отнеслись к нему положительно. Принятое решение мы считали, по существу, правильным.

Мы не видели в нем ничего иного, как заявление во всеуслышание о том фактическом порядке вещей, который сложился у нас в Кронштадте с первых дней февральско-мартовской революции. С самого начала у нас Совет был—все, а комиссар Временного правительства—ничто.

Едва ли еще где-нибудь в России наместник князя Львова и Керенского был в таком жалком положении, как у нас Пепеляев. В действительности, он не обладал никакой властью, а всеми судьбами Кронштадта вершил местный Совет.

На следующее утро, после принятия этой достопамятной резолюции, т.-е. 18 мая, к нам в Кронштадт, совершенно неожиданно, приехал член ЦК Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) молодой рабочий, тов. Григорий Федоров.

Посещение цекистов было для нас вообще большим и редким событием. В данном случае прибытие Г. Федорова, без предварительного извещения, являлось совершенно необычным.

— Что у вас тут такое произошло?—В чем дело? Что означает создание Кронштадтской республики? Ц. К. не понимает и не одобряет вашей политики. Вам обоим придется поехать в Петроград для об'яснения с Ильичем, — проговорил тов. Г. Федоров мне и С. Рошалю еще в саду, примыкавшему к зданию местного партийного

---

[1] Вот подлинный текст этой исторической резолюции:

«Единственной властью в городе Кронштадте является Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, который по всем делам государственного порядка входит в непосредственный контакт с Петроградским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов».

комитета. Посоветовавшись, мы с С. Рошалем пришли к выводу, что одному из нас необходимо остаться в Кронштадте. Было условлено, что в Питер поеду я.

Быстроходный катер доставил нас к Николаевской набережной, и через некоторое время мы с Г. Федоровым уже стучали в двери редакционного кабинета газеты «Правда», помещавшейся тогда на Мойке.

— Войдите, — послышался хорошо знакомый, отчетливый голос Ильича. Мы отворили дверь. Тов. Ленин сидел, вплотную прижавшись к письменному столу, и, низко наклонив над бумагой свою голову, нервным почерком бегло писал очередную статью для «Правды».

Закончив писать, он положил ручку в сторону и бросил на меня сумрачный взгляд исподлобья.

— Что вы там такое наделали? Разве можно совершать такие поступки, не посоветовавшись с ЦК? Это нарушение элементарной партийной дисциплины. Вот за такие вещи мы будем расстреливать,— принялся отчитывать меня Владимир Ильич.

Я начал свой ответ с об'яснения, что резолюция о переходе власти в руки Кронштадтского Совета была принята по инициативе беспартийных.

— Так нужно было их высмеять, — перебил меня тов. Ленин,— нужно было им доказать, что декларирование Советской власти в одном Кронштадте, сепаратно от всей остальной России, это— утопия, это—явный абсурд.

Я указал, что в момент решения данного вопроса руководителей большевистской фракции не было в Совете, так как они все выступали на митинге на Якорной площади. Я детально описал Ильичу, что по существу положение, создавшееся в Кронштадте, все время было таково, что всей полнотой власти обладал местный Совет, а представитель Временного Правительства, комиссар Пепеляев, не играл абсолютно никакой роли. Таким образом, решение Кронштадтского Совета только оформляло и закрепляло реально создавшееся положение. Факт, существовавший в повседневной практике, был превращен в постоянный закон.

— Мне все-таки непонятно, зачем понадобилось подчеркивать это положение и устранять безвредного Пепеляева, по существу служившего вам хорошей ширмой?—спросил Владимир Ильич.

Я уверил тов. Ленина, что наши намерения не преследуют своей целью образование независимой Кронштадтской Республики и не идут дальше избрания Кронштадтским Советом Правительственного Комиссара из своей собственной среды.

— Если мы, вообще, выдвигаем принцип выборности чиновников,— говорил я,—то почему нам частично, когда это возможно, не начать этого делать сейчас? Конечно, этот выборный комиссар не может быть большевиком, так как ему, до известной степени, придется проводить политику Временного правительства. Но почему не может

быть выборного Комиссара вообще? Всегда найдется честный беспартийный, который мог бы выполнять такую роль. Почему мы, большевики, должны были бороться против принципа выборности Комиссара, если того желает большинство Кронштадтского Совета?

Мои об'яснения видимо несколько успокоили Ильича. Его выразительное лицо мало-по-малу смягчалось.

— Наиболее серьезная опасность заключается в том, что теперь Временное правительство будет стараться поставить вас на колени,— после короткого раздумья, медленно и выразительно произнес Владимир Ильич.

Я обещал, что мы приложим все усилия, дабы не доставить триумфа Временному правительству, не стать перед ним на колени.

— Ну, хорошо, вот вам бумага,—немедленно пишите заметку в несколько строк, о ходе последних Кронштадтских событий,—примирительным тоном предложил мне Ильич, протягивая лист чистой бумаги.

Я тут же уселся и написал две страницы. Владимир Ильич сам внимательно просмотрел заметку, внес туда несколько исправлений и отложил ее для сдачи в набор.

На прощанье, пожимая мне руку, он попросил передать Кронштадтским товарищам, чтобы на следующий раз они не принимали столь ответственных решений без ведома и предварительного согласия Центрального Комитета партии. Разумеется, я с готовностью обещал дорогому вождю строжайшее соблюдение партийной дисциплины.

Владимир Ильич обязал меня ежедневно звонить по телефону из Кронштадта в редакцию «Правды», вызывать к аппарату его самого и докладывать ему важнейшие факты Кронштадтской политической жизни.

С облегченным сердцем я возвращался в Кронштадт; было приятно, что Ильич, в конце концов примирился с резолюцией Кронштадтского Совета, к которой вначале он относился несочувственно. Тов. Ленин только боялся, что Временное правительство заставит нас капитулировать перед собою, что мы будем вынуждены с позором взять свою резолюцию назад. Любопытно, что т. Ленин совсем не настаивал на отказе от резолюции, а напротив, опасался нашего отступления от нее. Наконец, до беседы со мною, Ильич, видимо, не имел точного представления о положении кронштадтских дел и о размахе наших намерений. Конечно, если бы мы стремились к образованию независимой Кронштадтской Советской Республики, то такое создание государства в государстве было бы явной утопией, ребяческой затеей. Но наши помыслы не шли дальше выборности Правительственного комиссара Кронштадтским Советом. Таким образом, сознавая свою ответственность перед избирателями, Правительственный комиссар был бы вынужден считаться с местным Советом и от времени до времени делать ему систематические доклады, пользуясь его указаниями и работая под его контролем.

Очередная задача, стоявшая сейчас перед нами, заключалась в том, чтобы, с одной стороны, не дать поставить себя на колени, избежать позора капитуляции, а с другой стороны, не дать повода Временному правительству использовать данный конфликт в целях вооруженного разгрома Кронштадта. Прогноз Владимира Ильича оказался, как нельзя более, справедливым. Временное правительство действительно попыталось поставить нас на колени. Первая ласточка не заставила себя долго ждать.

В воскресенье, 21-го мая, Кронштадт посетила делегация Петроградского Исполкома, во главе с председателем Петросовета—меньшевиком Чхеидзе. Затем, наконец, пожаловали и более высокие гости: министры-социалисты Церетелли и М. Скобелев. Во всех дипломатических переговорах, которые нам пришлось вести с этими подголосками буржуазии, мы твердо помнили завет Ильича, отстояли революционное достоинство Кронштадта и не позволили поставить себя на колени.

Этим обстоятельством мы в значительной степени были обязаны тому же Ильичу, который с этого времени лично руководил по телефону каждым, сколько-нибудь ответственным, выступлением нашей Кронштадтской партийной организации.

Ф. Раскольников.

Ленин в Кронштадте.

В июне 1917 года среди рабочих и военных моряков Кронштадта прошел слух, что тов. Ленин и тов. Троцкий едут в Кронштадт. Разговоры и мнения рабочих и моряков о т. Ленине были разные. Кто говорил, что т. Ленин подкуплен немцами для шпионажа в России, некоторые, возражая, говорили, что т. Ленин—вождь большевиков. Но, так как т.т. С. Рошаль и Ф. Раскольников до приезда т. Ленина познакомили нас в своих выступлениях, кто такой был Ленин,—эта часть рабочих и моряков стала на сторону т. Ленина.

В три часа дня местный Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, совместно с партийной организацией большевиков, об'явили, что в шесть часов вечера будет митинг, на котором будут выступать т.т. Ленин и Троцкий.

В пять часов вечера большевистская организация, во главе с рабочими и военными моряками, со знаменами пошли в Петровский парк, куда они должны были приехать.

У пристани т. Ленина встретили криками «ура». Он сошел с парохода, раскланялся и, совместно с рабочими и моряками, направился в Морской манеж на митинг.

По открытии митинга т. С. Рошаль об'явил, что министры-социалисты Чернов и Церетелли через некоторое время приедут тоже

к нам на митинг. После этих слов т. Рошаля, выступил т. Ленин, который много раз вынужден был прерывать свой доклад: так много было аплодисментов. Я стоял около трибуны. Вдруг слышу крики «ура», прервавшие опять речь т. Ленина. Появились Чернов и Церетелли. Пятнадцатитысячная толпа успокоилась. Тов. Ленин снова продолжал речь, а в толпе слышу, говорят, что Чернов и Церетелли в пух и прах разобьют Ленина.

После т. Ленина выступил Чернов.

Правда, речью он произвел большое впечатление на рабочих. После Чернова на трибуне появился Церетелли, который так же, как и Чернов, часть рабочих увлек на свою сторону, а я ждал с нетерпением, скоро ли Ильич выйдет опять на трибуну.

Вдруг председатель митинга дает слово т. Троцкому, который так заинтересовал рабочих и моряков, что даже были крики «долой десять министров-капиталистов». Троцкий кончил и весь зал наполнился шумом аплодисментов.

Должен был выступить т. Ленин. И он выступил. Я в это время не помню, что со мной делалось; т. Ленину мешал говорить гром аплодисментов. Я только хорошо запомнил четыре слова из речи т. Ленина: «*волк овце не товарищ*».

В порядке очереди председатель митинга дал слово Чернову, но все рабочие и моряки закричали Чернову: «долой с трибуны!..»

Свист, крики. Председатель митинга выступил с заключительным словом, и митинг был закончен. При выходе т. Ленина, рабочие и моряки встречали его, как признанного вождя, дав ему слово победить или умереть.

Воронцов.

Мои воспоминания.

Мне, одному из немногих, выпало на долю первому услышать и пережить тяжелую весть о внезапной смерти В. И.

21-го января (с. г.) случайно находился в Москве в квартире сына в Кремле. Около 7-ми часов вечера мне позвонила по телефону моя дочь, Сталина, из своей квартиры и передала, что позвонил т. Бухарин, который находился в Горках, и сообщил, что десять минут тому назад, у него на руках скончался В. И. Сказал, что ему страшно верить этому факту, что Ильича не стало, и просил ее, чтобы она немедленно разыскала, где находятся Сталин, Зиновьев или Каменев, и сообщила бы им о смерти В. И., а также передала бы им, чтобы они немедленно приехали в Горки. Затем дочь предупредила меня, чтобы я воздержался и никому о смерти В. И. пока не говорил, так как об этом никто еще не знает.

Я повесил трубку, у меня вырвался стон. В комнате со мной вместе находился В. А. Шелгунов, который лежал на кушетке и, казалось, спал. Услышав мой глухой стон, он насторожился и быстро встал, спросив, что случилось. Я пытался скрыть и сдержать свое волнение, но не смог, подошел к нему, обнял его и разрыдался, сообщив ему все. В. А. также не выдержал и тоже разрыдался, но сейчас же оправился и предложил мне выйти на свежий воздух, чтобы освежиться. Мы, побродив в глубоком молчании по улицам Москвы, решили зайти на С'езд Советов в Большой театр, чтобы узнать, известно ли там о смерти Ильича. С'езд продолжал заседать. Все участники С'езда были на своих местах и с напряженным вниманием слушали ораторов, отмечая в своих блок-нотах нужное. На своих местах находились и гости. Но состав президиума С'езда был значительно и заметно поредевшим. Многих из ответственных товарищей в составе президиума уже не было. Повидимому, наиболее близкие т.т., узнав о смерти Владимира Ильича, ушли со С'езда и поторопились уехать в Горки, не об'явив присутствовавшим о тяжелой потере, чтобы не вызвать волнения в общей массе всех членов С'езда преждевременно.

Заседание С'езда продолжалось...

* * *

Я познакомился с В. И. вскоре, после его приезда в Питер в начале апреля 1917 г. Встретился с ним у т. Н. Г. Полетаева, который был знаком с В. И. с 1905 г. В бытность свою членом 3-ей Госуд. Думы и примыкая к большевикам, Н. Г. бывал по делам фракции у В. И. за границей.

Поэтому, с прибытием своим в Питер в 1917 г., В. И. часто посещал т. Полетаева, у которого и встречался со многими близкими т.т., с которыми также был тесно связан по работе в «Правде» дореволюционного времени.

После июльских дней, когда была поднята бешеная и жестокая травля во всей буржуазной и «демократической» прессе против В. И. Ленина и Г. Зиновьева, как против германских агентов, им тогда пришлось покинуть свои квартиры и искать безопасного убежища.

В. И. и Г. Зиновьев 5 июля встретились у т. Полетаева, и я полагаю, что встреча их была не случайной. Они должны были предварительно сговориться, как себя вести и что делать в дальнейшем, а также и организовать связь с тесным кружком близких, испытанных и преданных делу т.т., чтобы наметить вместе с ними дальнейшие действия, а также получить точную, беспристрастную информацию о настроении широких пролетарских масс Питера.

Вечером того же дня было решено на квартире Полетаева, что необходимо спешно найти безопасный приют для т.т. Зиновьева и Лилиной. Была предложена моя квартира, как ближайшая от квартиры Полетаева, что и было принято. В. И. в этот вечер остался у т. Поле-

таева. Утром же 6-го—и он пришел, чтобы проведать т. Зиновьева, В. И. был неподражаемо спокоен и ровен. Пробыв несколько часов у меня в квартире и узнав, что у меня есть еще одна свободная комната, В. И. решил остаться также у меня, чтобы быть вместе с Г. Зиновьевым.

У меня они оставались все трое—В. И., Г. З. и его жена,—т. Лилина,—до от'езда в Сестрорецк, т.-е. до 11 июля.

И в то время, когда весь вражеский лагерь злобно бесновался, а агенты его рыскали по всему Питеру и его окрестностям, разыскивая Ильича,—Ильич в эти дни, с утра 6 июля по 11 июля, находился у меня, в моей квартире (№ 20) по 10 Рождественской, в 5-ом этаже дома № 17-а, в маленькой, в одно окно, комнатке, выходящей на соседний двор, и спокойно обдумывал план действий дальнейшей борьбы с противником.

Он тогда также писал ободряющие записочки близким товарищам, успокаивая и подбадривая упавших духом после июльских дней. В. И. спокойно смотрел на будущее и уверенно говорил, что мы не разбиты, а лишь потерпели временно неудачу, вследствие несвоевременного выступления и, благодаря тому, что противник в данный момент был сильнее нас в техническом отношении, но впереди победа за нами, что мы победим, должны победить, а для этого нужно лишь побольше организованности и поменьше уныния.

Все это говорилось им с такой глубокой уверенностью и вместе с тем с необыкновенной простотой, без всякой рисовки и какого-либо пафоса, как будто бы разговор шел о совершенно простых, будничных, житейских делах.

В этой простоте заключалась огромная сила величия и обаяния В. И., распространявшаяся на всех т.т., кто с ним встречался. Он был велик не только как революционер, вождь и ученый, он был велик, как человек. Он умел разговаривать с присущей ему одному простотой, без всякой рисовки, как со своими близкими т.т., с рабочими, крестьянином и маленьким ребенком. Но в этой простоте и в отрывочной его речи каждый чувствовал властность могучего духа и неопровержимость его логических доводов.

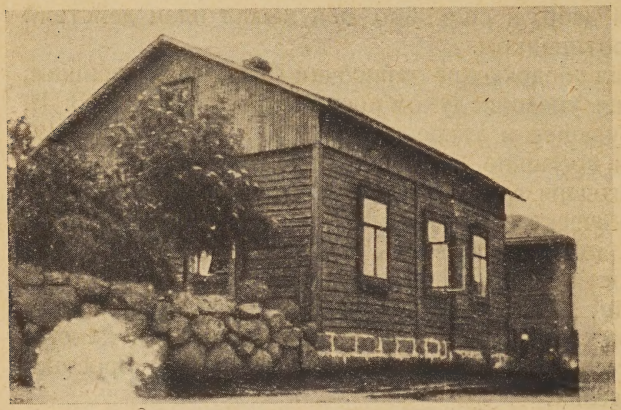
С. Аллилуев.

Ленин в 1917 году в подполье в Финляндии.

В последние дни сентября 1917 г. в среде рабочих Петрограда и Москвы и вообще России большевики имели сильное влияние. Тысячами и десятками тысяч рабочие становились в ряды борющихся. Шансы Временного (второго коалиционного) правительства приостановить революционное движение трудящихся уменьшались изо дня в день.

Ставка Корнилова на контр-революцию оказалась битой. Призыв «Вся власть Советам!» несся со всех уголков России. Даже из глухой провинции поступали сведения, что и здесь, среди беднейших и малоземельных крестьян этот призыв сплачивает их ряды, не говоря уже об армии, которая все более и более решительно становилась на революционный путь,—солдаты отказывались воевать и массами оставляли фронты.

Товарищ Владимир Ильич Ленин по постановлению Ц. К Р. С.-Д. Р. П. (б.) проживал в это время в Гельсингфорсе (Финляндия) у тов. Ровио [1]. Но так как из Гельсингфорса связь с Центральным Комитетом партии, находившемся в Петрограде, оказалась затруднительной, то явилась необходимость устроить Ильича где-нибудь поближе. Обратились ко мне. Я с радостью согласился дать ему приют у себя в Выборге.



Дом в Таликкала, в Выборге, где Ильич проживал у т. Латуки с 30-го сент. по 20-ое окт. 1917 г.

В воскресенье, 30 сентября, в день, назначенный для приезда Ильича, я, встав рано утром и приведя комнату в надлежащий вид для приема дорогого гостя, пошел в город. Моя квартира находилась в рабочем квартале города, в так называемой «Таликкала».

От радости, что мне предстоит принять вождя русского революционного пролетариата, я шагал легко и быстро.

«Привезти» Ильича из Гельсингфорса должен был тогдашний главный редактор местной рабочей газеты Хуттунен, на квартиру которого я и направился. Дверь открыли. Меня провели в комнату. «Где-же Ильич? Дайте мне его увидеть поскорей».—В ответ на мои слова Хуттунен сказал: «Пришел за ним. Сейчас увидишь, обожди минуточку»,—и вышел.

Немного погодя, Хуттунен позвал меня, сказав, что т. Иванов (Ильич получил паспорт на имя рабочего Сестрорецкого оружейного завода—Иванова) ждет меня на кухне. Владимир Ильич сидел у стола и завтракал. Я поздоровался. «Меня зовут Ивановым»,—потихоньку

[1] См. № 5—1923 г. «Красной Летописи».

сказал он мне, причем по его глазам можно было прочесть: «не спутайте меня, Иванова, с кем-нибудь другим, разыскиваемым по всей России Керенским и его компанией».

Побеседовав немного, мы с Хуттуненом отправились на собрание,— а Ильич остался у него до вечера. И только вечером, забрав «багаж» (три кипы газет и кое-какой скарб) и наняв извозчика, мы отправились по направлению к моей квартире.

Комната и в особенности книжный шкаф и полка с большим количеством русской подпольной партийной литературы—понравились Ильичу. Получив утвердительный ответ на свой вопрос: «значит эту квартиру, вы, товарищ, предоставляете мне?»—Ильич пожал мне руку и сказал: «здесь я смогу хорошо поработать».

Комната, где виден стол, за которым Ильич работал, нелегально живя, в Выборге.

И, действительно, в своем новом «рабочем кабинете» он работал. Часы рабочего дня были распределены у него точно. Установлены были определенные часы, когда вставать утром, для обеда и ужина, для бесед и дневного отдыха. Только время, когда ложиться спать, не определялось: «Ну, это будет зависеть от продуктивности истекшего дня, чтобы не осталось чего-либо недоделанного»,—сказал Ильич, добавив: «хотя мы и требуем для рабочих 8-ми часового рабочего дня, и даже 6-ти часового в некоторых отраслях, мы, как партийные работники, не считаемся со своим рабочим временем». И этот план Ильичем выполнялся точно. Отступления от него допускались им только тогда, например, когда из Петрограда приезжали товарищи.

Уже в 7 часов утра Ильич сидел у письменного стола. Каждое утро, уходя на работу (я был сотрудником местной рабочей газеты «Тюэ»—«Труд»), я заглядывал к нему в комнату, так как Ильич просил никогда не уходить, не предупредив его. Он всегда справлялся, когда вернусь, просил сообщать новости и т. д. «Следите за телеграммами «Роста», я боюсь и очень боюсь, как бы мы не прозевали момента. Ведь при вспышке революции мы должны быть на месте»,—говаривал он мне. И я давал обещания следить за телеграммами, исполняя его поручения.

Дни уходили. Мы очень подружились; беседовали, когда Ильич уставал от чтения или письма. Шутили иногда. Интересно и поучительно было слушать его рассказы про свою жизнь в эмиграции, при этом Ильич говорил: «быть может и вам, товарищи (т.-е. фин-

нам), придется еще в жизни своей жить в подполье или эмигрантами». И он, как это показали затем последовавшие в 1918 г. события,—не ошибся.

В моей памяти осталось несколько интересных эпизодов из жизни Ильича у меня.

По газетам он усердно следил за событиями в России и в других странах. Почту с утренними петроградскими газетами (они получались в Выборге в 11 час. утра) он ожидал, как голодный обеда. Интересно было смотреть, как бегали его глаза по столбцам газет, ни одна малейшая заметка не ускользала от его глаз. «Нельзя ли достать газет крайних правых партий?» — спрашивал он, и приходилось доставать.

Особенно набрасывался Ильич на черносотенные газеты. Ведь они критиковали шаги Временного правительства и указывали на те силы, группировки, которые способны были на контр-революцию. А это нужно было Ильичу для его статей, которые он писал и которые мною отправлялись в Петроград.

Событиями местного характера Ильич также интересовался. Узнав, что я, в качестве представителя Ц. К. Выборгских рабочих организаций, часто бываю в Выборгском Совете рабочих и солдатских депутатов, он дал мне задание выяснить отношение Выборгского гарнизона к большевикам на случай захвата последними власти в Петрограде. Эту задачу я легко выполнил, благодаря т.т. Ракову и Половому, которые имели точные сведения о настроении квартировавших в Выборге полков.

Ильич давал ценные указания, как в дальнейшем вести работу среди армии. Впервые он также указал на необходимость тесной связи между русскими войсками и финскими рабочими организациями.

В Выборгский Совет часто приезжали докладчики. Во время пребывания Ильича в Выборге предполагалось, между прочим, выступление с докладом о текущем моменте эс-эрки Марии Спиридоновой. Узнав об этом, я сообщил Ильичу. Но лучше было бы ему об этом не говорить, ибо Ильич тотчас же начал обсуждать вопрос, как ему поступить, чтобы присутствовать на данном докладе. И, несмотря на то, что я указал ему на полную недопустимость такого шага, он настаивал на своем: «прослушать Спиридонову сейчас, в данный момент, политически мне очень важно и полезно». «Этого я не отрицаю, товарищ»,—ответил я,—«но по многим причинам вас нельзя устроить без риска быть захваченным агентами Временного правительства».

На счастье у меня мелькнула мысль, с которой Ильич тотчас-же согласился. Я обещал сам быть на докладе и взять с собой одного товарища, знающего стенографию. «Полная проверенная стенограмма будет в ваших руках на другой же день после доклада», — сказал я Ильичу. На следующий день получилось известие, что доклад Спиридоновой не состоится. Дома я передал это Ильичу, и он успокоился

и, шутя разбирал вопрос, какая кара была бы для меня от партии в том случае, если бы я не удержал Ильича, и он на докладе был бы арестован.

Когда стало ясно, что второе коалиционное правительство стоит накануне своего падения, Ильич попросил приносить ему и вечерние газеты.

С этой целью я бывал в городе и по вечерам. Не помню, 6-го или 7-го октября, я получил вечерние газеты, содержавшие официальное сообщение о перемене кабинета. Ильич, узнав, что в новый состав Правительства входят Гвоздев, Ливеровский, Кишкин и пр., глубоко вздохнул и сказал: «*значит, наконец, последнее правительство Керенского сформировано*». Хотелось ему сказать, что, следовательно, следующее—будет правительство «тов. Иванова», но все-же не сказал, так как прочел это уже в его ярких глазах.

В те-же дни было получено из Москвы сообщение, что на выборах районных дум большевистский список собрал значительное количество голосов. В какой-то газете, хорошо не помню—в какой, было сообщено еще, что, из 17.000 солдат московского гарнизона, 14.000 дало свои голоса большевистскому списку. «*Я не понимаю, почему при таких обстоятельствах они не берут власти в свои руки?!*»—вырвалось у Ильича.

Ильич жил революцией и сам бурлил, как революция.

Помню, что он два-три раза писал довольно длинные письма в Петроград товарищам, руководившим движением, в которых отмечал, «что история никогда не простит нам, если мы не возьмем власти в свои руки теперь».

На одно свое письмо Ильич по каким-то техническим причинам не получил ответа. Тогда он написал новое письмо, где указывал, что он сам, без разрешения ЦК. партии, выйдет из подполья и прибудет в Петроград руководить революционным движением пролетариата. И только приезд тов. Шотмана помешал ему исполнить свое решение. Помню, каких трудов стоило тов. Шотману уговорить Ильича остаться еще на неделю.

Ильич согласился, но тов. Шотман должен был написать на клочке бумаги, что он, Шотман, от имени ЦК. партии, не разрешает самовольного приезда Ильича в Петроград. «А подпись?» — заметил Ильич,—«поставь и дату». Эту историческую бумажку я взял от т. Шотмана и сунул в ящик комода. Там она осталась после Ильича и, после моего бегства и при власти белых в Финляндии, моими родственниками, из опасения репрессий со стороны белых, была сожжена.

В последнюю неделю пребывания Ильича у меня, он с раннего утра до поздней ночи работал, готовился к назревающим событиям.

В субботу, 20-го октября, прибыл, наконец, долгожданный т. Эйно Рахья, с поручением от ЦК партии доставить Ильича в Петроград. Времени не стали терять. Смастерили парик, сделавший нашего Ильича неузнаваемым — финским пастором.

При расставании я пожелал Ильичу счастливого пути и успеха в разрешении политических вопросов порядка дня в России. «Следуйте нашему примеру»,—был сердечный ответ Ильича, и они вышли. Сели на трамвай и скоро были на вокзале. Поезд в 2 ч. 35 м. дня дал свисток,—«Октябрьская революция» была на пути в Россию. На станции «Райвола» наши путешественники оставили площадку вагона; часа через два Ильич на тендере паровоза, на котором машинистом был т. Ялава, с т. Эйно Рахья в первом вагоне поезда, переехали границу и на станции «Ланская» оставили поезд.

Через 2 недели 7-го ноября, Октябрьская Революция стала фактом.

* * *

Мне пришлось, как это уже предвидел Ильич, после поражения Финляндской революции — стать эмигрантом.

В 1918 г. я два раза бывал у Ильича в Москве в Кремле. Первый раз, 30-го июля, — беседовали около полутора часов. «У Ильича найдется всегда время для друзей», — сказал он, когда я, покончив свое дело, хотел уйти, зная, что он занят более важными государственными и другими делами. Его интересовали тогда причины поражения финляндских рабочих в гражданской войне. «Посещайте меня, звоните номер 36–182, вас я всегда приму. Ведь теперь наша очередь помочь вам (финнам) — говорил мне Ильич. Еще раз, 19-го августа, побывал я у Ильича, когда, прибывшие в Петроград беженцы-финны, начали сильно голодать. Ильич дал нам несколько вагонов хлеба. Больше мне не приходилось его видеть, так как я был командирован на работу в Петроград.

* * *

Ильича нет..... Но он все же жив своими заветами:

«*Следуйте нашему примеру*»,—он сказал нам, финнам, и только этим путем достигнем мы победы финского рабочего класса и беднейшего крестьянства, и Финляндия будет Советской республикой.

Юхо К. Латука.

Ленин в Октябрьские дни.

26-го октября 1917 года в Кронштадте было получено из Смольного, от Революционного Комитета, приказание:

«**Кронштадтскому Исполкому.**

Предлагается немедленно сформировать отряд в количестве 3.500 штыков, по возможности, отряд сформируйте из матросов. От-

ряду надлежит немедленно же по формировании, под командою надежного товарища, члена РС-ДРП (большевиков), направиться в Старый и Новый Петергоф, разоружить оставшиеся группы юнкеров и занять позиции на перекрестке Волхонского и Царскосельского шоссе».

Мне, как члену Кронштадтского Исполкома и заместителю председателя Кронштадтской Военно-технической комиссии, поручено было лично сформировать этот отряд.

По переброске отряда по назначению, я направился в Смольный, имея целью доложить о состоянии отряда, его настроении и боеспособности.

Революционный Комитет помещался в третьем этаже Смольного, по коридору налево. Так как работа в Революционном Комитете кипела, то мне пришлось ждать очереди, несмотря на мое срочное донесение.

Разговаривая с членами Революционного Комитета, т.т. Механошиным, Н. Подвойским и другими, которые живо интересовались состоянием сформированного мною отряда и вообще настроением Кронштадта и его гарнизона,—я услышал со стороны возгласы:

— Ильич! Ленин!...

Повернувшись, я увидел подходившего к нам Ленина. Я был тогда в матросской форме. Ленина, очевидно, заинтересовало мое присутствие, и он, видимо, хотел спросить о моем отряде (формирование которого, как выяснилось после документально, было личным желанием Ленина).

Положив свою руку на мое плечо и смотря мне прямо в глаза, Ленин спросил меня:

— Вы, вероятно, из Кронштадта и знаете что-либо о том отряде кронштадтцев, который должен быть выслан для защиты подступов к Петрограду, под Царское село?

— Да,—отвечал я.—Я приехал с донесением о настроении личного состава этого отряда и об его боеспособности. Формировать этот отряд пришлось мне, т. Ленин, если хотите, я могу дать вам о нем самые подробные сведения.

— Подробных сведений мне не нужно,—отвечал Ленин,—я знаю, что такое моряки Балтийского флота и что они сделали за это кратчайшее время—в эти два-три дня... Помните, товарищ,—обратился ко мне Ленин,—кронштадтцы сделали очень много, но им, возможно, предстоит сделать еще больше теперь,—в момент отчаянной борьбы.

Повернувшись, Ленин поспешно вышел в помещение секретариата Революционного Комитета.

Считаю необходимым отметить то впечатление, которое произвел на меня Ленин этим своим коротким разговором. До этого я не спал

суток трое подряд,—был измучен и голоден. Но после того, как я посмотрел на Ленина,—его спокойный, строгий взгляд внушил мне снова энергию, и это чувство не я один испытал.—Я от многих товарищей, встречавшихся с Лениным, слышал о таком же впечатлении от встреч с Лениным в те дни—в Октябрьские дни 1917 года.

Алексей Пронин.

Товарищ Ленин и железнодорожники.

В 1917 году я был делегатом дорожного С'езда мастеровых рабочих и служащих Союза «Викжель» [1], на котором правое крыло торжествовало свою политическую победу. На С'езде был зачитан список «семерки», составленной викжельцами и представленной С'езду для подкрепления резолюции и утверждения ее Совнаркомом.

В эту «семерку» входили три эс-эра, два меньшевика и два большевика. Левое крыло этого С'езда с этим списком не соглашалось. Были избраны два делегата для переговоров лично с товарищем Лениным; одним из делегатов был избран я.

Прибыв в Смольный и заявив, что я послан от железнодорожных рабочих для личных переговоров с т. Лениным, я был допущен, вне всякой очереди, и без всяких формальных пропусков. Войдя в рабочий кабинет т. Ленина, я не знал, как себя держать. Но зоркий глаз и пытливый ум рабочего вождя сразу рассеяли мое сомнение. Не успел я дверь закрыть, как т. Ленин встал из-за своего рабочего стола, пошел мне навстречу, и, протянув руку, поздоровался.

Казалось, т. Ленин был рад, что имеет дело с представителями рабочих, и это восстановило меня в равновесии. Спокойно начал я рассказывать, зачем пришел. Половины не высказал того, что хотел сказать. Тов. Ленин, уловив мою мысль, досказал ее мне короче и яснее и, ударив меня по плечу, сказал:

«Успокойтесь, эта «семерка» не будет утверждена, я буду оттягивать утверждение, а вы организуйтесь. Когда вы сорганизуетесь и выдвинете из своей среды на пост Наркома путей, это будет для меня законом».

Его слова оправдались на деле. На Чрезвычайном С'езде мы выдвинули кандидатуру т. Вл. Ив. Невского, который был утвержден.

Какое же впечатление произвел на меня кабинет т. Ленина?

Посредине стояли по два длинных, составленных, как в солдатских столовых,—стола, даже некрашеные, а только построганные рубанком, чистые, белые. Вокруг стояли стулья и табуретки и тоже

---

[1] Викжель—Всероссийский Исполнительный Комитет железнодорожников.

строганые белые. На столах лежали большие географические карты, на которые т. Ленин, стоя, согнувшись, смотрел, заложив указательный и большой пальцы обеих рук в карманы жилета, а остальными перебирал в воздухе, как бы соображая. Иногда он вынимал правую руку из кармана, что-то отмечая на карте. Посвистит, заложит в карманы пальцы, помахает остальными, подумает, опять отметит и т. д. Галстук у него был повязан косо—один конец его торчал из-за воротника, и т. Ленину, видимо, не было времени, чтобы его поправить.

С минуту я наблюдал за Лениным и, хотя неудобно было перебивать его мысли, но не выдержал, и спросил Ильича:

— Что там думают рабочие других стран?

Тов. Ленин, не отрываясь от карты, ответил:

— Наступать, потом окопаться и, сидя в окопах, ждать подкрепления.

Я вышел из Смольного с таким убеждением, что революция в твердых руках и что нет в мире другого такого Ильича, который бы так тонко и чутко понимал душу рабочего.

Спокойно же спи, Вождь!
Рабочие тоже поняли тебя [1].

Таран.

Дополнение к статье т. Тарана.

Железнодорожный с'езд, о котором говорил т. Таран, был созван в декабре 1917 г. и имел огромное значение во всей нашей борьбе с контр-революцией. Это и понятно: железные дороги во все время гражданской войны были той стальной осью, вращая которую русский пролетарий, под руководством нашей партии, направлял свои удары против врагов. Не имея путей сообщения в своих руках, нельзя было победить в революции, а иметь эти пути можно было только в том случае, если на дорогах мы располагали-бы всеми командующими высотами. Высоты же эти находились в руках либо прямо наших врагов, либо мелко-буржуазных соглашательских элементов (старые специалисты, Викжель и т. п.).

Вот почему одной из главнейших задач революции в тот момент, ноябрь—декабрь, являлось вырвать власть на жел. дорогах из рук Викжеля.

---

[1] Эти воспоминания взяты из № 3, от 5 февраля 1924 г. стенной газеты «Зиновьевец», органа рабочих писчебумажной фабрики имени т. Зиновьева.

За весь предыдущий период сделано для этого нами было очень мало. Приходилось итти в бой за пути сообщения в такой момент, когда нашими противниками были завоеваны все командующие высоты. К счастью, ими не был завоеван (да и не мог быть завоеван) железнодорожный пролетариат. Завоевание симпатий железнодорожного пролетариата и организация нашей базы на дорогах и было той задачей, которую наметил Владимир Ильич. В краткой заметке не место распространяться о том, как шла эта борьба за железные дороги, с октября 1917 по январь 1918 г., но нужно прямо сказать, что план и мельчайшие детали нашей тактики вырабатывались Владимиром Ильичем. С самого первого дня моего вступления в управление путями сообщения (я был назначен одновременно с Марком Тимофеевичем Елизаровым, временно исполняющими обязанности Нар. Ком. Пут. Сообщ. 7 или 8 ноября 1917 г.) вплоть до ухода с железных дорог в марте 1919 г., каждый день я делал подробнейший доклад Владимиру Ильичу либо утром, либо вечером, о положении дел на жел. дор., и ни одна мелочь не ускользала от его зоркого внимания.

В особенности внимательно Владимир Ильич относился к положению дел на путях сообщения в критические моменты революции. Одним из таких моментов и был период их завоевания нами.

На втором с'езде Советов, где выбирались первые народные комиссары, место народного комиссара Путей Сообщения осталось незамещенным, и с'езд постановил, что он должен быть выбран на особом железнодорожном с'езде, а утверждение его предоставлено ВЦИК.

Когда собрался железнодорожный с'езд, то т. А. С. Бубнов, член ЦК, командированный для руководства работой на жел. дор. и я увидели, что без раскола с правыми эс-эрами мы с'езда не завоюем, так как уже тогда правые эс-эры вступили на контр-революционный путь.

Правые эс-эры со с'езда ушли, и с'езд выбрал меня Народным Комиссаром Путей Сообщения подавляющим большинством; следующим кандидатом был Алексей Егорович Рогов, тоже наш старый революционер, — большевик, известный революционный деятель Сибири, участник бурных событий (вооруженного восстания на жел. дор.) 1905 г.

Когда доклад об этом был сделан Владимиру Ильичу, он позвал меня и спросил: «все ли вам равно, в каком «чине» работать на жел. дорогах?» Получив ответ, что не только все равно, но что было бы еще лучше, если бы меня совсем отозвали с жел. дорог (уже назначенный в ноябре ЦК на жел. дороги, я упорно в течение недели отказывался итти туда и только по приказанию Вл. И. вступил в исполнение обязанностей), Владимир Ильич указал, что Народным комиссаром должен быть, хотя и получивший меньшее число голосов, рабочий Рогов, я же должен быть его заместителем.

Владимир Ильич при этом добавил, что я, как и все, должен помогать новому комиссару, и набросал план предстоящей работы.

План этот мы и проводили в жизнь в течение всего 1918 г.

Необходимо сказать еще вот что: в течение 1918 и 1919 г.г. на железнодорожников сыпались обвинения, о них говорили чуть ли как не о контр-революционерах, но истина останется истиной: если бы не героическая, самоотверженная работа передовых отрядов железнодорожников, собранных первым комиссариатом во главе с Лениным (никогда не оставлявшим без своего руководства нас) положительно в кошмарных условиях (железнодорожники по роду своей работы были всегда в огне: ведь весь 1918 и 1919 г.г. война шла на колесах), если бы не эта полная жертв, лишений и не находящая поддержки работа (за исключением Ленина и Свердлова) даже у своих товарищей коммунистов, мы, наша партия, стальной оси революции не удержали бы в своих руках.

Вот здесь-то и увидели не только мы, близко стоявшие к Владимиру Ильичу, но и все ответственные железнодорожники вообще, что в нем, во Владимире Ильиче, мы найдем все,—и поддержку, и совет, и материальную помощь, и одобрение.

А это было для нас все: с таким вождем, товарищем, другом масс, как Владимир Ильич, можно было забыть все невзгоды и неудачи.

В. Невский.

В. И. Ленин среди моряков Балтийского, Черноморского и других флотов Республики.

Первая встреча черноморских моряков с В. И. Лениным предполагалась в первых числах мая 1917 г., когда тов. Ленин намеревался приехать в Севастополь.

Появившаяся в печати заметка о предполагаемом приезде т. Ленина, в Крыму подняла на ноги все офицерство, всех торговцев, ростовщиков и их адвокатуру, в лице тогдашних социалистов-революционеров и с.-д. меньшевиков. Они боялись, что Ленин поведет за собою весь флот и разрушит все их грабительские планы насчет аннексий Босфора, Дарданелл и Константинополя. Эс-эры и меньшевики в эти дни революции вели за собою матросскую армию и потерять таковую—значило бы потерпеть генеральное политическое поражение. Для борьбы с такой опасностью они мобилизовали все силы, забегали на судах флота, но так как аргументов против приезда т. Ленина в Севастополь у них не было, то они везде кричали об измене большевиков родине, говорили, что программа действий их ведет к гибели свободы, разложению вооруженной силы и т. д.

4 мая эс-эры поставили эту газетную заметку на обсуждение Совета. Мы, большевики, тогда были в меньшинстве; вся масса, не исключая и нас, большевистской литературы и газет не получали, и обслужить 40.000 моряков мы были не в состоянии. Масса мало знала о большевиках, но, несмотря на это, лидерам соглашательских партий пришлось напрячь все свои голосовые связки, убеждая в том, что приезд В. И. Ленина может нарушить организацию флота и как бы уничтожить свободу. Совет, состоящий из мелких собственников, портовых рабочих и матросов из крестьян вынес резолюцию против приезда В. И. Ленина в Крым 340 голосами из 409 делегатов.

В. И. Ленин не приехал, но он мысленно был с нами; его произведения и тезисы нам привезли делегаты Балтийского флота.

Матросская масса, прочитав тезисы Ленина о земле, о войне и мире и фабриках и, воодушевленная к тому же живым словом балтийских моряков и местными большевиками, через две недели сместила адмирала Колчака с должности командующего Черноморским флотом и назначила другого—адмирала Лукина.

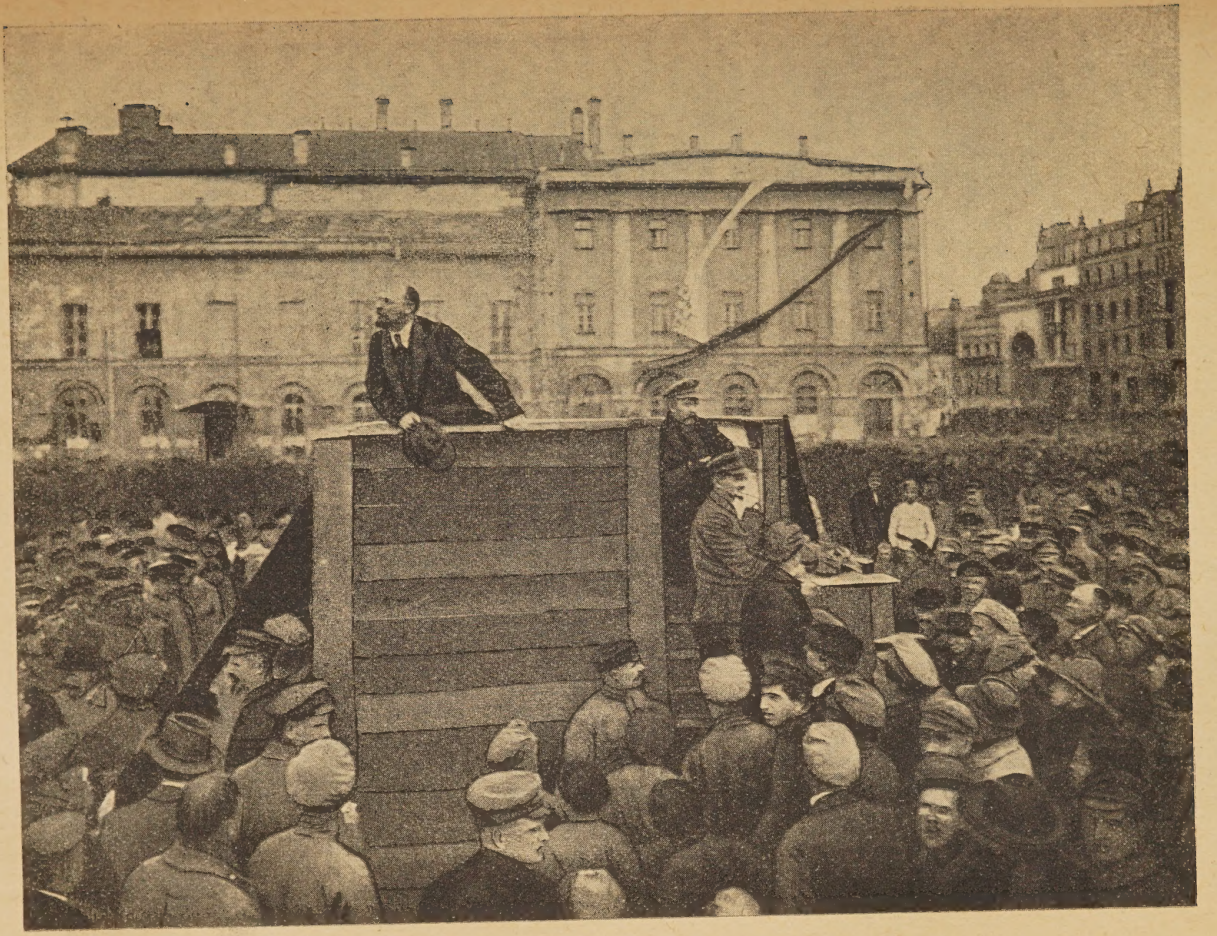
Местная и столичная буржуазия подняли крик, что флот становится большевистским, но делать было нечего. Боролись они с этим столько, сколько имели сил и средств, масса же росла и в октябрьские дни заставила оборонческий Совет взять власть в свои руки.

В ноябре месяце 1917 г. Морской революционный Совет созывал в Петрограде с'езд моряков всех морей. С'ехалось 190 делегатов: 82 от Балтийского флота, 65 от Черноморского и Дунайской флотилии, 28 от Северного Ледовитого океана и Белого моря, 7 от Каспийского моря и Урминско-Ванской флот., 4 от Дальне-Восточного флота, 3 от Амурской флотилии и 1 от Чудской. Большевиков было 116 человек, а остальные именовали себя внепартийными—среди них были эс-эры и меньшевики.

На улицах Петрограда еще раздавались ружейные выстрелы, массы ликвидировали организации, сопротивлявшиеся октябрьскому перевороту.

Наш с'езд, приступая к своим занятиям, в первый же день единодушно порешил пригласить В. И. Ленина и специально для этого выделил делегацию. 19 ноября делегация отправляется в Смольный для приглашения Владимира Ильича на с'езд. У ворот красногвардейцы просят пред'явить билеты; делегаты пред'являют. Комендант Смольного дает пропуск в Совнарком. Делегацию принял секретарь, который доложил В. И. о желании с'езда. Тов. Ленин ответил, что сегодня быть на с'езде, вследствие заседаний в Ц. К. и Совнаркоме, он не может, но обещает прибыть 22 в 3 часа и просит за ним заехать.

С'езд ждет Ильича с нетерпением. Наконец, наступает обещанный момент. Тов. Баранов председательствование с'езда передает мне, берет с собою двух вооруженных матросов для охраны В. И. Ленина и отправляется в Смольный. Ровно в 3 часа В. И. Ленин, в сопро-



ЛЕНИН ГОВОРИТ С ТРИБУНЫ
на Театральной площади в Москве. На ступеньках трибуны стоят Л. Каменев и Л. Троцкий.

вождении делегации, входит в зал заседания. С'езд встает и раздается гром аплодисментов:

«Да здравствует Председатель Совета Народных Комиссаров и вождь международного пролетариата! Ура! Ура!»

Владимир Ильич всходит на трибуну, вынимает из кармана часы и кладет их на пюпитр. Аплодисменты и крики «ура» не смолкают. Владимир Ильич хочет говорить, но делегаты не садятся. Наконец аудитория успокаивается. и т. Ленин обращается к с'езду, с речью [1].

По окончани речи Владимир Ильич в сопровождении делегатов возвратился в Смольный. С'езд приступил было к разрешению остальных вопросов, но в 17 ч. 30 м. делегаты, избранные в члены ЦИК. Советов, были вызваны на экстренное заседание ЦИК. для обсуждения вопроса о разгоне тогдашней саботажнической Думы. Работа на с'езде была прервана, и мы, 20 человек, отправились в Смольный. Из 20 делегатов было—13 коммунистов и 7 эс-эров и беспартийных. Необходимо отметить, что в то время приходилось учитывать каждый голос, ибо он мог быть решающим при голосовании.

К голосованию резолюций по вопросу о разгоне Думы Владимир Ильич прервал заседание Совнаркома и вместе с другими членами СНК пришел на заседание ЦИК.

Голосовались две резолюции: большевиков и левых эс-эров. В первой говорилось о разгоне, во второй—наоборот. Матросы, оставаясь верными своему вождю, голосовали все без исключения с т. Лениным. Двумя голосами резолюция о разгоне Думы была признана.

Когда мы уходили из Смольного, меньшевики-интернационалисты Крамарев и другие, вместе с эс-эрами, провожали нас возгласами: «вы, Ленинская гвардия, везде успеете».

С тех пор армия Владимира Ильича возросла в сотни раз. Теперь т. Ленина физически с нами нет, но в наших мыслях он жив. Красный флот его заветов не забудет и с достоинством будет носить на своих боевых судах коммунистическое знамя.

А. Платонов.

Латышский пролетариат и Владимир Ильич Ленин.

В лице В. И. Ленина трудящиеся массы всего мира потеряли самого лучшего друга и руководителя. Ленин был учителем и вождем не только русского, но и международного рабочего класса. Он был создателем настоящей революционной партии, основателем Коммуни-

[1] Речь эта помещена (стр. 41 и др.) тома XV Собр. соч. Н. Ленина-Ульянова. Гос. Издат. Москва, 1922 г.

стического Интернационала. Ленин был в настоящем смысле слова великим мастером, который сумел стихийное движение рабочих и крестьянских масс направлять в русло социалистической революции. Он указал революционный путь всем угнетенным нациям. Он лучше всех сумел также разрешить сложный национальный вопрос. Поэтому и весь трудовой народ всех наций земного шара его так горячо, так преданно любил.

И для нас, большевиков-латышей, В. И. Ленин был гениальным путеводителем. Все мы учились по его статьям и брошюрам. Все, кому известна история соц.-дем. Латышского края, знают, что наша партия в громадном своем большинстве была большевистской, была за ленинизм. Уже в революцию 1905 г. в Латвии была осуществлена диктатура пролетариата. Вся власть была в руках нашей партии. И в черные годы реакции и в годы империалистической войны, большевики-латыши крепко держали красное знамя коммунизма в своих руках.

Лозунг Ленина—«империалистскую войну превратить в гражданскую войну» безоговорочно принимается революционным латышским пролетариатом.—Мы все помним исторические тезисы В. И. Ленина в апрельские дни 1917 г., и через несколько дней после их опубликования они принимаются абсолютным большинством собрания латышских рабочих Петрограда. Латышские стрелки, сидевшие в окопах, открыто заявили, что они целиком за лозунг: «вся власть советам». Борьба латышских стрелков была борьбой за Октябрьскую революцию, вдохновителем и организатором которой был наш славный вождь В. И. Ленин.—Латышские стрелки поняли, что только Советская власть способна довести революцию до конца, дать мир и свободу угнетенным массам.

Стрелки заявили громко на всю Россию, что с оружием в руках они будут бороться за «власть Советов».

Когда на II с'езде Советов выступавшие меньшевики и эс-эры, Хараш, Кучин и др., старались убедить, что 12 армия против захвата власти, вдруг на трибуну вскакивает т. Петерсон и от имени латышских стрелков заявляет: «власть должна быть в наших руках. Не будет больше резолюций и болтовни. Нам нужно дело! Пусть эти самозванцы (Кучин и др.) уйдут со С'езда, армия не с ними».

Тов. Ленин и Троцкий, сидевшие на эстраде, первые начали аплодировать словам т. Петерсона. Весь зал гремел от рукоплесканий.

После Октябрьского переворота, для охраны новой Советской власти, были призваны в Петроград латышские полки. С полным самоотвержением они охраняли великий город революции.

При ликвидации восстания левых эс-эров главное участие принимали латышские пролетарии-стрелки. После убийства германского посла Мирбаха в Ц. К. нашей партии явились т. т. Петерсон и Данишевский и сообщили П. С. Стучке, что его срочно вызывает к себе В. И. Ленин. Когда, по словам т. Стучки, они пришли к Вла-

димиру Ильичу, он им передал, что ликвидировать восстание поручено латышским стрелкам. И стрелки с достоинством выполнили поручение вождя.

У Ленина была безграничная вера в массы трудового народа. И латышские стрелки, которые в своем большинстве были рабочие и безземельные крестьяне, оправдали везде и всюду эту веру вождя революции.

Латышский пролетариат и его авангард Л. К. П. и после смерти Ленина пойдет по намеченному им пути. Вечная память тебе, милый незабвенный вождь и товарищ!

Эйзеншмидт.

Попытка увоза В. И. Ленина (Ульянова) из Петрограда [1].

«В 20-х числах января 1918 года чрезвычайная комиссия по охране города Петрограда получила сведения, что существует организация, поставившая себе целью увезти В. И. Ленина из Петрограда в качестве заложника. К этому же времени было замечено, что за некоторыми квартирами в Петрограде усиленно следят какие-то лица. Несколько раньше были арестованы лица и среди них один шоффер, которые пытались записывать номера автомобилей, выходивших из Смольного, а латышский караул у ворот Смольного отметил появление нескольких лиц, которые весьма интересовались выезжавшими из Смольного. Эти лица нередко задавали вопросы караульным: «Кто это уехал?» «Не такой ли?!»

Все эти сведения и наблюдения, постоянно стекавшиеся к комиссарам чрезвычайной комиссии по охране города Петрограда, заставили принять некоторые меры предосторожности. 20-го января чрезвычайной комиссии по охране гор. Петрограда удалось получить сведения, что в Перекупном пер., д. № 8, кв. 17, у проживающей там торговки О. В. Саловой (Ивановой), нередко собираются военные, которые обсуждают вопрос увоза Ленина из Петрограда.

После установления некоторых данных, в ночь с 21 на 22 января были произведены одновременно аресты: в Перекупном пер., д. № 8, где была арестована Салова; на Забалканском пр., д. 21, кв. 43, где был арестован подпоручик Ушаков, военный врач Некрасов, капитан А. М. Зинкевич, П. В. Некрасов, вольноопределяющийся Н. Н. Мартьянов.

Главное действующее лицо—председатель союза георгиевских кавалеров, Осминин, был захвачен при этих арестах.

Приступив к немедленному дознанию, чрезвычайная комиссия по охране гор. Петрограда поручила комиссарам комиссии — рабочим

---

[1] См. № 20, от 8 февраля (26 января) 1918 г., газ. «Правда».

различных районов гор. Петрограда, ответственным перед партией— отыскать Осминина. Выяснилось, что он ночует в различных местах, имея свою квартиру на Охте.

Арест Ушакова, Некрасова и др. сильно всполошил союз георгиевских кавалеров. На Захарьевской ул., где помещался этот союз, были кем-то выставлены наблюдательные посты, и, когда двое комиссаров появились в районе д. № 14, то они немедленно были окружены шестью солдатами, которые не выпускали их из своего поля зрения, следуя за ними всюду, куда бы они ни пошли.

Здесь же было обнаружено, что Осминин, вышедший из союза с несколькими спутниками, быстро вернулся обратно в союз. Также было замечено, что автомобиль, который проезжал по Захарьевской ул., был сейчас же проконтролирован несколькими солдатами, вышедшими из двора д. № 14, быстро пересекшими дорогу автомобилю и осмотревшими как сидящих в автомобиле, так и номера автомобилей.

На другой день утром, когда в союзе георгиевских кавалеров должен был собраться комитет, а может быть, собрание особой группы, латышские стрелки энергичным движением окружили район и дом, вошли в помещение союза и немедленно арестовали всех присутствующих.

Среди них оказался Осминин, некоторые другие лица, нужные для следствия, а в помещении этого «культурно-просветительного союза» были найдены совершенно готовые бомбы, ручные гранаты, шашки и несколько винтовок со штыками.

Все арестованные были доставлены в Смольный, комн. 75, для допроса. На предварительном дознании выяснилось, что на квартире Саловой Осминин и Ушаков выработали план увоза В. Ленина из Петрограда. Исходной мыслью этого плана было то их запоздалое и неверное для настоящего времени наблюдение, что будто бы Ленин часто приезжает ночью на квартиру к В. Д. Бонч-Бруевичу, живущему на Херсонской улице, д. № 5—7, по близости от Перекупного пер. Осминин, находившийся в интимной связи с Саловой, требовал от нее, чтобы она приняла к себе в лавку в качестве приказчика одного солдата, который должен точно установить часы приезда и от'езда Ленина.

Установлено, что Салова отказалась принять к себе в дом на жительство такого незваного приказчика, который, по ее незначительной торговле, был ей совершенно не нужен. Тогда Осминин стал требовать, чтобы Салова как-нибудь познакомилась с прислугой Бонч-Бруевича и через нее узнала, когда бывает Ленин в этом доме. Салова и в этом отказала Осминину.

Тогда тот солдат, которому было поручено наблюдение, хотел поступить в дворники того дома, где живет Бонч-Бруевич. Так как ему не удалось осуществить это намерение, то он стал следить за квартирой Бонч-Бруевича.

По признанию этого солдата, члена союза георгиевских кавалеров, Я. Н. Спиридонова—за то, что он выследит Ленина и поможет взять живьем или убить Ленина и Бонч-Бруевича, ему было обещано 20.000 рублей.

В последнюю минуту, когда он, по его словам, уже много выследил, у него заговорила совесть, и он пришел на квартиру к Бонч-Бруевичу и подал записку, что ему необходимо видеть Бонч-Бруевича наедине, и назначил, что он придет на другой день в 10 час. Но, так как Бонч-Бруевич почти никогда не бывает дома, то ему отказали в приеме и направили в Смольный, сказав, что по всем делам Бонч-Бруевич принимает именно там. В Смольном он дал показания, сильно помогшие делу расследования.

Ушаков, Осминин, Некрасов—все заявили, что по взглядам они сочувствуют партии социалистов-революционеров (центру). После восстания 24—25 октября, Осминин и Ушаков вошли в сношение с Комитетом Спасения Родины и Революции, и, по заявлению Осминина, этот Комитет обращался к ним, т.-е. к комитету георгиевских кавалеров, с просьбой поддержать их во время выступления на защиту Учредительного собрания.

«Мы им не отказали—показывает Осминин.—Они обещали нам дать компенсацию: если мы поможем защите Учредительного собрания, то они устроят нам большую газету».

Переговоры вели Ушаков, Некрасов, Осминин и другие лица. Члены президиума союза георгиевских кавалеров обещали поддержать Комитет спасения.

На вопрос, зачем они хотели увезти Ленина—а по словам Спиридонова, убить его—Ушаков заявил, что они были убеждены, что убийство Шингарева и Кокошкина произошло по распоряжению из Смольного, и они хотели получить заложника, чтобы прекратить кровопролитие.

Когда им было указано, что следствие по убийству Шингарева и Кокошкина было назначено через полчаса после получения первых сведений В. И. Лениным, который лично распорядился, как председатель Совета Народных Комиссаров, принять самые экстренные меры к раскрытию преступления, что и было исполнено,—Ушаков разводил руками и говорил, что он теперь понимает, как он заблуждался и что революция в Германии совершенно оправдывает в его глазах политику большевиков и т. д.

Рабочий эс-эр о Ленине.

В 1918 году я, как представитель Новгородской организации левых эс-эров, был делегирован на с'езд партии левых эс-эров. С'езд происходил в Москве на Остоженке. В президиум были избраны: Спиридонова, Камков, Штенберг и другие. Был поставлен вопрос об отношении к членам коммунистической партии (б.), т.-е. как реагировать на то, что большевики преследуют некоторых активных эс-эров, в частности Прошьяна и др. При обсуждении этого вопроса, многие члены с'езда высказывались за применение к коммунистической партии таких же приемов, как в былое время эс-эры применяли к самодержцам. После прений один из членов с'езда выступил и сказал:

«Как же вы смотрите на Ленина, ставя в такой плоскости вопрос? Я желаю знать и со своей стороны добавляю, что если вы постановите применять террор к отдельным членам коммунистической партии и на мою долю выпадет жребий убрать Ленина, то я *такого постановления не выполню*, хорошо зная последствия невыполнения постановлений своей партии.

Применять террор к такой личности, как Ленин, я думаю, с нашей стороны будет абсурдом. Никто не может сказать чего-либо плохого о такой светлой личности, как Ленин. Мы не можем стать в своих взглядах на такую плоскость. Вы знаете, что Ленин возглавляет коммунистическую партию, и его шаги выходят за пределы России.

Со смертью Ленина—смерть революции. Мы сами опираемся на него. Кто может заявить, что мы имеем большинство нашего течения за границей,—этого, я думаю, никто не скажет, а мы знаем, что наша опора на Ленина—есть опора на марксистское течение, давно уже охватившее рабочих всех стран. Нельзя закрывать глаза, что если бы у нас в рядах был такой руководитель, то мы были бы теснее спаяны и верными шагами двигались вперед, а такого руководителя у нас нет».

После этой речи никто не взял слова, и вопрос о терроре сам по себе отпал.

Перешли к другому вопросу, как понимать вооруженное восстание. После прений было решено каждое массовое восстание стараться использовать, придавая ему формы движения лево-эс-эровского характера.

Семен Герцен.

Мои воспоминания о Ленине.

В 1918 году, в бытность мою председателем заводского комитета Балтийского завода, неоднократно в завком поступали требования от больных и увечных рабочих о выдаче им пенсии. Но, несмотря на хождения по всем учреждениям и лицам, мы в Петрограде толку добиться не могли, и тогда, на совместном заседании делегатов от всех морских заводов, решено было отправиться прямо к дедушке Ленину.

Сказано—сделано.

Вот мы и в Кремле... быстрый просмотр пропусков охраной, и мы в кабинете покинувшего нас теперь вождя... Охватывает какое-то необ'яснимое и радостное чувство... сейчас увидим того, к которому прикованы взоры всего мира.

Входит Владимир Ильич, пожимает нам руки и сейчас же переходит к делу.

Быстро, по-ленински, схватывает суть. Упрекает за долгую волокиту в таком важном вопросе и сейчас же делает распоряжения рассмотреть, вне очереди, наше дело в Совнаркоме, предложив и нам присутствовать на заседании. Мы с радостью соглашаемся. Покончив с вопросом, т. Ленин спрашивает нас о Петрограде, о настроениях рабочих, о заводе и вообще о всех нуждах рабочих, особенно о продовольственных нуждах, стоявших в то время очень остро. Просит бороться всеми силами с волокитой и не стесняться, в случае долгого неразрешения тех или иных вопросов, обращаться по телеграфу лично к нему.

Во время беседы один из нас, между прочим, заявил, что хорошо бы подкрепиться, на что т. Ленин, взяв лист бумаги, не справляясь больше о наших фамилиях, быстро написал: «отпустить четыре обеда т.т. Ингельману, Нарыкову, Титову и Тарусинову». Позвал т. Фотиеву и просил нам посодействовать.

В столовой мы застали весь Совнарком, за исключением т. Троцкого. Встретили нас чисто по-товарищески. После обеда т. Красиков предложил остаться в Кремле до заседания, которое должно было состояться после ужина. Остались.

Комната заседания Совнаркома небольшая, помещалась близ кабинета Ильича, сидели тесно.

Первым вопросом т. Ленин поставил наше дело. Высказывались т.т. Крестинский, Шмидт, Красиков и другие, а также и мы. Владимир Ильич, со свойственной, наверное, ему одному, быстротой изыскивать разрешения вопросов, вносит предложение: «Немедленно удовлетворить просьбу рабочих, произведя строгое расследование о волоките, с преданием виновных в ней суду».

Поздно вечером, довольные скорым и успешным решением нашего дела, мы вышли из Кремля и, идя на ночлег в гостиницу, живо

обсуждали каждый жест и слово нашего дорогого вождя. У всех нас было радостно и легко на душе, а в груди укрепилась и росла уверенность в конечной победе коммунизма во всем мире.

Как живой, и теперь еще стоит перед моими глазами наш дорогой вождь.

Спи спокойно, Владимир Ильич, зорко стеречь будут пролетарии твои заветы; никакая сила не помешает под знаменем ленинизма трудящимся всего мира войти в царство свободы и коммунизма [1].

А. А. Ингельман.

О ЛЕНИНЕ.

(Воспоминания 1919 года) [2].

Это было в апреле, когда мне впервые, в бытность мою на школьно-инструкторских курсах в Москве, удалось видеть т. Ленина. Через несколько дней после моего приезда в Москву, все мы, курсанты, спешно готовились к торжественному открытию курсов. Нам стало известно, что к нам на открытие приедет т. Ленин, и мы лихорадочно стали готовиться к встрече нашего учителя, нашего любимого вождя.

Многие из нас слышали неоднократно о счастливых минутах, выпавших на их долю: о встречах с Ильичем, о его простоте, товарищеском подходе ко всем.

И в глуши, среди крестьян и даже казаков Кубани и Дона, часто повторялось это имя с каким-то особенно теплым и радушным чувством.

И вот, все мы с невольным трепетом ожидали его приезда в день торжества открытия наших курсов. Сидим, волнуемся. Вдруг, одна из товарок, моя случайная соседка, совершенно неожиданно сообщила: «Т.т., приехал Ленин».

Как от электрической искры все мы вскочили и замерли в недоумении, не зная, что нам делать: бежать ли в зал, оставаться ли на местах или кинуться навстречу нашему дорогому гостю.

Пока мы колебались, отворилась дверь, и нас позвали в соседнюю комнату, где уже в группе курсанток сидел т. Ленин и расспрашивал об их житье-бытье на курсах.

Больше всего интересовался он положением на местах, расспрашивая, как относятся крестьяне к революции, посещают ли дети школу и что делается в школе для взрослых.

---

[1] Эти воспоминания напечатаны в стенной газете «Красный Балтфлот», № 13, январь, 1924 г., Балтийский завод, Ленинград.

[2] Эти воспоминания взяты из № 3 от 5-го февраля 1924 года стенной газеты «Зиновьевец», органа рабочих писчебумажн. фабрики имени Г. Зиновьева.

Узнав, что я из Курска, т. Ленин спросил:

— Довольны ли крестьяне, что земля отобрана от Маркова 2-го?

— Я и все мои землячки-курянки как-то смутились и не знали, что сказать.

Со своей милой, спокойной улыбкой т. Ленин вывел нас из неловкого положения, чисто по-дружески, заметя нам, как старший товарищ:

— А! вы боитесь сказать мне правду. Это нехорошо. Вы ведь приехали сюда учиться, вы после наших краткосрочных курсов должны будете уехать снова в свои медвежьи уголки, туда, где мне не придется, вероятно, побывать, будете там проводниками нового строительства. Вам придется много переносить разных невзгод, лишений и приложить много труда, разрушая старую школу и создавая новую, единую, трудовую. Вы должны быть стойки, уверенны и правдивы. А для всей этой работы нужно учиться и учиться без конца и учить других—старых и малых.

После этого пришлось видеть мне т. Ленина еще несколько раз на курсах и на митингах. Каждое слово, сказанное великим учителем, глубоко западало в душу и забыть его было нельзя. Всюду и везде, казалось, видела я т. Ленина и слышала его слова: «учиться и учиться без конца». И хотелось учиться, хотелось все знать, хотелось видеть и слушать.

Речь его была проста и понятна, отличалась силой и глубиной от речей всех профессоров, которых приходилось слушать потом. Помня заветы Ильича, мы следовали им и учились и учились.

Перед окончанием курсов, горя желанием снова видеть у себя Ильича, ходили его приглашать. Но, увы, он не мог приехать. У себя же в кабинете нам он снова повторил:

«Просвещайте на местах рабочих и крестьян, создавайте новые школы и учите детей, помогайте сельским исполкомам налаживать их дела в новой работе, будьте нашими проводниками там, на местах. Сообщайте нам в Москву о всех невзгодах и неурядицах, этим вы поможете в нашей работе».

После этой короткой беседы мы возвратились в свое общежитие. Хотелось скорее уехать, чтобы выполнить завет, чтобы оправдать возлагаемые на нас надежды.

Я видела еще т. Ленина в Москве в 1920 г., после отступления Красной армии из Курской губернии. Я и несколько человек ответственных работников ехали работать во временный Донской Исполком, который начинал организовываться в г. Саратове.

Беседа наша с Ильичем на этот раз была коротка, да и понятно: другой момент переживался нашей молодой Республикой Советов.

Тов. Ленин снова напомнил нам, что мы должны работать для других, для блага всего пролетариата; мне же, как работающей по организации Отделов народного образования, Ильич подчеркнул:

«Помните, вы должны учиться и учить других детей, в них залог будущего. Вы должны из школы выпустить граждан вполне сознательных, могущих защищать интересы рабочих и крестьян».

С этим наказом мы и уехали. В последующий тяжелый период мы твердо помнили заветы великого учителя—Ильича. Во все тяжелые минуты я вспоминала вместе с другими товарищами все, что было сказано нам нашим вождем, и свои обязанности мы выполняли, с гордостью могу сказать, не за страх, а за совесть.

Организатор-работница **Антипова.**

Как работал Ильич.

В 1919 году, будучи больным, я был эвакуирован из Петрограда санитарным поездом в Москву. Наш поезд по дороге часто задерживался; наконец, прибыли в Москву, и наш поезд поставили к какому-то винному складу, где мы стояли трое суток, дожидаясь распоряжения о размещении. Все, как один закричали: «пойдем к т. Ленину, и он нас определит».

Выбрана была делегация из трех человек; в том числе был и я.

Приходим; огромная очередь народа со своими пожитками расположилась у дверей. Это были ходоки, большинство из деревень. Набравшись смелости, мы прошли без всякой очереди. Но не пришлось мне видеть его за работой, а только через толпу ходоков заметил я его голову. Двое из моих товарищей через пять минут вышли с указом т. Ленина об оборудовании винного склада под госпиталь. Он до тонкости указал, куда что убрать и откуда что взять. Через сутки винный склад принял вид приличного госпиталя, где мы лежали до выздоровления.

Это—мелочь, но из мелочей складывается и большое.

А в общем все эти мелочи подрывали его здоровье, утомляли его мозг, ибо нас приходило к нему миллионы.

Моисеев.

Воспоминания о Ленине.

Впервые мне пришлось встретиться с В. И. в первых числах января 1920 г. Я прибыл в Москву рано утром. День был морозный, и, выйдя с вокзала, я быстро направился к Кремлю. Но вот и Кремль. Там, после пред'явления документов и соблюдения некоторых формальностей, меня привели на квартиру к В. И. Квартира Ильича нахо-

дилась в 4 этаже большого Кремлевского здания. Окна ее выходят на площадь Кремля. Квартира невелика,—всего четыре, просто обставленных комнаты и рабочий кабинет. Ни признака, ни намека на роскошь. Несколько простых желтых стульев, большая этажерка с книгами, обеденный стол и небольшой рояль—вот почти все, что вы увидите, войдя в эту квартиру. Комнаты Марии Ильиничны и Надежды Константиновны обставлены тоже очень просто. Трудно сказать, что в этой квартирке жил глава Российской Республики: она скорей напоминала жилище самого заурядного трудящегося гражданина Республики.

О моем приезде доложили Надежде Константиновне, и она встретила меня в передней очень радушно. После недлинного разговора на семейную тему [1], она предложила пойти к Владимиру Ильичу. Он в то время был сильно простужен и лежал в постели. Мы вошли в спальню. Ильич лежал, читая газету. Перед ним стоял маленький столик с грудой исписанной бумаги и чернильница. Заметив входящих, он, улыбаясь, поздоровался со мною и предложил сесть. Во время разговора В. И. сказал: «Теперь вам надо учиться—куда же вы хотите поступить?» «На курсы комсостава флота»,—ответил я. «Что-же! Отлично. Республике нужны хорошие моряки»,—сказал Ильич и написал записку к т. Склянскому, с просьбой содействовать моему поступлению.

Ильич спрашивал меня о настроении в Питере, указывал, что теперь необходимо взяться за учебу и сам написал записку, чтобы меня ознакомили с коммунистической работой в армейских частях и комкурсах. Записка эта хранится у меня до сих пор. Прожил я в Кремле около 3-х недель, и эти три недели врезались клином в мою память. Я уверен, что кто хоть раз видел Ильича и разговаривал с ним, тот не забудет этого никогда, Да. Такие люди не забываются.

Через два дня В. И. уже встал и сразу же весь ушел в работу. Встав утром и наскоро выпив стакан чая, он уходил к себе в кабинет и работал там до 5—6 часов вечера. Часов в 6 вечера собиралась вся семья: Надежда Константиновна из Главполитпросвета, Марья Ильинична из редакции «Правды» и В. И. из своего кабинета. Садились обедать. Но частенько приходилось обедать и без Ильича—он был очень занят делами, и обед относился прямо в кабинет. Во время обеда Ильич читал газеты и обменивался шутками с присутствующими, но сразу-же после обеда уходил в рабочий кабинет и занимался в нем до глубокой ночи.

Я поражался колоссальной работоспособности В. И. Иногда к нему приходили: Бухарин, Крыленко и др. товарищи. Они острили, шутили, и в такие моменты мне казалось, что я вижу не вождей мирового пролетариата, а обыкновенных «смертных», веселых людей. Но спустя

[1] М. Крупский—племянник Н. К. Крупской (Ульяновой).

час, В. И. удалялся с ними к себе в кабинет, или гости уходили, и в квартире снова водворялась тишина. Мне удавалось поговорить с Ильичем только в минуты обеда, но и этим я был вполне доволен.

В кругу домашних Ильич почти всегда был весел. Он не говорил тогда серьезно о политике, а лишь в шутливом тоне. Добродушная улыбка не сходила с его лица. Но это бывало не часто, так как большую часть времени он проводил в своем рабочем кабинете, то принимая иностранных представителей, то принимая доклады и делая распоряжения, то присутствуя на совещаниях и заседаниях и т. д., и т. д.

Дни мчались быстро. Отпуск мой кончился, и пришлось возвратиться обратно в Питер.

* * *

В другой раз я приехал в Москву в сентябре 1920 г. Прямо с вокзала направился в Главполитпросвет к Надежде Константиновне. Она мне сказала, что так как В. И. необходим отдых, в виду сильного утомления, то они сегодня вечером едут на несколько дней в Горки. Н. К. предложила и мне отправиться с ними. Я, конечно, согласился, и часов в 7 вечера автомобиль был подан к кремлевскому под'езду. Ильич сел рядом с шоффером впереди, а я с Н. К. сзади. Ильич был в веселом настроении и шутил со мною. Быстро промчались 30 верст; показались и Горки.

Какое прекрасное местечко! Оно точно создано для отдыха. Небольшой белый дом красивой архитектуры с большим балконом. Кругом великолепный парк. По обе стороны дома два флигеля. В одном из них поместили меня. В Горках я провел часть своего отпуска, набираясь сил для нового учебного года. На другой день в Горки приехали: Бухарин и Кржижановский. Каждый день за чаем и за обедом собирались все вместе. Ильич разговаривал с товарищами, шутил и смеялся. Бухарин забавлял всю компанию, рассказывая московские анекдоты и комические происшествия. Ежедневно мы ходили с Ильичем купаться на речку. Вчетвером перебирались на шлюпке через реку и купались, при чем В. И. успевал, почти всегда, войти в воду первым. Другим любимым занятием его—была охота. В окрестностях Горок было много бекасов и уток.

Так я пробыл в Горках почти 2 недели, купаясь, гуляя и читая книги. Там была довольно хорошая библиотечка, где можно было найти книги по разным отраслям знания. Недалеко от дома пруд, где плавали караси, но лучше всего—это парк. Из Горок я вернулся в Москву, а затем скоро пришлось ехать обратно в Питер. В училище комсостава флота близились занятия, и нужно было поспеть во-время.

Довольно трудно восстановить в памяти все, что мне пришлось видеть и с чем сталкиваться во время московских поездок. Дневника я тогда не вел, но все же многие из моментов свиданий с Ильичем ясно представляются мне и сейчас, несмотря на то, что прошло уже почти 4 года.

М. Крупский.

Маленькое воспоминание о т. Ленине.

Мне посчастливилось видеть т. Ленина лишь один раз. Это было весной 1920 г., когда Ленинград посетили делегаты Коминтерна. На площади Урицкого был парад. После парада т. Г. Зиновьев открыл митинг приветственной речью.

Все время в продолжение речи он свой взор направлял в ту сторону, где среди делегатов стоял т. Ленин, который горячо с кем-то беседовал.

После окончания своей речи, слышу—т. Зиновьев дает слово тов. Ленину. Дрожь пробежала по телу. Всего, что было вокруг, я не видал больше, видел только одного т. Ленина, который пробирался из группы делегатов Коминтерна и, к моему удивлению, грозил кулаком, как будто бы мне. Я смутился. Но сейчас-же сообразил, что т. Ленин грозит в мою сторону, но не мне. Со мной стояли члены Губкома и Райкомов партии, которые, при словах:—«слово предоставляется т. Ленину», вдруг долго стали кричать протяжное «ура».

Но угрозы т. Ленина не подействовали, и «ура» длилось. Недолго думая, т. Ленин вынул часы и стал смотреть на них, покачивая во все стороны головой. Минуты через три громкое «ура» кончилось.

Тов. Ленин положил часы в карман, покачал еще головой, погрозил пальцем и начал свою речь.

Вот здесь я почувствовал, какую пролетарскую крепость и грозу для буржуазии представлял этот человек.

Качкин.

Несколько слов о т. Ленине.

Впервые лично мне пришлось видеть и слышать т. Ленина в 1920 году на IX Всероссийском С'езде РКП в Москве.

Ленин выглядел бодрым и сильным. В ту минуту, когда я слушал его отчетную речь о проделанной работе ЦК партии, чувствовалась уверенность в окончательной победе коммунизма во всем мире.

На одном из очередных заседаний С'езда, когда поднялся шум, стоило только т. Ленину погрозить пальцем, как аудитория замолкала.

На этом же С'езде происходило чествование Ленина в ознаменование 50-летия со дня его рождения. Выступал с речью один из старых народовольцев, седой старик, который сказал: «и мы, старые народовольцы, преклоняемся перед этой личностью, как перед вождем рабочего класса...»

Не выждав окончания речей, т. Ленин подошел к президиуму и заявил: «нечего время тратить на это, пора заняться делом. Работа ждет, ее очень много...»

Рашевич.

К характеристике Ленина, как человека.

С т. Лениным я познакомился после июльских дней 1917 года, когда он приехал в Гельсингфорс.

С первой встречи он расположил меня к себе, и я старался изо всех сил исполнять все то, что он просил меня сделать. Поскольку я мог заметить, к нему так же относились и другие мои товарищи, с которыми ему приходилось встречаться. Так, рабочий, т. Б., с женой,—у них т. Ленин жил на квартире в Гельсингфорсе—очень полюбили т. Ленина и крайне сожалели, что из-за незнания русского языка не могли с ним разговаривать.

Я не заметил ровно ничего «генеральского» в т. Ленине. Правда, он был настойчив и требовал и укорял до тех пор, пока не сделаешь того, что ему было нужно, но сама просьба его всегда указывала на то, что он просит не для себя, а для дела.

Что же касается своих личных нужд и потребностей, то все, что он мог сделать, он делал сам. Сам кипятил чай, варил яйца, убирал остатки пищи и приводил все в надлежащий порядок. Я предложил ему приносить обеды и уверял, что это не затруднит меня нисколько. Он отказался, сказав, что хлеба с маслом, яйцами, да с чаем для него вполне довольно: — Чего же мне еще? — недоумевал он...

Он не курил и не пил спиртных напитков. Это я узнал сейчас же, как он приехал ко мне. Я поставил на стол закуску и бутылку коньяку. Ленин сказал, что не пьет никаких вин.

Возле письменного стола, на котором он писал, я поставил твердый, не обитый ничем, стул. Видимо, т. Ленин не любил работать, сидя на мягком стуле.

Работал он очень усердно. По вечерам погружался в чтение газет, после чего писал до поздней ночи.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ

народныхъ комиссаровъ.

~~Петроградъ~~ Москва

27 X 1918 г.

№

Тов. Владимирскому (или другому члену Президиума Моск. Совдепа).

Податели — товарищи выборгцы. Очень прошу принять их <u>немедленно</u>. Кроме того очень обращаю внимание на <u>чудовищный формализм</u> при входе в Совет, на невероятную придирчивость контроля, на писание совершенно идиотских особых пропусков. Необходимо уничтожить это.

Привет! Ленин.

Первое время он совершенно не выходил гулять на улицу, а сидел в квартире. Но настроение его всегда было неизменное,—ровное, спокойное.

Раз, поздно вечером, мы все-же отправились пройтись. Шли по совершенно неосвещенной улице,—в 1917 году в Гельсингфорсе не было уличного освещения, боялись налета германских цеппелинов—и я в разговоре с т. Лениным случайно назвал его по фамилии. Он сейчас же призвал меня к порядку и напомнил о конспирации.

Весьма тщательно подготовлялся он к от'езду; все, до мельчайших подробностей было заранее им обдумано,—парик, краска для бровей, финский паспорт и т. д.; он заучил даже несколько финских слов и фраз.

Подпольная работа, постоянная конспирация приучили его к осторожности. Помню его рассказ о проживании под чужим видом во время революции 1905 г. Он сказал, что после октябрьской «свободы» он жил тогда легально, кажется, только 10 дней. Прописался под своим именем и, придя после этого к дому, где жил, встретил у ворот так называемое гороховое пальто. Владимир Ильич не пошел домой, а повернул назад, и позже узнал, что этот суб'ект наводил справки о нем.

— Я после этого уже не являлся на эту квартиру и поспешил перейти на нелегальное положение,—закончил он рассказ о своей попытке жить легально. Он перечислил фамилии, по каким жил; кажется, их было свыше десятка.

С легким юмором Владимир Ильич вспоминал, как он в течение 1906 — 1907 г. г. жил по паспорту какого-то грузина, хотя совсем непохож на грузина. Рассказывая, он смеялся над шпиками от души.

* * *

После его от'езда из Гельсингфорса я встретил его в ноябре 1917 г. в Смольном. Это было после ноябрьской всеобщей забастовки в Финляндии, когда власть в стране была в руках рабочих.

Первым делом Владимир Ильич спросил меня:

— Почему не удержали власть в своих руках, почему сдали ее буржуазии?

Я сообщил, что мы не были вооружены и что поэтому не было возможности удержать власть. По выражению его лица было видно, что он от своего мнения не откажется, и я не стал оправдываться.

После этого я бывал у него несколько раз в Москве в Кремле, и каждый раз он при прощании напоминал, чтобы я, когда бываю в Москве, заходил к нему. К нему я попадал следующим образом: звонил в Совнарком, называл свою фамилию, через несколько секунд Владимир Ильич отвечал. Мы условливались о времени. Он отдавал распоряжение по приемным инстанциям, и меня пропускали

к нему в указанное время. В этом отношении он был исключительный человек. Его аккуратность и точность были образцовыми.

В 1919 г., когда я сильно похудел вследствие голодовки, он настойчиво предлагал мне поехать куда-нибудь в санаторию. Когда я стал возражать, он предложил, чтобы мы, партийные работники-финны, присмотрели себе возле Ленинграда дачу или особняк и сделали из нее санаторию, где по-очереди могли бы отдыхать и подкрепляться.

— Надо беречь себя, нельзя так истощать себя, у нас ведь так мало опытных работников,—усовещевал меня Владимир Ильич.

При малейшем намеке он оказывал свою помощь. В 1919 г., зимой, я был у него. У меня не было зимнего пальто, и я в разговоре об этом как-то проговорился.

— Я напишу вам записку, и вы получите — сказал Владимир Ильич.

Владимир Ильич — один из прекраснейших товарищей. Редко встретишь такой товарищески простой, непринужденный прием, какой оказывал он.

Тов. Ленин относился совершенно одинаково ко всем. Об его отзывчивости и чуткости к чужому горю я убедился лично. В 1921 г. у меня умерла жена. Летом 1921 г. я был на III Конгрессе Коминтерна и встретился с Владимиром Ильичем. Мы поздоровались, и он тотчас же спросил, как я поживаю. Я ответил, что 21-го января моя жена умерла от брюшного тифа.

Значит, у вас в Питере заразные болезни,—сказал он с грустным видом и неподдельным чувством внимания. Я заметил, как близко было его сердцу мое горе.

Его любовь к детям теперь общеизвестна. Однажды, в 1917 г., после июльских дней, к Владимиру Ильичу приехала в Гельсингфорс Надежда Константиновна. Он просил не привозить газет на его квартиру, обещая быть у меня. Вечером, когда стемнело, Владимир Ильич пришел ко мне вместе с Надеждой Константиновной. Мы сидели за столом и пили чай. Тут же подвернулся мой 3-х летний сын, и, когда Владимир Ильич заметил его, он стал с ним возиться. И те полчаса, что он просидел у меня, он забавлял моего сынишку. И хотя мой сын не понимал по-русски, но ему было очень весело с Владимиром Ильичем: то и дело ребенок звонко смеялся. Когда после смерти жены я как-то сказал Владимиру Ильичу, что сын очень скучает по матери, а мне негде достать ему игрушек, Владимир Ильич взял из портфеля бумажку, спросил, сколько лет моему сыну, и что-то записал. Я уже успел забыть об этом разговоре, вдруг в сентябре 1921 г., мне сообщили, что т. Ленин прислал мне пакет. Я получил аккуратно завязанный сверток, адресованный мне, с надписью—«от председателя Совнаркома т. В. И. Ленина».

Я был крайне удивлен и побежал скорей на квартиру. Придя домой, я сейчас же открыл пакет и нашел там... детские игрушки:

автомобиль, пушку и две коробки складных деревянных игрушек. Тут я сразу вспомнил наш разговор на III Конгрессе Коминтерна, когда Вл. Ильич, несмотря на свою перегруженность важнейшими делами, поспешил занести себе в записную книжку о том, что нужно достать игрушек для моего сына!

Да, это был человек, и ничто человеческое ему не было чуждо!

Г. Ровио.

Работница о Ленине.

Не умею я писать красиво, но хочется мне поделиться с вами тем большим счастьем, которое выпало на мою долю. С Октябрьской революции и позднее, я работала в Кремле близко около нашего дорогого и великого вождя товарища Ленина. Я выполняла различную работу в канцелярии Совнаркома. За день через мои руки проходили сотни бумаг к Владимиру Ильичу.

Почти беспрерывно являлись одна за другой делегации с 9 час. утра по самым различным вопросам к т. Ленину. Всех он выслушивал, давал свои советы, ободрял, и все уходили удовлетворенные на отдых, а Владимира Ильича после дневной работы ждало заседание Совнаркома, которое зачастую длилось часами.

Еще после этого т. Ленин просматривал целый ворох бумаг. Несмотря на такую напряженную, колоссальную работу, несмотря на усталость, он, наш дорогой учитель, находил время считаться с состоянием здоровья сотрудников, работающих в его канцелярии. Одного из таких сотрудников он несколько раз направлял в санаторию, он до сих пор жив, а Ленина не стало.

У меня нет слов, чтобы охарактеризовать эту мощь, силу нашего вождя и в то же время скромного любимого товарища, который без всякого высокомерия и раздражения об'яснял мне непонятное в моей работе.

Всегда спокойный, уравновешенный и аккуратный, он требовал того же от нас. Неисполнение его приказаний карал тем, что заставлял провинившегося писать себе выговор, который за его подписью клали в папку проступков по должности. Такой выговор писала когда-то и я себе за то, что задержала одну бумагу. По моему мнению, бумага была несрочного характера, и я задержала ее на 4 часа.

— Вас надо четыре раза расстрелять,—сказал Владимир Ильич, и велел написать мне выговор. Но, когда выяснилось, что я была права, т. Ленин порвал мой выговор и впредь, прежде чем писать выговор, требовал, чтобы мы сначала доказывали свою невиновность.

Видела я и раздраженным т. Ленина. Когда он узнал, что ему прибавили жалованье, это было в марте или апреле 18 года, то, заложивши руки за жилет (его обычная поза), бегал по кабинету, говоря Влад. Дм. Бонч-Бруевичу:

— Зачем это? Кто вас просил об этом? Кто вас просил об этом?!.

Во время эс-эровского восстания т. Ленин всю ночь работал, ел с нами мясные консервы и шутил над т. Шлихтером по поводу того, что эс-эры у него отняли автомобиль. Тов. Шлихтер ответил:

— Зато при мне остался мой наган.

В ответ на это т. Ленин сказал:

— Зачем им наган, когда они стрелять не умеют. Целят в Кремль, а попадают в Арбат.

В моей памяти есть много еще картин из жизни т. Ленина, но о них когда-нибудь в другой раз.

Как я фотографировал Владимира Ильича.

Летом 1920 года Петроградский военный округ командировал меня в Москву для сфотографирования вождей Революции.

Главной же задачей моей было сфотографировать Владимира Ильича, но это было не так-то легко сделать.

Владимир Ильич не имел ни минуты свободной, да и, кроме того, не любил сниматься.

И, вот, в один из жарких июльских дней неожиданно нас вызывает секретарь Совнаркома т. Фотиева, говоря, что Владимир Ильич изъявил согласие сняться.

Я поспешил в помещение, где предполагалось снять Владимира Ильича.

Прошло несколько минут. Вдруг я услыхал в соседней комнате быстрые шаги, и в комнату живым, бодрым шагом вошел Владимир Ильич, человек среднего роста, сильного, даже мощного, сложения, как говорят, железный человек.

Весь снимок с момента,—как Владимир Ильич вошел, поздоровался и сел,—продолжался не более $1^1/_2$ минут. Я успел снять его два раза, при чем просил, чтобы Владимир Ильич не был так серьезен,—на что он мне ответил: «снимайте так, а то меня все снимают кривым».

Я просил Владимира Ильича сняться в профиль (по просьбе художников и скульпторов), на что Владимир Ильич сказал: «в следующий раз приезжайте»...

К сожалению, больше мне не пришлось приехать в Москву; так профиля Владимира Ильича и не удалось снять.

П. Жуков.

Ленин в революцию 1905 г. и в последующие годы.

Воспоминания о т. Ленине.

Впервые я встретилась с т. Лениным в Женеве после II с'езда партии в 1903 году.

Приехав в Женеву, я отправилась на явочную квартиру к т. Литвинову («Папаше»), с которым пошла к П. А. Красикову (Павлович). Вместе с последним я отправилась к Владимиру Ильичу.

Небольшой загородный двухэтажной деревянный домик, в котором жил тогда Владимир Ильич с Надеждой Константиновной, надолго остался у меня в памяти. Как сейчас, вижу эти две мансардные комнаты, с более чем скромной обстановкой, которые занимали Владимир Ильич и Надежда Константиновна.

В комнате у Ильича стоял большой некрашеный стол, весь заваленный газетами и книгами; письменный стол, простая железная кровать, какую редко встретишь за границей—и несколько стульев. Вот и вся незатейливая обстановка, в которой жил тогда Ильич.

Также скромна была обстановка и в комнате Надежды Константиновны.

Внизу помещались кухня, служившая им одновременно и столовой, и комната матери Надежды Константиновны.

Придя в квартиру, мы застали там несколько товарищей. Владимир Ильич был у себя за работой. Надежда Константиновна передала нам, что он всю ночь работал, два раза ездил на велосипеде в типографию для сдачи статей, написанных им по поводу раскола в партии.

Окончив работу, Ильич спустился к нам вниз и сейчас же ввел нас в самую гущу тогдашних злободневных вопросов, основой которых были разногласия между большевиками и меньшевиками.

Нас было несколько товарищей, которые ежедневно у него собирались, и в беседах с ним, имевших целью подготовку нас к работе в России, получали глубокое и ясное освещение и ответы на основные вопросы теории и практики революционного марксизма.

В вопросах «практики» революционной борьбы мы пользовались руководством незаменимого друга Ильича—Надежды Константиновны. Он сам предлагал нам за «практическими советами» (подлинные его слова) обращаться к Надежде Константиновне. «Она все эти вопросы разрешит»—говорил он.

Зачастую беседы прерывались расспросами Ильича о событиях в России у товарищей, только что прибывших оттуда. Я перед приездом в Женеву устраивала «границу» для большевиков на юге, и Владимир Ильич с живым вниманием выслушивал все подробности этого «дела». Интересовался он тогда и революционной борьбой студенчества, участницей которой я была сама в Киеве.

Никогда не забуду его живых, пронизывающих внимательных глаз, того участия, которое проявлял он к мельчайшим фактам роста революционного сознания трудящихся масс.

Равнодушный и безучастный к судьбам мещанства, он был слит с рабочим движением, с революционной борьбой пролетариата, и все—даже самые маленькие шаги этого движения—глубоко и сильно интересовали его.

* * *

Вторично я встретилась с т. Лениным в Ленинграде, тогдашнем Петербурге, в 1905 г. Помню его выступление на большом собрании в Соляном городке, где были представители и других партий. Тов. Ленин выступал тогда под именем «Карпова». Речь его произвела громаднейшее впечатление; даже враги признали в нем очень крупную силу. Зал гремел от рукоплесканий—особенно со стороны рабочих.

Вдруг дали знать, что зал окружен казаками. Первой нашей мыслью было охранить и спасти Владимира Ильича и Надежду Константиновну, которая также была здесь. Окружив его тесным кольцом, мы прошли сквозь строй казаков, а затем, рассыпавшись отдельными группами по разным переулкам, мы следили за тем, чтобы Владимир Ильич благополучно достиг своего дома.

В 1905-6 г.г. довольно часто, если и не ежедневно, встречалась я с Владимиром Ильичем в зубоврачебном кабинете на б. Невском пр., в доме № 108, где я работала ассистенткой. Кабинет этот находился недалеко от помещения редакции большевистской газеты (Невский, 102). Сотрудники этой газеты заходили в наш кабинет к Ильичу для информации. Здесь я встретила Богданова, Базарова, Орловского (Воровского), Г. Зиновьева, Луначарского, Красина и др. Во время одной из таких бесед т. Богданов шутливо заметил: «Ильич, вы у нас будете президентом». Он тогда, конечно, и не подозревал, что шутка эта окажется пророчеством, сбывшимся через 12 лет, когда Ильич стал у руля правления в стране, занимающей $^1/_6$ часть земного шара и насчитывающей 100 милл. населения.

Фотографии Владимира Ильича в различные периоды его жизни.

Когда разогнали первую Государственную думу, Ильич переехал в Финляндию. Часто в воскресные дни мы, группа большевиков, ездили в Куоккало или Терриоки к Ильичу на дачу и от него получали руководящие указания для своей подпольной работы в Петербурге.

* * *

Следующая встреча с Ильичем была в 1917 г. сначала на Финляндском вокзале, а затем во дворце Урицкого.

В одной из комнат последнего собралась большевистская группа, и Владимир Ильич впервые изложил перед нами программу захвата власти рабочими и крестьянами, отмены частной собственности, передачи крестьянам помещичьей земли, национализации фабрик, заводов и банков.

Едучи в Россию, Владимир Ильич и не представлял себе, как широко уже развернулась русская революция. Но вот недалеко от Белоострова, один солдат из крестьян сказал ему: «ты, революционер, едешь в Россию, нам хоть немного земли дали бы». Тов. Ленин ответил ему: «Бери! ведь земля твоя». И т. Ленину ясно стало, что момент настал, что революционное сознание масс требует немедленного осуществления коммунистической программы, основные очертания которой были затем набросаны им в речи во дворце Урицкого.

Во время доклада к нам пришла делегация из представителей других партий и просила т. Ленина прийти в общий зал. Тогда т. Ленин обратился к нам с вопросом—изложить ли эту программу целиком там, как она была очерчена перед нами, или же не делать этого. Когда мы все высказались за то, чтобы она была доложена вся целиком, без урезок и смягчений, Ильич сейчас же с радостным воодушевлением выполнил это.

Помню, однако, что некоторые товарищи выступили тогда против Ильича. Так, т. Гольденберг сказал: «Вы, т. Ленин, оптимист и фантазер. Вы хотите одним прыжком перескочить через столетия». Не согласился с программой Ильича и Б. В. Авилов и др.

Но жизнь оказалась лучшим свидетелем действенности программы Ильича, и то, что казалось даже «своим» неверующим «Фомам»—безумною мечтою, ныне претворилось в подлинную жизнь, историческую действительность, великую и славную эпоху рабоче-крестьянской власти С. С. С. Р.

Справедливо отметил т. Бухарин, что Ильич «по случайному разговору с деревенской старухой угадывал биение пульса в крестьянстве» и «по записке рабочего на митинге видел и чувствовал, какими путями бегут мысли рабочего класса».

Вот все, что всплыло в моей памяти, когда я стояла на Красной площади у гроба Владимира Ильича,—все, что было самым светлым и радостным в моей жизни, и о чем мне хотелось поделиться с товарищами.

Дора Двойрес-Зильберман.

Ленин за-границей и в Терриоках.

Освобожденный из царской тюрьмы под новый, 1905 год, и не желая вновь быть запертым в ней по ожидаемому суду, я весной пробрался за границу. Я стремился в Женеву—тогда нашу Мекку. Сюда стекались израненные, усталые революционеры подкрепиться у живого источника революционной мысли новыми силами, духовными и физическими.

Временно застреваю в Берне, где, при помощи т. Г. Зиновьева, знакомлюсь с последними изданиями партийной литературы и разногласиями, вытекавшими из положения на Лондонском с'езде партии. Но фракционные речи и взаимные придирки тогда еще бумажных противников не дают должного ответа на вопрос—за кем итти. Старые меньшевики, ученики Маркса и Энгельса, были не плохими диалектиками, и на словах умели выходить из всяких положений.

А, вот, ответьте на проклятые вопросы: крестьянство пойдет с нами, с рабочим классом или с буржуазией? Вооруженные восстания подготовлять? Оружие доставлять и на какие средства и какими путями и мерами? Неужели на членские взносы членов партии из сочувствующей либеральной и радикальной интеллигенции!? Ну, а как удержаться после восстания, с кем делить власть после революции?. Неужели так-таки придется сесть за стол вместе с г.г. Родзянко и Головиным и полюбовно, по хорошему начать дележ власти!?

Ответьте же, т.т. Плеханов, Мартов, Дан и пр !

Это вы сядете после революции за стол с г.г. Путиловыми и Гучковыми, чтобы пред'явить счет за пролитую десятилетиями рабочую и крестьянскую кровь? Ответьте же,—нам некогда, нас ждут в России, мы посланы к вам за ответом.

— А что скажете вы, т. Ленин?

И он отвечал...

На деревянных подмостках женевского кафе «Андверка» и «Ландольки»—он, один из многих, отвечал на проклятые вопросы.

Говорил велеречиво Плеханов, образованнейший среди тогдашних марксистов, цитировал не только Гегеля и К. Маркса, но, блистая афоризмами и стишками из Пушкина, Салтыкова-Щедрина, всем своим европейским видом почтенного парламентария, нас убеждал, что иначе быть не может...

«Все в процессе, история делает скачки лишь на определенной степени развития, а потому» ....а потому: «раньше вы, рабочие, своей кровью свергнете царизм, немножко вам поможет крестьянство, но не надейтесь на него, оно—крестьянство—раньше побывает в Вандее, ну, а потом уже настоящие конституционные буржуи сядут—ну и мы, конечно, с ними тоже рядом,—ну, и так далее, «весь процесс» полагается, как по истории. Это так, это говорю вам я,

Плеханов, готов даже подписаться. Впрочем, в такой-то книге я уже давно это сказал...».

Таков был лейт-мотив всех, самых научных речей его.

Тоскливо..... повеяло шаблоном..... Но слово за ним, за т. Лениным. Насторожились.

«Товарищи.....» (он слегка картавил, буква «р» переходила в «г». Открытый лоб, острый, слегка щурящийся, пристальный взгляд пронизает вас. Это произошла огневая смычка трибуны с массой).

И он говорит..... Он не спорит.

«Прав т. Плеханов по К. Марску и Гегелю, даже по Пушкину и Щедрину, все правильно высчитано и даже искусно причесано по европейской истории. Но вы, господа хорошие, отстали от истории русского революционного движения. Вот тут вы не заметили, а там вы не видите, а здесь не хотите слышать, и отсюда отворачиваетесь.... От революционной массы, от ее стихийного порыва вы прикрываетесь резолюциями, волну революции вы пропускаете через свое дырявое решето прямо на мельницу буржуазно-помещичьего конституционализма».

Он уже не защищается—он нападает, он бьет обухами по лбам, мелкотравчатых врагов. Он острием ножа вскрывает черепную коробку врага и бороздит лезвием по его мозгу... Революция жива, она грядет, рабочий класс наливается сознанием, только он, во главе всей крестьянской безземельной и батрацкой Руси, победит,— и это будет совсем не так и гораздо раньше, чем меньшевики и эс-эры думают...

Уф!.. Буря пронеслась, освежила воздух, смела гусениц с молодой листвы и с зеленых почковых побегов...

Таков был В. И. в ту тяжелую годину работы русского большевизма, наш Владимир Ильич, товарищ Ленин, тогдашний учитель и будущий великий вождь величайшей в мире революции.

А вот он, домик на Заштатной улице г. Женевы. С родственным чувством я приближаюсь к нему. Со мною т. Гр. Зиновьев и, кажется, тов. В. Бонч-Бруевич. Им, моим спутникам, и невдомек, как сердце сильно билось у меня. После нескольких месяцев пребывания в эмиграции, я по революционному зову тороплюсь вернуться в Россию.

И уже я знаю твердо, что отсюда, из сокровищницы мозга Ленина невидимые нити протянутся по дальним степям и равнинам российским, по фабрикам и заводам, утоляя революционную жажду, руководя сознанием революционных масс.

... Две комнатки, одна другой меньше, и кухонка. Одна из комнат—кабинет и спальня Владимира Ильича. Он узнает, что я возвращаюсь в Россию. Ласково смотрит, легонько ободряет... Тут и Надежда Константиновна. Она имеет, как секретарь бюро Ц. К., снабдить меня «явкой» и мандатом. Она предлагает выпить чай,—время послеобеденное.

Разговоры о России, куда я еду,—теперь их не вспомнишь, но тогда стоял Октябрь 1905 г., первая всероссийская жел.-дор. забастовка. Было, о чем передумать революционному вождю.

Там, в далекой России, рабочие расправляли свои плечи и готовились к удару,—всем надо торопиться туда на помощь.

Орлята в нетерпении машут крыльями, пробуют взмахи в полете. И Орел вскоре подаст им знак и первый будет среди них и впереди их...

Не прошло и месяца—двух. Я, перебравшись в Россию, метался в частых поездках по району Иваново-Вознесенска—Шуи, в Петербург, в Москву и обратно. А Ильич уже был в России, имя его было у всех на устах.

В 1906 г. я засел в Петербурге, работая при П. К. в районе за Нарвской заставой, преимущественно на Путиловском заводе.

Реакция не успела еще одолеть революционной волны, и в этом году я Ильича и, в особенности, Надежду Константиновну встречал часто.

Помню его на одной из наших конференций в Терриоках в 1907 г., в период разгона и созыва одной из недолговечных царских «Дум».

Ильич председательствовал. Конференция продолжалась всего несколько часов, с перерывом. Решался вопрос: участвовать ли нам в выборах в Думу или бойкотировать. Помнится, решили: в выборах принять участие исключительно ради целей агитации и выявления бессилия Думы, не внушая массе никаких иллюзий на эту ублюдочную форму царской конституции.

* * *

Когда отмечаешь путь Ильича, трудно отделить в своей памяти, в своем сознании прекрасный образ спутницы пережитых Ильичем бурь, тревог и побед, оруженосца нашего великого вождя—Надежду Константиновну.

Я в жизни не встречал более скромной, более глубокой и сияющей какой-то внутренней красотой, более чуткой женщины, чем Надежда Константиновна.

Семен Чапко.

О словах Ленина.

Каждое слово Владимира Ильича, каждая мимолетная встреча с ним,—запоминаются, как яркий источник уверенности, неуязвимости.

Лично мне в 1905 г. посчастливилось слушать Владимира Ильича. Были боевые дни 1-го Совета рабочих депутатов Петербурга. Будучи 19-ти-летним рабочим, состоя в рядах с.-д. большевиков, я уже вкусил прелести дискуссий с меньшевиками и эс-эрами и горесть пора-

жений в кружках и на собраниях рабочих Александровского и Обуховского заводов и на заводе «Атлас», где я работал. Представителем в Совет рабочих депутатов был тов. «Никита», который и пригласил нас однажды на собрание в Вольное экономическое общество, где, по его словам, должны были выступить наши руководители. Уже до начала собрания нам стало известно, что выступит т. Ленин. Немного он сказал — говорил около получаса, выступив после речей наших «супротивников», как в помещение вошли городовые, и мы должны были разойтись. Они пропускали нас сквозь свой строй, всматриваясь внимательно в лицо каждого. Мы узнали, что т. Ленин благополучно избег лап охранников. Мы направились по районам. По принятому тогда обычаю, мы завладели вагоном Невской паровой конки, так что ни одного постороннего не поместилось в вагоне. И не песни раздавались в вагоне во время поездки. Мы почувствовали себя после речи Ленина на голову выше. Ясным набатом звучали они в наших ушах и глубоко врезались в память.

Один из рабочих Александровского завода говорил тогда:

— Речь т. Ленина можно сравнить с гладким шаром, например, биллиардным. Подтолкнутый умелой рукою шар катится неуклонно к назначенной цели. Кроме правильного хода, он в данный момент не имеет ни малейшего из'яна, трещины на себе, которые бы могли замедлить его ход или сбить с пути. И как ни верти этот шар — речь Ленина, в нем нет места для зацепки меньшевистского крючка. Мы должны научиться не только опрокидывать своих противников, но избегать слабых мест в своей речи в спорах с противником, уметь спорить по-ленински, бронируя по-ленински свои слова.

Генрих Равелин.

Владимир Ильич Ленин в Электротехническом институте.

Чтобы правильно оценить роль Владимира Ильича Ленина в политической жизни прежнего студенчества, необходимо разобраться в тех группировках, на которые делилось студенчество до появления Владимира Ильича в Электротехническом институте.

Я начну с 1902 года, с года своего поступления в институт.

В 1902 году институт помещался на Ново-Исаакиевской ул., в д. № 18. Студентов было немного, человек 100—200. В то время, насколько я помню, студенчество политической жизнью почти не интересовалось. Чтобы охарактеризовать настроения студенчества того времени, приведу следующий факт. В 1902 году—накануне 19 февраля—нам разрешили сходку для обсуждения мелких хозяйственных вопросов. На сходке выступал какой-то студент и попросил разрешения обрисовать

роль Александра II в деле освобождения крестьян. Когда он начал говорить о том, что Александр II освободил крестьян не по собственной воле, что он вынужден был подписать манифест 1861 года, под влиянием разраставшихся в то время крестьянских волнений, что роль Александра II была ролью не «благословенного освободителя», а умного помещика, понявшего необходимость уступки крестьянам,—то многие студенты перепугались. «Не лучше ли уйти», зашептались они: «с такими речами еще попадешь в неприятную историю». И аудитория начала пустеть. К концу речи половины студентов на сходке уже не было.

В 1903 году институт переехал в новое здание по Песочной ул., в д. № 5, где помещается и сейчас. Всю осень 1903 года мы устраивались в новом помещении и политикой мало занимались. Но тогда уже, весной 1904 года, среди студенчества возникли группы «эс-деков» и «эс-эров». В противовес им, осенью 1904 года, образовалась шумная, но многолюдная группа «истинно-русских людей». В качестве же миротворцев выступили «ка-деты». Начались бурные и частые сходки. В массе своей студенчество, как и все общество того времени, было настроено революционно. Наибольшим успехом на сходках пользовались «эс-деки» и «эс-эры». С «истинно-русскими людьми» считались лишь постольку, поскольку они пытались сорвать сходку и внести беспорядок. Речей их не слушали и называли их хулиганами. Иногда дело доходило до того, что их удаляли со сходки. «Ка-детов» терпеливо выслушивали, но сочувствовали им мало. Сходки, насколько я помню, были шумные и бурные и всегда кончались нескончаемыми спорами между «эс-эрами» и «эс-деками». Предметом споров были, главным образом, два вопроса: «кто является носителем грядущего социализма—крестьянин или рабочий» и «роль личности в истории».

Помимо споров «эс-эров» с «эс-деками», велись споры, хотя и не столь бурные, в среде «эс-деков» между «меньшевиками» и «большевиками». Но в этих спорах много было неясного. Во время мирных бесед мы часто сознавались, что не совсем-то разбираемся в этих тонкостях, и все сходились на том, что практического значения эта разница иметь не может. Интересно, что этого мнения придерживались и рабочие, среди которых мы работали. «В этих тонкостях пусть наши партийные вожди разбираются, а для нас и «большевик» и «меньшевик» одинаково дороги»,—говорили они.

Так продолжалось до 1905 года. В 1905 году, не помню, в каком месяце это было, т. Н. Крыленко, тогда под псевдонимом т. «Абрама», принес нам известие о том, что из-за границы приезжают видные социал-демократы и между ними т. Ленин, который побывает и в нашем институте. Тов. Крыленко был у нас «своим человеком», очень часто навещал наше студенческое общежитие и вместе с нами работал на Выборгской стороне среди рабочих. Мы собрались для встречи Ленина в общежитии (1-й этаж, 2-я комната, направо от входа). Вместе с Лениным пришло еще несколько человек, фамилий которых не помню.

Мы засыпали т. Ленина вопросами:
О роли личности в истории,
о разнице между «большевиками» и «меньшевиками»,
столь ли безнадежно крестьянство в революционном отношении, чтобы с ним не считаться?

Первая речь, произнесенная Лениным, произвела на нас громадное впечатление. Она поразила нас своей простотой и ясностью мысли. Все наши недоумения, по мере развития речи, исчезали. Все казалось так просто и ясно.

На вопрос о роли личности в истории т. Ленин сказал, что мы ближе к истине, чем «эс-эры», но тоже не правы. «Эс-эры» слишком преувеличивают роль личности в истории, мы слишком преуменьшаем ее. Роль личности, сознательно или бессознательно, способствует выявлению и развитию общественных законов, создающихся независимо от наших желаний, может быть очень велика в истории. С этой точки зрения мы должны оценивать как роль микадо в Японии, ускорившего процесс перехода страны от феодализма к капитализму, от низшей ступени к высшей, так и роль К. Маркса в истории всего человечества. К. Маркс впервые ясно формулировал законы развития капиталистического общества, вскрыл нарождающиеся в нем противоречия, указал на эти противоречия, как на исходные пункты нового, более совершенного, общественного устройства; впервые формулировал законы общественного развития вообще и указал путь и методы борьбы за следующий после капитализма строй — социализм.

На вопрос о роли крестьянства в революции, Владимир Ильич сказал, что пренебрегать крестьянством нельзя, что к вопросу о роли крестьянства в революции следует подходить осторожно, особенно в такой стране, как Россия, где 80% всего населения составляют крестьяне. Он говорил, что в крестьянстве имеются неосознанные еще им громадные революционные силы, выявить и использовать которые, не противореча своей марксистской программе, мы обязаны. Для этого в первую очередь необходимо обещать им помещичьи земли и раз'яснять важность самоуправления, связанного с самопомощью, в пределах не только губернии и уезда, но и волости. Эту часть речи о крестьянстве я отчетливо помню, остальная же, касающаяся деталей, совсем исчезла из памяти.

По вопросу о разнице между большевиками и меньшевиками, т. Ленин сказал: «Разницу эту можно понять на таком простом примере: меньшевик, желая получить яблоко, стоя под яблоней, будет ждать, пока яблоко само к нему свалится. Большевик же подойдет и сорвет яблоко».

Не достаточно знать Маркса, верить и желать социализма. Необходимо бороться за него. Меньшевики живут мечтами о социализме, как о чем-то очень далеком. Для большевика социализм столь же реальный факт, как кусок хлеба; к нему надо итти, его надо завоевать. Мы не должны успокоиться на мысли, что роль отдельной лич-

ности не велика, сложить ручки и ждать, когда социализм, как яблочко, свалится с яблони капитализма. Меньшевизм—это вредная маниловщина, усыпляющая революционное сознание рабочего, — сказал В. И.,—«меньшевизм при дальнейшем развитии и углублении революции может стать помехой революции. Меньшевики опаснее кадетов, вреднее истинно-русских людей».

Такая критика меньшевизма, помню, нас очень удивила. Мы говорили: «Как это меньшевизм может быть вреднее союза истинно-русских людей?! Должно быть, т. Ленин через край хватил?!»

История показала, что Владимир Ильич был прав.

После первой беседы, Владимир Ильич неоднократно навещал нас и читал лекции по историческому материализму и политической экономии.

Эти лекции внесли стройность во взглядах революционно-настроенного студенчества и значительно просветили наши мозги.

Помню, на одну из лекций мы принесли газеты со статьею Розы Люксембург о том, что русская революция, несмотря на отсталость страны, может развиться из буржуазной в социалистическую. Может ли это быть? — спрашивали мы. Владимир Ильич подтвердил мнение Розы Люксембург и рисовал возможную роль крестьянства в этой социалистической революции. К сожалению, память моя не сохранила подробностей этой лекции.

Вспоминается мне еще один факт. В 1905 году образовался Петербургский Совет рабочих депутатов. Помню, пришел Вл. Ильич с одного из заседаний Совета и начал говорить о возможной политической роли Советов. «Советы уже сделали свое историческое дело», — говорил т. Ленин, — «если бы даже революция кончилась неудачно, то и тогда дело петербургских рабочих, создавших Советы, не исчезло бы. Где бы ни повторилась революция, Советы выплывут».

Вспоминаю еще одну подробность. Вл. Ильич Ленин обладал замечательной способностью угадывать людей. Один из участников нашей группы, некто Тер, называл себя меньшевиком. Владимир Ильич сказал ему, что он типичный большевик и когда-либо сложит свою голову на баррикадах. В следующем году Тер, действительно, дрался на баррикадах, был схвачен с группою рабочих и повешен. Смерть Тер встретил, как герой,—по дороге к виселице и под виселицей, не переставая, пел революционные песни.

Несколько слов о роли нашего института в революции 1905 года. Наш институт был революционным штабом, где сходились многие революционные нити. Почти каждый вечер происходили в столовой сходки студентов и рабочих; в общежитии сходились наиболее активные революционные деятели, главным образом рабочие; здесь обсуждались текущие политические вопросы, отсюда исходили все директивы.

Владимир Ильич еще в те годы придавал большое значение работе в области «электризации» России (тогда не говорили: «электри-

фикация», а — «электризация»). Он говорил, что инженер-электрик может быть даже в «союзе истинно-русских людей», все равно его практическая деятельность будет красная, так как «электризация» России и социализм не отделимы. Работа каждого инженер-электрика, даже помимо его желания, направлена к приближению социализма.

В 1905 году, когда закладывалось основание будущей Октябрьской революции 1917 года и современного Советского строя, наш институт сыграл большую роль. Вполне естественно, что наш институт носит теперь имя Владимира Ильича.

Профессор **В. Коваленков.**

Две встречи.

В 1905 году рабочими Балтийского завода (Балтвода) на Васильевском острове, на Большом пр., в доме № 82, был устроен клуб, под названием «Клуб рабочих Балтийского завода», так гласила вывеска, имевшая внизу надпись: «Российская Социал-Демократич. Партия». Клубом руководили Знаменский и Козлов [1].

На одном вечере сообщили, что прибудет представитель из города и будет доклад «О задачах Партии». Идя из Гавани в клуб, заметил, что из рядом расположенной обойной фабрики выезжает отряд казаков. Чтобы лучше узнать, в чем дело, пошел мимо клуба и фабрики. Из ворот фабрики вышел местный пристав и сказал: «По первому знаку». — Сказав это, он с околоточным и четырьмя городовыми пошел в клуб. Я последовал сзади. Войдя в переднюю, пристав хотел направиться в зал, но рабочие запротестовали и не пустили. Я пробрался мимо пристава, и сейчас же меня окружило несколько молодых товарищей — отозвали в сторону и начали говорить, что они хотят убить пристава. Я запротестовал и рассказал, в каком положении мы находимся. Потом, успокаивая одного горячего парня—Баранова, который постоянно носился с револьвером, я стал его убеждать, что убийство одного пристава не наша цель.

В это время подошел ко мне незнакомец, который зорко следил за происходящим в зале, и спросил:

— Товарищ, почему вы против намерений молодежи?

---

[1] Клуб этот имел название не это, а «Наука и Жизнь». На вывеске «Р. С.-Д. Р. П.» не было написано. Организовала этот клуб группа с.-д. Балт. завода в конце 1905 г. или в начале 1906 г. Козлов, Лаврентий Иванович (с 1903 до 1918 г. меньшевик, с 1918 г. член РКП, ныне работает в коллегии Сев.-Зап. кино), тогда рабочий завода. Он подписал устав клуба, был депутатом от ремонтной мастерской. Павел Шувалов.

Не зная его, я ответил:

— Я не анархист и не эс-эр, и такой поступок допустить не могу.

— Значит, вы против вооруженного восстания?

— Нет, напротив, организованное массовое, вооруженное восстание—моя цель.

Незнакомец, улыбнувшись, подал мне руку и сказал:

— Значит, вы ортодоксальный марксист.

В это время около дверей поднялся некоторый шум, я пошел к дверям. Пристав именем закона требовал своего присутствия на собрании. Рабочие протестовали, но зная, что рядом сотня казаков, разрешили приставу присутствовать. После открытия собрания. — не успел оратор сказать несколько слов, — пристав закрыл собрание. Казаки гарцовали по Большому проспекту, разгоняли нас, но не били.

Клуб через несколько дней был закрыт, вывеска была сорвана. Членские взносы Знаменский начал возвращать.

Только через некоторое время я узнал, что незнакомец, который вел со мной разговор о восстании, был наш дорогой Ильич.

* * *

Во время Октябрьских дней 1917 г., как член Петроградского Совета, занимаю дежурство несколько недель под-ряд. После разгона «учредилки» заходит в дежурную, около 3-х часов ночи, Ильич и спрашивает:

— Вы дежурный?

Отвечаю:

— Так точно,—и встаю.

Ильич подходит чуть не вплотную и задает вопрос:

— Вы служили в старой армии?

Отвечаю:

— Да.

Ильич бормочет с улыбкой:

— То-то и есть...

Потом спрашивает, переходя на «ты»:

— А ты сегодня ужинал?

Отвечаю:

— Да.

— Не знаешь, где возможно хлеба достать?

Отвечаю:

— Знаю, вечером для караула привезли свежий хлеб, если нужно, я пойду, принесу.

Намереваюсь итти за хлебом. Ильич разводит руками и, преграждая ход, говорит:

— Нет, нет, не надо,—и быстро поворачивается, выходит из камеры, по коридору второго этажа, спускается по лестнице, пово-

рачивает направо и входит в караульное помещение так, что, следуя за ним, еле-еле успеваю. При входе обнаруживается, что весь, без исключения, караул спит. Ильич спрашивает:

— Который разводящий?

Указываю. Ильич дергает указанного за ноги. Тот ворчит и посылает «к чорту» и еще пускает в ход и «мать». Ильич говорит:

— Вставай, это я—Ленин,—и в его голосе была слышна такая нежность, которая присуща только любящей матери. Рабочий, услыхав слово «Ленин», вскакивает с нар на ноги и не то испуганно, не то спросонья, спрашивает:

— Чего изволите? Виноват!

Ильич кладет ему руку на плечо и говорит:

— Ничего, ничего, нет ли у вас хлеба?

Разводящий подбегает к шкафу, выхватывает буханку хлеба и подает Ильичу. Ильич не берет и говорит:

— Так много не надо, отрежь кусок.

Кусок отрезан. Ильич берет кусок, говоря:

— Благодарю,—но, товарищ, все же спать не полагается, время ведь теперь тревожное.

Сказав это, Ильич быстро поднялся по лестнице в третий этаж в свой кабинет угощать себя черным хлебом и холодным чаем после митингов и собрания, откуда так поздно вернулся [1].

Г. Лиздин.

Первые встречи с Вл. Ил. Лениным.

Прошло восемнадцать лет, но как жива картина первой встречи с Владимиром Ильичем Лениным!

На Рождественских курсах в Петербурге, в конце 1905 г. или в начале 1906 г., должна была состояться общегородская конференция РСДРП. Мы были предупреждены, что, возможно, появится Владимир Ильич, и поэтому «большевистской» группой были приняты особые меры предосторожности; до начала заседания все мы с жадностью всматривались в каждую появляющуюся незнакомую фигуру.

Но до открытия заседания так и не удалось увидеть Ильича.

Конференцию об'явили открытой; т. Ларин выступил «к порядку». «К порядку» взял слово, но под какой фамилией—не помню, Владимир Ильич. Его краткие, ясные предложения и его уверенный тон подсказали нам, что это и есть Ильич. И в дальнейшем каждое его движение ловилось глазами его сторонников.

---

[1] Эти воспоминания Лиздина напечатаны в стенной газете Балтийского завода «Красный Балтвод» № 13, январь 1924 года, и нами перередактированы.

Редакция.

Дальнейшие выступления на данном собрании Владимира Ильича мне не пришлось слышать, так как я в это время стоял на дежурстве, по охране конференции.

Вскоре во второй раз я имел случай слушать Владимира Ильича на станции Териоки в Народном Доме. Владимир Ильич выступил с докладом по аграрному вопросу.

Ив. Кондратьев.

Беглые воспоминания.

Я впервые увидел т. Ленина в 1905 году, когда после октябрьских партия наполовину вышла из подполья и состоялось собрание активных работников всей Петербургской организации. Я не помню точно ни даты, ни адреса собрания. Кажется, это было в ноябре и в народном доме графини Паниной. Не помню и темы доклада т. Ленина, но ярко на всю жизнь врезалось мне одно обстоятельство — та одновременно и изумительная простота и изумительная ясность ответов и такая сердечность в ответах, что товарищи, обычно очень сдержанные в вопросах, здесь охотно задавали их, и сам я, хотя и работавший уже два года партийным работником профессионалом-большевиком, но весьма теоретически сырой, задал мучивший меня вопрос о большевиках и эс-эрах в аграрном вопросе. Помню, что и форма вопроса была очень путана. И на всю жизнь я запомнил, как ответил Ильич. Как мягко, тепло указал на неправильную постановку самого вопроса, как развернул его, и больше того, что дал мне своим пятиминутным ответом Ильич, я не получил за все последующие годы. Вопрос стал прозрачно ясен, и я на всю свою пропагандистскую работу был закален в спорах с эс-эрами, понявши суть вопроса.

И эта теплота и ясность, чудесная улыбка при исправлении постановки вопроса, ясность и огненность в развитии его —запали в меня на всю жизнь. Прошло почти 20 лет, а я, как сейчас, вижу Ильича стоящим у продольной стенки на возвышении, говорящим, и притихший, тянущийся к нему зал.

Дальнейшие воспоминания мои относятся к периоду сравнительно недавнему—к 1917 году: встреча Ильича на Финляндском вокзале, броневик, дом Кшесинской, пламенные речи о грядущей, уже наступающей социальной буре и пр. и пр.

Моменты эти много раз описаны, и останавливаться на них я не буду. Остановлюсь лишь на праздновании в 1917 году 1-го мая— первом свободном празднике. Ленин тогда всего меньше месяца как приехал; однако, уже громадные массы питерского населения, толпившиеся вокруг воздвигнутых на площадях трибун для первомайских ораторов, настойчиво интересовались им, требуя от выступавших

сведений о Ленине. В частности, когда я с трибуны указал, что знаю Ленина и знал его еще в 1905 году лично, к трибуне кинулась отовсюду масса народа и из толпы посыпались реплики недоверия, выкрики о «германском шпионе», «жиде» и пр. и пр., и лишь определенные и ясные мои ответы убедили толпу, что т. Ленин действительно старый революционер, известный своей преданностью революции. От меня толпа потребовала мое имя и адрес и, хотя время было такое, когда большевикам не особенно приходилось рекламировать себя, я не счел возможным не сказать всего.

В дальнейшем я много раз встречал т. Ленина в коридорах Смольного, всегда ровного, окруженного ближайшими соратниками, выделявшегося уважением к нему окружающих, соединенным с самым простым товарищеским отношением.

Особенно незабываем Ильич 1917 года тем товарищам, которым пришлось присутствовать и пережить внутренний процесс овладения Ильичем большевистской организацией, сначала, несмотря на громадное уважение к Ленину, отнесшейся довольно скептически к линии прямо к социализму, к переименованию партии и пр. и пр. Надо было видеть, с какой постепенностью, выдержкой на дискуссиях, шел Ильич к своей цели.

Всякий вообще, кто видел Ленина во время дискуссии, не забудет этого никогда. Такого мастера, без излишнего ораторского пафоса, но стальной логикой припиравшего противника к стене, белый свет не видел. А улыбка Ильича, когда он слушал противника и ясно было, что уже с первых слов противника знает, что тот скажет дальше, знает, в чем у него слабое место! Мы всегда при этой улыбке не выдерживали и подталкивали друг друга: «посмотри, посмотри на Ленина, на глаза»... Если вы хотите видеть эту улыбку и эти глаза, посмотрите на портрет 3-х-летнего Ленина в Кремлевском Музее Революции или на хорошей фотографии этого портрета.

М. Лазуркин.

Из дальних и ближних лет.

В 90-х г.г. я занималась в рабочих технических классах за Невской заставой, где и познакомилась с Надеждой Константиновной Крупской, которая, как и многие из нас, была увлечена и поглощена своей работой. Само собой разумеется, что занятия с нашими учениками, взрослыми рабочими, происходили не по официальной программе. Каждый на свой лад создавал себе свою собственную, с одним расчетом — внести в нее как можно больше революционности. В курс географии, например, мы вносили все, что угодно— историю рабочего движения в разных странах, революции 1789 и 1848 гг., характеристику самодержавия и т. д.

В то время мы все брались за преподавание какого угодно предмета, были популяризаторами разных знаний и подходили к своей задаче довольно просто. Прочтешь одну, две, три книжки по тому или иному предмету и наивно думаешь, что ты уже нивесть какой специалист и по астрономии и по общественным наукам. С жаром и увлечением излагали мы то, что сами только-что узнали.

Таким-то путем я приготовилась к лекции о великой французской революции, которую решила изложить своим ученикам при географическом обзоре Европы. С особенным чувством ожидала я этого желанного дня. Перед уроком была в необыкновенно повышенном настроении. Вдруг Надежда Константиновна, с которой мы иногда обменивались мнениями о преподавании, шепнула мне на ухо:

— Можно на ваши занятия сегодня придти одному моему знакомому?

Я была так уверена в себе и в успехе своей лекции, что без всяких колебаний ответила:

— Пожалуйста, буду очень, очень рада...

... Звонок. Вхожу в свой класс, — вслед за мной легкой тенью входит человек невысокого роста, бледный, с огромным лбом и редеющими волосами вокруг лба, и садится на последней парте. Мы слегка кивнули друг другу. Одет он был, как вообще одевались интеллигенты, в черную пару, в белой манишке и черном галстуке.

С развязностью, достойной лучшей участи, я приступила к уроку, благополучно изложила классовый состав Франции накануне революции...

Незнакомец внимательно слушал, прищурив глаза.

А затем пошли у меня исключительно описания и драматизация эффектных революционных эпизодов. Незнакомец нахмурился, сдвинул брови и еще больше прищурил глаза.

Я сразу почувствовала, что в моем уроке есть что-то неладное, что говорю не по существу, не даю марксистского анализа и освещения. Дать его я, конечно, и не могла в полной мере, так как в то время делала еще только первые шаги в изучении новой для меня теории.

Через полчаса незнакомец ушел, и я вздохнула с облегчением. После урока спросила Надежду Константиновну с волнением:

— Ну, как ваш знакомый отнесся к моему уроку?

— Он сказал, что вы, наметив классы во Франции, потом и забыли о них...

Было страшно не по себе. Но с этих пор я стала гораздо строже относиться к своим лекциям и штудировать первый том «Капитала».

Кто—этот незнакомец? Так хотелось знать, но спросить у Надежды Константиновны не решалась, ибо это было бы нарушением всех правил конспирации.

Так я впервые увидела Владимира Ильича, не зная и не представляя себе, что это был автор нашумевших тогда брошюр: в студен-

ческих кружках 1894 г. ходили по рукам тетрадки, написанные лиловыми чернилами, неизвестного автора: «Кто такие друзья народа и как они воюют с социал-демократами». Молодежь читала их с интересом и, хотя и поражалась резкостью тона по отношению к Н. К. Михайловскому, авторитет которого все еще тяготел над нею, но в то же самое время начинала постепенно сдавать и переходить на точку зрения революционной социал-демократии. В этом смысле одно из первых произведений Владимира Ильича: «Кто такие друзья народа...» — сыграло огромное значение, заставив всякого «ищущего» задуматься и пересмотреть свое отношение к народничеству вообще.

От Лидии Михайловны Книпович [1] я узнала впоследствии, что Ульянов — жених Надежды Константиновны, сидит в «предварилке» и скоро будет отправлен в Сибирь. В 1895 году, несколько позже Владимира Ильича, была арестована и Надежда Константиновна по делу «Союза Борьбы». Просидев несколько времени в «предварилке», она просила, чтобы ее отправили в Восточную Сибирь, и только тогда ей пришлось указать и мотивировку, об'явить, что она желает ехать в село Шушенское, куда уже был отправлен ее жених Владимир Ульянов. Мне пришлось провожать ее в дальний путь...

... Прошло несколько лет. С Надеждой Константиновной связь порвалась, мы не переписывались, и лишь глухие слухи доходили до меня о ней. Лидия Михайловна рассказывала мне, что Надя вышла замуж за Ульянова, и, смеясь, добавила:

«Жандармы сказали ей на прощанье: вы говорите, что вы невеста Ульянова, смотрите же, не обманите нас, выходите замуж, не то мы переведем вас в другое место»...

* * *

В 1901 г. за участие в Петербурге в студенческой демонстрации мне пришлось уехать в Псков, и здесь, среди местной поднадзорной социал-демократической компании, я застала настоящий культ Владимира Ильича и «Искры». Владимир Ильич, как известно, в 1900 г. перед от'ездом за границу жил в Пскове и за это время успел привлечь на свою сторону многих, кто с ним впервые познакомился, не говоря уже о тех, кто знал его по сибирской ссылке. Лица всех, кто вспоминал о нем уже через год после его от'езда, принимали какое-то особенно приятное выражение, а в глазах загорались яркие огоньки.

В Пскове в 1901—1909 г.г. жили: Лепешинские, Петр Ананьевич Красиков, Александр Митрофанович Стопани, Бутковские, Николай Львович Сергиевский — определенные искровцы; была уже налажена

[1] Одна из энергичнейших членов нашей партии, пережившая приблизительно в то же время большой революционный сдвиг от народовольчества к марксизму. Умерла в Симферополе в 1920 г.

П. К.

связь с «Искрой»; сюда в чемодане с двойным дном привозили из-за границы нелегальную литературу, а мы распределяли ее по другим городам, рассылая в посылках.

Статьями Ленина в «Искре» мы все зачитывались. И тогда уже получалось впечатление, что Плеханов сдает перед Лениным. Даже те, кто впоследствии разошлись с Лениным по коренным вопросам теории и практики, в свое время испытывали на себе его обаяние. Например, А. А. Богданов, работавший много по созыву нашего III-го партийного с'езда, состоявшегося в Лондоне в мае 1905 г., с огромным уважением и признанием Владимира Ильича самым выдающимся человеком, какого ему только приходилось встречать, отзывался о Ленине. Он высказывал лишь с сожалением одно предположение:

— Если я когда-либо разойдусь с Лениным, то только по аграрному вопросу (?!).

После раскола на II-ом с'езде началось, как известно, обострение отношений на местах между меньшевиками и большевиками, носившее иногда просто нестерпимый характер.

Как только не обзывали меньшевики Владимира Ильича: «бонапартист, бланкист, генерал, который хочет зажать партию в свой кулак, зарвавшийся централист, желающий надеть намордник на партию, абсолютист, от'явленный дезорганизатор», и т. д. и т. д.

Не менее красноречивы были и те эпитеты, какими они наделяли большевиков вообще за их дисциплинированность и революционность, т.-е. за те черты, которые именно и способствовали укреплению и развитию нашей партии. Презрительная кличка — «твердокаменные» — особенно часто бросалась меньшевиками по нашему адресу.

— А, вы не голосуете с нами?! Не даете положительного ответа на наше предложение? Очевидно, еще не получены директивы от вашего генерала — Ленина! — язвит, бывало, какой-нибудь «свободолюбивый и свободомыслящий» меньшевик.

Так упрощенно преломлялось в их представлении то огромное влияние и значение, какое имел Владимир Ильич в наших рядах.

* * *

Пришел великий 1905-ый год. Мы все, петербуржцы, работавшие в провинции, рвались в родной Питер, где после 9-го января назревали серьезные события. Вскоре для некоторых из нас представился удобный случай. Было получено извещение от центра, что в первых числах декабря состоится партийный с'езд. И вот, делегатом от Тульского комитета РС-ДРП (б.) я явилась в Питер, а затем в Финляндию, где в городе Таммерфорсе в Народном Доме нас дружески приютила финская социал-демократическая рабочая партия.

Делегатов с'ехалось мало из-за железнодорожных забастовок, почему предполагавшийся большевистский с'езд пришлось переименовать в конференцию.

— Ленин! Ленин приехал, — радостно передавали мы друг другу Все заранее оживились, хотя еще никто его не видел и конференция не открылась.

«Наконец-то я увижу этого бонапартиста, централиста, бланкиста»... и мысленно стала я перечислять все те комплименты, какими наделяли его меньшевики...

Выбирается президиум, председатель конференции Ленин — единогласно. Всматриваюсь, знакомые черты, высокий лоб, пронизывающие глаза. Из туманной дали встает неясное воспоминание. Да, это, кажется, свидетель моей лекции о Французской революции. Только лысина стала больше, зато глаза горели необыкновенным огнем, движения были легки и быстры. Это были дни начала вооруженного восстания в Москве, и Владимир Ильич чувствовал себя, как в родной стихии.

Ударным вопросом было об'единение меньшевиков и большевиков. Меньшевики тоже собрались на конференцию, но в каком-то другом городе, а для связи с нами прислали двух делегатов.

Должны были вскоре начаться выборы в первую Государственную Думу, и само собой разумеется, что одним из главных пунктов порядка дня стоял вопрос об отношении к Думе. Мы все после удачного срыва булыгинской Думы настроены были бойкотистски. Обмениваясь мнениями, высказывались за полный бойкот — определенно. Всех, конечно, интересовал вопрос: как думает Ильич, что-то он скажет? Но разве могли быть какие-либо сомнения! Конечно, Ленин с нами за бойкот, разница будет лишь в том, что он даст яркую, выпуклую, скульптурную формулировку и твердое блестящее обоснование.

Собрание приступает к занятиям. У Ленина сияют глаза: только-что газеты принесли известие, что московские рабочие уже дерутся на баррикадах. В приподнятом настроении и вся конференция.

Председатель Ленин заявляет, что в президиум от группы делегатов поступил проект резолюции по вопросу о Государственной Думе. В ней говорилось (излагаю исключительно по памяти, ибо протоколы названной конференции не напечатаны и, кажется, еще не найдены) приблизительно следующее: с.-д. на первых двух ступенях с агитационной целью принимают участие в выборах, но категорически отказываются от выборов депутатов в Думу [1].

Всеобщее движение, шум, гам, хохот...

— Зачем выбирать?! Наша тактика — бойкот—очень здорова. Зачем переменять?—громко восклицает товарищ Джугавшвили (Сталин), бывший делегатом с Кавказа.

Конференция не может успокоиться. Громкий говор, смех продолжаются. Новая реплика с мест!

— Выбирать хотя и на первых двух стадиях—преступление перед революцией.

---

[1] Выборы в Госуд. Думу были, как известно, трехстепенные.

Глаза всех устремлены на Ленина, и, заранее предвкушая, с каким едким остроумием заклеймит он составителей резолюции, многие кричат:

— Ленин! Что скажет Ленин?!

Ленин берет слово. Сразу все затихли, ждут, что скажет он.

— Товарищи, я должен признаться в соучастии в этом преступлении...

Новый взрыв хохота потрясает конференцию и не дает Ленину говорить. На лице у него добродушно-хитрая улыбка, светящимся взглядом обводит он волнующихся делегатов.

— Вам, работникам с мест, виднее, — продолжает он, — вы, конечно, лучше знаете настроение масс на местах, вам по праву принадлежит решение этого вопроса... Я так долго был в эмиграции, вам виднее...—и Ленин пошел за конференцией.

И все это произошло так просто, так естественно. Мы видели перед собой доброго, хорошего, родного каждому из нас товарища... И хотелось крикнуть: «он наш! он с нами!»

Была принята другая резолюция, рекомендующая вовсе не участвовать в выборах в Государственную Думу, но широко использовать все избирательные собрания в целях агитации за вооруженное восстание [1].

Раздосадованные меньшевики покинули конференцию.

Этот инцидент был злобой дня.

— Не может быть, чтобы Ленин серьезно стоял на точке зрения участия в выборах в Государственную Думу, хотя бы только на первых двух стадиях.

— Конечно, нет... Хитрый, это с его стороны был пущен пробный шар, чтобы выявить лицо конференции.

— Он таким путем показал меньшевикам, что с его стороны не было никакого давления на конференцию... Но какой же в самом деле он абсолютист, бонапартист и проч. и проч.!?

На такую тему велись разговоры среди делегатов за обедом и во время перерывов. Кто из них был прав? Как бы то ни было, но факт остается фактом и одно несомненно: Владимир Ильич обращал огромное внимание на информацию с мест, настроение масс, что помимо всего другого придавало огромную силу и непобедимость его тактике. Вопрос ставился определенно: от периферии к центру, а затем от центра к периферии,—вот в чем сила демократического централизма.

Между тем газеты приносили все новые и новые вести о московском вооруженном восстании, с каждым днем все более безнадежные. Но велики были надежды на новый революционный под'ем в Питере

[1] Полная резолюция напечатана в книге «Росс. Комм. Партия (б.) в резолюциях ее с'ездов и конференций» под редакцией Л. Каменева. Гос. Издат. Москва, 1922 г., стр. 46.

и вообще в России. Конференция, под руководством Владимира Ильича, не падала духом, и бодрые, готовые к новому натиску на самодержавие, делегаты раз'ехались по своим комитетам.

* * *

Прошло много лет. Миновало лихолетье злой реакции. Поднялось новое поколение рабочих-революционеров. Империалистическая война. Бурные волны 1917 года, и на фоне великой революции, на фоне восставших рабочих, солдат и матросов, мы снова увидели своего вождя. Он приехал с определенными выводами и положениями о втором—социалистическом этапе российской революции, а мы только чутьем угадывали, что «в царстве Датском что-то гнило», но не пришли еще к ясным обобщениям.

Эта наша неподготовленность обнаружилась отчасти на апрельской всероссийской партийной конференции РС-ДРП (б.) 1917 г. Неожиданно для всех Владимир Ильич, между прочим, внес предложение:

— Товарищи, я предлагаю изменить название нашей партии. Социал-демократия в международном масштабе так загадила себя во время войны национал-шовинизмом и соглашательством, что нам не следует носить с нею одно имя. Предлагаю отныне нашей партии называться Российской Коммунистической Партией.

Ропот прокатился по всему собранию.

— Переменить наше боевое заслуженное имя с.-д. большевиков— никогда!.. Ни за что!..

— Что ему вздумалось?!

Мы шумели, негодовали, и предложение Ленина тогда провалилось, чтобы быть принятым через год на VII-ом С'езде нашей партии. Задетые за живое, оскорбленные в лучших своих чувствах, во время перерыва многие члены конференции подходили к нему еще поспорить на эту тему. Никогда не забуду того кроткого, мягкого тона, каким в ответ на многочисленные вопросы и протесты Ильич сказал:

— Да, это бывает, многие не всегда сразу умеют охватить то, что именно нужно сделать в данный момент... Позднее это всем станет ясно...

Конечно, редко природа посылает миру таких людей, как Ленин, охватывающих сразу широкие дали общественного развития. А мы тогда с удовольствием передавали друг другу, как ловко провалили предложение Ленина о перемене названия нашей партии.

Ленин уступил и на этот раз.

Да, Ленин уступал иногда, под влиянием натиска на него товарищей, но почти всегда бывало так, что через полгода, через год, а то и значительно раньше, вначале отвергнутое предложение Ильича оказывалось неизбежно необходимым и актуальным. И только в особенно важных вопросах Ильич был неумолим, упрям и настойчив, не боясь расхождения даже с близкими друзьями.

* * *

Травля большевиков началась еще до приезда Ленина. Нас травили Р. Малиновским и М. Черномазовым, совершенно не вспоминая об эс-эровском провокаторе Е. Азефе, меньшевистском В. Абросимове, имя же им—легион. С приездом Ленина травля усилилась вдвое. В день «первого мая в свободной стране», как тогда говорили, какие-то подозрительные, темные личности в толпе у трибун и у автомобилей, развозивших ораторов, сеяли темные, нелепые слухи о Ленине. Говорили, что он очень богатый человек, что у него прииски на реке Лене; откуда и его фамилия, и что это именно он устроил расстрел рабочих на Лене; говорили, что он получил от Вильгельма 17 миллионов, чтобы поднять гражданскую войну. В июне—июле травля возросла во сто крат. В секретариат газеты «Правда» (я тогда там работала) звонили по телефону и спрашивали:

— Сколько вы получаете от своего Ленина из немецких миллионов?

После чего следовали непечатные ругательства. Часто почта приносила провокационные письма на немецком и русском языках, в которых какие-то неизвестные личности, якобы немцы — немецкие агенты, приглашали Ленина на тайное свидание в кафэ Андреева или еще куда-нибудь. От возмущения хотелось изорвать эти письма в мелкие куски, но Владимир Ильич говорил:

— Пожалуйста, не рвите, собирайте, и пусть себе лежат. Может быть, они нам пригодятся.

Эти письма погибли во время разгрома «Правды» на Мойке (д. № 32), устроенном вскоре агентами буржуазии.

* * *

В заключение мне хочется остановиться еще на двух картинах, которые неизменно встают в моем воображении, когда начинаю перебирать свои воспоминания об Ильиче.

Марсово поле в день демонстрации 17 июня 1917 г., наглядно показавшей, что широкие массы рабочих и солдат не поддерживают больше соглашателей. Солнце палит неумолимо. Мерным шагом движутся колонны рабочих с разных районов с плакатами и лозунгами.

У могил жертв революции весь в сборе эс-эровско-меньшев. штаб: ходульный Керенский, величавый Церетелли, подтягивающийся за ним Чхеидзе и прочая соглашательская компания. А в сторонке в значительном отдалении стоит небольшая скромная группа большевиков и в середине Ленин. Лицо его серьезно, зорко оглядывает он дефилирующие колонны.

— Долой 10 министров-капиталистов!

— Долой наступление!

— Да здравствует власть Советов!—громко несутся возгласы рабочих. Идут, идут и еще идут, и снова плакаты, и снова возгласы,

большевистские—ленинские лозунги. Освещенные жаркими лучами солнца, реют на красном кумаче в воздухе большевистские лозунги, и из стотысячной груди вырываются они и разносятся по всему полю, как буревестники надвигающейся пролетарской революции.

Ленин остро и сосредоточенно наблюдает, вдумчиво смотрит перед собою, и изредка из его прищуренных глаз вырываются и сверкают огненные искры...

* * *

Дня через два после Октябрьского переворота в Смольном. У входа стоят две пушки, пулеметы... часовые с ружьями. Подымаюсь во второй этаж и в коридоре встречаю Ленина с двумя матросами и тремя рабочими. И у них у всех счастливые, счастливые лица.

Ленин бледен, черты его лица осунулись, но глаза мечут искры. Он то совещается о чем-то с товарищами, то улыбается им самой милой улыбкой самого счастливейшего из смертных. И его улыбка, как в зеркале, находит свое отражение на лице матросов и рабочих. Это была маленькая группа из самых счастливых людей в мире. Она была как бы символом единения революционных масс со своим вождем, нарушить которое не смогла, не сможет и самая смерть родного всем нам Владимира Ильича.

П. Куделли.

Ленин в 1906 году.

В жизни человека такого грандиозного, «планетарного», как сказал М. Горький, масштаба, каким является Владимир Ильич Ленин для человечества, важно все до последних мелочей, все, что только может помочь в создании исчерпывающей по своей полноте картины его жизни и деятельности.

Вот почему я решаюсь в нескольких строках изложить то немногое и, может быть, само по себе незначительное, что сохранилось в моей памяти от детских почти воспоминаний о В. И. Ленине.

Осенью 1906 года, когда революционный пожар уже угасал, залитый потоками народной крови, когда после пресловутых «дней свободы» полицейский режим создавал все более и более трудные условия в отношении конспирации, по просьбе моего дяди Дм. Лещенко, активного работника-большевика, Владимиру Ильичу была предоставлена в нашей квартире спокойная комната для работы.

Дело в том, что наша квартира помещалась в стенах казенного дома—юнкерского училища (Петербургская сторона, Гребецкая ул., д. № 9), в котором служил мой отец, и была особенно надежна в отношении конспирации и сравнительно хорошо застрахована от возможности внезапного провала. Эта квартира,—ее должно быть помнят многие старые партийные работники,—вообще говоря, служила

часто приютом партийным товарищам, временно нуждавшимся в надежном убежище. Там же одно время устраивались совещания членов ЦК РС-ДРП а затем до момента ее провала в 1910 г. она, так сказать, служила штаб-квартирой для с.-д. ученической организации при ПК РС-ДРП.

Владимир Ильич приходил к нам довольно регулярно в течение примерно двух месяцев, работал в день часов до 4-х.

Работал он чрезвычайно напряженно, энергично и нервно. После его ухода мы часто с детским любопытством осматривали комнату, где он работал, поражаясь всегда громадным количеством бумаги, которую он исписывал; на обязанности старшей сестры лежало приготовлять для него письменные принадлежности и чинить карандаши, которые он нещадно ломал.

О т. Ленине мы — мои две сестры и я—еще до его прихода к нам много слышали, как о вожде партии, имя которого произносилось всегда с большим уважением, а часто и с восторгом. Конечно, поэтому его приход к нам был целым событием в нашей жизни. Сначала мы сильно робели, боясь даже показываться ему на глаза, но вскоре, видя его чрезвычайно простой и душевный подход к людям, стали относиться к нему с тем характерным для подростков доверчиво восторженным чувством, когда хочется подойти, рассказать все самое сокровенное, волнующее тебя и получить совет и руководство, которому можно довериться вполне и без сомнений и колебаний.

Помню, как старшая сестра Татьяна (ей было лет 15—16) обратилась к Владимиру Ильичу,—мы его звали тогда, помнится, Николаем Николаевичем: рассказав о волнующих ее мыслях, она просила дать ей возможность работать в партии. Владимир Ильич по-отечески раз'яснил ей, что в партию вступать ей рано, что надо сначала итти в кружки социал-демократической молодежи, проникнуться, как следует, марксизмом, подготовить себя теоретически и практически и тогда уже вступить в партию. Партии нужны толковые и знающие люди. В заключение он дал ей связи с ученической соц.-демократической организацией.

Те немногие минуты, когда Владимир Ильич отдыхал, он зачастую шутил с нами. Помню, как он с нарочито грозным видом ошарашил нас вопросом, не меньшевики ли мы, на что, после минутного замешательства, мы без колебания ответили, что, конечно, большевики.

Придавая, как и всегда потом, большое значение армии, как важному фактору революционного переворота в России, Владимир Ильич интересовался настроением юнкеров, часть которых тогда входила в нелегальные с.-д. кружки, и возможностью среди них политической пропаганды, спрашивая моего отца.

Столь сильно импонировал Владимир Ильич окружавшим его людям просто силой и обаянием своей личности, что даже конечно не знавший, с кем он имеет дело, солдат-вестовой, служивший

у отца, не зная, как иначе выразить свое почтение, величал Владимира Ильича не иначе, как «господин генерал».

Вообще, вспоминая все это, ставшее уже далеким прошлым думаю, что всякий, кому довелось хоть немного, но вблизи видеть жизнь т. Ленина, должны сохранить в своей душе, до самой смерти, его незабываемый образ, образ человека с глазами вождя и лбом мыслителя, умевшего быть таким близким всем и в то же время такого безмерно великого.

С. Неслуховский.

Мои встречи.

Впервые я встретил Ленина в Финляндии, в Териоках.

В Питере тогда уже заседала Государственная Дума. Центральный Комитет еще формально единой Соц.-Демокр. Раб. Партии находился в руках меньшевиков, во главе с ныне покойным Мартовым.

Меньшевики выдвинули лозунг поддержки «ответственного (перед Думой) министерства». Большевики были против и стояли только за поддержку левого крыла Думы.

Вопрос требовал быстрого решения. Наспех организовалась конференция нашей Петербургской партийной организации.

Во главе стоял Ленин. ЦК партии прислал Мартова. Страсти разгорелись. Мартов кричал на большевиков:

— Это фракция хулиганов!

Ленин отвечал:

— А Мартов организует карательную экспедицию ЦК против питерских рабочих.

Помню хорошо, что вся рабочая молодежь стояла твердо за Ленина. Рабочие пожилые—поддерживали Мартова.

Во время голосования Ленин как-то поднял кулак. Мартов крикнул:

— Ленин, опусти кулак.

— Нет, не опущу,—сверкнув глазами на Мартова, бросил Ильич.

* * *

Едва успели мы вернуться в Питер, как уже на второй день вышла довольно большая брошюра Ильича—«Лицемерие 31 меньшевика».

Дело в том, что эти 31 меньшевик покинули демонстративно конференцию, когда убедились, что подавляющее большинство питерских рабочих за Ленина.

Этот факт выпуска брошюры Лениным я отмечаю, как показатель его колоссальной работоспособности. Не иначе, как только ночью Ильич написал эту брошюру [1], ибо все время на конференции он был занят на фракционных заседаниях и на пленуме.

---

[1] Написана она 20 января 1907 г.

* * *

Как одевался тогда Ильич?

Носил старый двубортный черный пиджак в мелкую полоску. Рубашка была сатиновая, темносиняя, с мелкими белыми горошинками. Брюки—с пузырями на коленях, черные, с обтрепанным низом. Сапоги смазные, порыжелые.

Я всего больше помню глаза Ильича. Под их взглядом я всегда чувствовал, что я виден насквозь, как стеклянный. И каждый раз, как только взгляд Ильича падал на меня, я как-то подбирался, подтягивался; мелькала мысль:

— А нет ли чего-нибудь во мне очень худого?

* * *

Я работал организатором аграрной группы окружной организации Петербургского Комитета партии. Перед выборами во II Госуд. Думу мне было поручено написать прокламацию к крестьянам. Рукопись прокламации послали к Ленину. Я более суток ходил, как на иголках:

— А вдруг Ильич не одобрит?

Потом мне сказали, что Ленин прокламацию даже похвалил. Я сразу просиял:

— Раз Ленин похвалил, значит могу работать правильно.

* * *

Потом мне не повезло. Надолго засел в тюрьму. Затем — ссылка в Сибирь.

Вновь встретился с Ильичем только в 1919 году, в ноябре, на Всероссийском Совещании по работе в деревне.

Ильич постарел физически, заметно ссутулился. Еще меньше стало волос на большой характерной голове. Но глаза... Они стали еще заметнее, еще сверлящее.

Когда Ильич выступил с речью, я с первых же слов понял, что Ленин—тот же большевик, каким он был и в революцию 1905 года.

— Без крестьянства, без того, чтобы оно не пошло за рабочим классом, победить нельзя. Надо перетянуть деревню на сторону пролетариата, нужны профессиональные деревенские организаторы.

Надо знать, что за 20 слишком лет до этого, в своей книге «Что делать?» Ильич агитировал за необходимость отбора революционеров-профессионалов, которые ничем другим не занимались бы, кроме революционной работы.

Несомненно, что «деревенщики» сыграли немалую роль в деле союза крестьян и рабочих за период гражданской войны.

Ст. Виноградов.

Встреча с В. И. Лениным в 1907 году.

Летом 1907 г., в конце июля, я с Георгием Ивановым, рабочим Сестрорецкого завода, в настоящее время умершим, были приглашены Районным Комитетом РС-ДРП на собрание (цели собрания сейчас не помню), которое должно было состояться в Финляндии в Куоккала.

Рано утром (был праздничный день) мы пешком, через Редугульскую таможню, перешли границу. Собрание состоялось в одной из дач, присутствовал и Ильич. К концу собрания, через финляндских полицейских, которые в то время сочувственно относились к русской революции, а часть из них находилась даже в рядах партии, мы получили сведение, что русская охранка, как видно, пронюхала о состоявшемся собрании и предполагает на границе по возвращении в Петербург участников его арестовать. Необходимо было предпринять все меры предосторожности.

Я и Иванов решили возвращаться через Дюны, считая, что там более спокойно.

Идти с нами из'явил желание и Владимир Ильич.

Мы беседовали в пути. Вспоминаются в настоящее время исторические слова Ильча, в которых в то время он так ясно определил будущую борьбу рабочего класса и роль интеллигенции в революции.

Обращаясь к нам, он говорил: «Смотрите, ребята, интеллигенция от вас откажется, она считает, что свое получила, и вам на нее надеяться не приходится. Необходимо учиться, так как вам придется все вынести на своих плечах».

Выбранный нами путь, хотя мы и считали более всего безопасным, все же не прошел без приключений.

Было около девяти часов вечера. Было сумеречно. Рассчитывая пройти ближайшим путем, мы сбились с дороги. Упершись в один из дворов и не найдя ни одной человеческой души, мы увидели в одном из домов огонь, к которому направились.

Подойдя к дому, мой товарищ и Ильич остановились поодаль, а я направился к окну, чтобы справиться, как нам пройти. На мой стук в окно выбежало несколько молодых офицеров (как видно, у них был бал) и начали меня ругать за то, что мы здесь шляемся. В это время вышел старик-генерал. Успокоив молодежь, он справился у меня, что нам надо. На мой вопрос, как пройти, спросил: «Зачем вы здесь находитесь?» Я об'яснил, что мы, рабочие Сестрорецкого завода, пошли прогуляться, но, зайдя далеко и не рассчитав времени, заблудились. Как видно, это его не удовлетворило и было необходимо дать ему какое-либо доказательство наших слов. Я вынул заводский номер и показал ему его, чтобы окончательно удостоверить, что я—рабочий. Генерал велел показать мне руки и, убедившись по моим мозолям, что я действительно рабочий, указал нам путь, по

которому мы и вышли через несколько времени к границе — пост Дюны.

При переходе реки, которая является естественной финско-русской границей, мы свободно были пропущены финским постом, но были остановлены на другом конце поста русским пограничником, который в это время, сидя на скамейке, мило любезничал с кухаркой вахмистра. На нашу просьбу пропустить нас—заявил, что граница закрывается в 9 часов, а сейчас позже, и поэтому он пропустить нас не может.

Пришлось упрашивать его и доказывать, что мы—рабочие Сестрорецкого завода, что необходимо завтра быть в заводе, где за неявку могут оштрафовать. Но наши просьбы не поколебали верного стража. Тогда я достал из кармана несколько серебряных монет и положил их на открытую ладонь пограничника. Его же милая, как видно, очень падкая на чаевые, уже со своей стороны стала настаивать перед ним, чтобы он не пропускал,—сообразив, наверно, что можно получить с каждого из нас по такой же лепте.

Чаевые были даны тогда и т. Ивановым, но и это не поколебало кухаркиного упорства. И только тогда, когда Ильич в свою очередь сделал то же самое — сердце кухарки смягчилось, и она заявила: «Чорт с ними, пущай идут».

Доехав на «кукушке» (так назывался дачный поезд) до Сестрорецка, Владимир Ильич со следующим поездом уехал в Петербург.

Итак, кухаркина алчность к деньгам спасла Ильича от новой, может быть, тюрьмы или от еще чего-либо похуже.

Эх, если бы знала охранка в то время падкую до дешевой наживы кухарку и верного стража царского престола в лице пограничника—задала бы она им свадьбу, что пропустили Ильича, который, в 1917 году так испортил всю их обедню!

Рабочий Сестрорецкого оружейного завода, член РКП с 1905 г. **А. Матвеев.**

Осенью 1910 года.

(Из заграничных впечатлений).

Осенью 1910 года для работы в геологических музеях Европы я отправился за границу.

В Париж попал уже в октябре.

Я знал, что В. И. Ульянов (Н. Ленин) в Париже и, воспользовавшись пребыванием там же близко его знавшей З. П. Кржижановской, отправился к нему вместе с нею для того, чтобы увидеть его вблизи, поговорить с ним, если удастся, а также получить от него,

как от члена Бюро II-го Интернационала, интересовавшие меня отчеты о рабочем и социалистическом движении за 1907—1910 г.г., представленные на только что прошедший в Копенгагене (28 августа—3 сентября) VIII Международный Социалистический Конгресс.

Влад. Ильич жил в то время, если не изменяет мне память, где-то вблизи площади Данфер-Рошеро, на которой высится прекрасный памятник национальной защиты 1870 года—«Лион де Бельфор».

Скоро мы были в скромной квартире В. И., состоявшей чуть-ли не из двух маленьких комнат, с крошечной кухней, при чем в квартире помещалась, кроме самого В. И. и его жены, Н. К. Крупской, также и мать последней.

Более чем скромная обстановка квартиры, с минимальным количеством мебели, книги на полу и на столе, прикрытом газетой,—все это создавало очень знакомое впечатление русского интеллигентского обихода. Все обитатели квартиры были дома и приняли нас радушно.

В. И., которого я раньше встречал только мимоходом, сразу напал на меня с расспросами о крестьянском движении в России. Напомню, что в 1910 году еще продолжалась у нас самая жестокая реакция после 1905 года, премьером был П. А. Столыпин и усиленно проводилась его реформа по насаждению хуторского хозяйства.

На мой взгляд, эта реформа, будучи весьма тяжелой при неразмежеванности и всяком неустройстве и ведущая в первые дни проведения ее в жизнь к обеднению крестьянства, сама по себе пользовалась, у крестьян успехом. В. И. надеялся именно на нее, провидел недовольство крестьянской бедноты и возможность крестьянского восстания в ближайшее время. Помню, как он был задет за живое, когда у меня невольно вырвалось: «Да вы чудак, Владимир Ильич!»

—Ах, так я чудак?—и он невольно насторожился,—да вы не меньшевик-ли?

Пришлось разуверять его в этом. Однако, мирный тон беседы нарушен этим инцидентом не был. Мне ясно теперь, что у В. И. были в то время планы,—ведя агитацию среди крестьян на почве хуторской реформы, выяснить им весь паллиативный смысл ее и, быть может, уже тогда бросить в крестьянскую массу земельные лозунги 1917 года.

Затем мы толковали об «отзовистах», стремившихся прекратить рабочее представительство в Государственной Думе путем отозвания с.-д. членов Госуд. Думы, с чем приходилось тогда сражаться большевикам и сражаться именно в Париже, где ютились тогда приверженцы этой несчастной и, как будто, радикальной идеи.

Как это ни странно, но здесь, в маленькой парижской квартирке, реакция, царившая в России, уже не чувствовалась; за последнее время у Вл. Ильича опять наладилась обширнейшая и самая усиленная переписка с русскими организациями партии, требовавшая постоянного зашифрировки и расшифрировки писем, в чем деятельной

и неустанной помощницей В. И. являлась Надежда Константиновна. Весьма любопытно, что это обстоятельство не укрылось и от матери Н. К., никогда не входившей близко в революционные дела В. И., но которая заботливо жаловалась З. П. Кржижановской:

— Опять Володюшка принялся за писание писем в Россию, опять что-нибудь скоро будет.

И, действительно, уже с 1911 года начался под'ем революционной волны и в самой России. Остальное известно.

В. И. весьма любезно удовлетворил мою просьбу об отчетах Конгрессу, давши мне записку, кажется, к секретарю Интернационала Гюисмансу в Брюсселе, и мы распрощались.

В Брюсселе я зашел в секретариат Интернационала, помещавшийся в Народном Доме, и без труда устроил все дело. Для безопасности отчеты мне переслали в редакцию с.-д. газеты «Тюомиес» («Рабочий») в Финляндию, и на обратном пути, заехав в Гельсингфорс, я получил их и беспрепятственно привез в Петербург.

И вот теперь, в нынешнем Ленинграде, перебирая пачку отчетов в заграничной зеленой папке, с черными холщевыми завязками, содержащую «Отчеты с 1907—1910 о рабочем и социалистическом движении, представленные международному социалистическому Конгрессу в Копенгагене», я вспоминаю Париж и маленькую квартирку Ульяновых и уже навсегда ушедшего от нас Владимира Ильича.

А. Рябинин.

Эпизод.

Впервые мне пришлось видеть Ильича в Копенгагене, во время с'езда конференций II Интернационала, в 1910 году.

Насколько мне помнится, по инициативе Ильича, секретарь ячейки (группы) политических эмигрантов РС-ДРП тов. Караев (Кобецкий) созывал общее собрание, на которое обещал приехать Владимии Ильич.

Само собрание было назначено в каком-то зале на улице «Rosengaarden», где мы, собравшись, с нетерпением ждали «какого-то товарища», который сделает доклад о работе С'езда II Интернационала. Сидим и ждем... Через несколько минут кто-то из товарищей передает, что приехал т. Ленин. Всеобщий восторг. Кто из нас не желал его видеть, слышать его живое слово?! Целый вечер, как глава дружной семьи, он нас учил. Сам задавал вопросы и отвечал на вопросы. И как мы были потом ему благодарны!..

Минуло 14 лет. Из памяти не изгладилось: эстрада, маленькое накуренное зало, наше небольшое общество и силуэт Владимира Ильича.

Август Лан.

Один день с Лениным.

(Из воспоминаний «витмеровца»)

— Знаете, тов. Ильин, послезавтра к нам Ленин приезжает!— заявил мне в теплый весенний день 1914 г. один из членов нашей женевской ленинской группы, Вячеслав Алексеевич Карпинский.

— Уже послезавра?

Ленина мы давно поджидали, но то, что послезавтра он уже будет в Женеве, несколько ошеломило меня.

— Где же он остановится?

— Да у меня. Он пробудет здесь всего только день. Утром приедет, вечером его лекция. После лекции заседание нашей группы, а с двенадцатичасовым поездом он уже уезжает.

— Жаль, что он пробудет так недолго. Я ведь ни разу еще не видел его. Хотелось бы познакомиться с ним поближе.

— Приходите ко мне с утра. У нас никого не будет. Я, да жена. Можете с ним не только поговорить, но и в шахматы сыграть, он ведь прекрасный шахматист.

— Хорошо, я так и сделаю. Мы пожали друг другу руки и расстались.

С Карпинским и его женой, Ольгой Равич [1], мы были друзьями. И не только общность политических взглядов связывала нас. Часто целые дни проводили мы вместе. Бывало так, что, воспользовавшись свободным временем, мы садились на велосипеды и уезжали верст за 30—40, носясь по полями и горам женевского кантона и живописной Савойи.

Нужно сказать, что наша русская группа большевиков-ленинцев в Женеве вообще была очень малочисленна. В то время, как родственная нам группа большевиков-впередовцев насчитывала несколько десятков членов, в ленинской группе состояло всего 7 (!) человек. Этим об'ясняется то, что Ленин, приехав в Женеву, не был сразу окружен многочисленной толпой друзей, как это бывало с другими приезжавшими в Женеву лидерами, и что даже я, 18-ти летний юноша, совсем молодой член партии, мог быть ему представлен и даже провести с ним в тесной компании целый день.

В назначенный день я с утра спешил на Rue Hugo Sèngèr,—где проживали тогда Карпинские. Уже издали я заметил небольшую группу, сидящую в саду около их дома.

— «А где же Ленин?»—думаю я, пристально вглядываясь в эту группу.

Рядом с Карпинским сидел какой-то низенький, коренастый человек. Черты лица его на мгновение вызвали у меня в памяти лицо

1 Ольга—партийная кличка Равич, Софии Наумовны. *Редакция.*

Сократа, но потом я решил, что это, вероятно, какой-нибудь пострадавший за революцию крестьянин, только что приехавший за границу. «Неужели Ленин так и не приехал?!»—с грустью подумал я.

Мои размышления прервал веселый голос тов. Карпинского.

— Позвольте, Владимир Ильич, представить вам нашего молодого товарища Ильина. Он «витмеровец» и недавно приехал из России.

Я растерянно пожал протянутую мне широкую и крепкую руку, и только приветливая и ясная улыбка, которая озарила лицо Ильича, заставила и меня улыбнуться.

— А, так вы—«витмеровец»!—воскликнул Владимир Ильич,—ну рассказывайте, что это была за организация, а то газеты слишком противоречиво пишут о ней.

Я начал рассказывать о задачах и работе петербургской межученической организации 1911—1912 г.г., собрание которой в помещении женской гимназии Витмер было арестовано, и возникло дело, известное под названием «Витмеровская история».

Ленин со вниманием и интересом слушал меня.

Дело «витмеровцев», как пробуждение революционного движения в среде самого зеленого юношества, его действительно серьезно заинтересовало.

В петербургском марксистском легальном журнале «Просвещение» за 1913-й год [1] он даже откликнулся на него в своей статье: «Возрастающее несоответствие».

Наш разговор прервала Ольга Равич, сказав, что готов обед, и предложив последовать в столовую.

В столовой разговор перешел на тему, глубоко волновавшую в то время Владимира Ильича, а именно, на болезнь Надежды Константиновны. У нее была базедова болезнь, и Владимир Ильич не знал, на что решиться. Делать ли ей операцию, как рекомендовали некоторые врачи, и тем подвергать ее серьезной опасности, или продолжать лечение обычным порядком, что могло затянуться на долгие и долгие годы. С какой заботливостью и тревогой говорил Владимир Ильич о здоровьи своей неразлучной и верной подруги.

Неожиданно разговор наш отклонился в другую сторону.

От зоркого взгляда Ленина не укрылось, что в то время, как все на второе ели мясо, мне заботливыми руками Ольги Равич была принесена яичница.

— Что, вы тоже нездоровы?—спросил Ленин.

— Нет, я вообще не ем мяса.

В то время я был пламенным защитником безубойного питания и со свойственной юности страстностью стал защищать свою точку зрения.

Моя горячность очень развеселила Владимира Ильича.

---

[1] № 4, стр. 70—73, гл. X статьи (окончание), Спб. Статья подписана В. Ильин. псевдоним В. И. Ульянова-Ленина).

— Ого,—сказал он, хитро улыбаясь и подмигивая Карпинским,— этак вы, пожалуй, произведете новый раскол в партии и организуете новую фракцию большевиков-вегетарианцев.

Так, смеясь и пикируясь, перешли мы в библиотеку, где нам был приготовлен послеобеденный чай.

Ильич совсем пришел в веселое и благодушное настроение.

Он стал расспрашивать о местных лидерах, о том, кто, по нашему предположению, выступит сегодня на докладе с возражениями и сильны ли они в полемике.

Ленин не упускал ни одной подробности и всем интересовался. Спортивный интерес предстоящей словесной битвы захватывал его. Видно было, с каким нетерпением ждет он предстоящей возможности разгромить своих противников. Задорные искорки горели в его глазах, и вся комната оглашалась веселым, заразительным хохотом.

Трудно было не смеяться вместе с ним!

Нужно сказать, что тема, выбранная Лениным для доклада, напоминала собой красный платок, которым машут перед глазами быка, чтобы его раздразнить.

— Национальный вопрос!

Это в Женеве то, где такая масса всякого рода эмигрантских национальных социалистических групп, где отрицание необходимости национальных группировок считалось почти что преступлением, и всякий последовательный интернационалист—еврей или поляк—окрещивался бранным словом: «ассимилятор».

Сомнения не было, что полемизировать с Лениным соберется половина русской Женевы.

Однако, время шло, и когда мы с Владимиром Ильичем спохватились, что хорошо бы сыграть хоть одну партию в шахматы, выяснилось, что пора уже итти на лекцию.

Помещение для лекции было выбрано около Plain de Plaingalais, т.-е. совсем неподалеку от Карпинских. Уже на улице мы встретили целые толпы русских, а когда вошли в самое помещение, оказалось, что там буквально яблоку негде упасть.

Карпинский сейчас же занял председательское место и открыл собрание.

— Слово предоставляется товарищу Ленину,—заявил он.

Горячие аплодисменты маленькой кучки и гробовое молчанье всей остальной аудитории были ему ответом.

Я впервые слышал Ленина, и одна особенность сразу глубоко поразила меня. С внешней стороны Ленина нельзя было назвать блестящим оратором. Он не обладал теми данными, как, например, славившийся в то время в Женеве анархист итальянец Бертони.

Бертони был прежде всего великолепный артист-трагик. Героическая наружность, глубокий бархатный, волнующий зрителя, голос и удивительная выразительность звука и жеста—сразу завоевывали

аудиторию и заставляли ее глубоко проникаться мыслями и чувствами оратора.

Совсем не то было у Ленина. На первый взгляд заурядная наружность, несколько хрипловатый голос в конце фраз не могли сразу покорить зрителя. И тем не менее слушать его было удивительно приятно.

Помню, первое впечатление у меня было такое, как будто я не слушаю оратора, а читаю книгу. Удивительная стройность мыслей, строгая последовательность изложения и неумолимая логичность сделали то, что вся эта большая и в большинстве чуждая нам аудитория, не двигаясь и почти не дыша, как зачарованная, прослушала до конца лекцию Владимира Ильича.

И когда он кончил, уже бо́льшая половина зала аплодировала ему.

Но в чем Ленин выявил себя настоящим мастером, так это в том, как он разделался со своими оппонентами.

Это был даже не бой, а какое-то избиение младенцев.

Откуда-то у Ленина появились книги и брошюры, в которых он ориентировался буквально, как в своем собственном кармане.

Три секунды—нужная цитата найдена, и противник на голову разбит.

И когда все враги оказались поверженными, дружные аплодисменты приветствовали Владимира Ильича.

Но вот, собрание окончено. Ленин, собрав все свои книги, вместе с нами начинает пробираться к выходу; однако, не тут-то было.

Вокруг него толпятся представители самых разнообразных групп фракций. Буквально на каждом шагу его останавливают то возражением, то вопросом. Как выбраться из этой толчеи и давки, как отделаться от этой навязчивой и неугомонной толпы оппонентов? Ленин, однако, терпеливо отвечает, отвечает и отвечает.

Наконец, уже у самого выхода, на Ленина начинает наседать какой-то седой старичек, который крикливым голосом тоже пытается ему что-то возражать.

Это переполняет чашу терпения Владимира Ильича. Неожиданно для всех нас, он вырывается из цепких лап назойливого старика и во всю прыть, как хороший бегун, несется по пустынной площади.

Представьте себе ошарашенную физиономию старика, который так неожиданно „обратил в бегство“ своего выдающегося противника?

Ленин сбежал. Однако, мы то знаем, где его найти. В одном из кафе около Rond Point назначено собрание нашей группы. Ленин, несомненно, туда и направился.

Действительно, при самом входе в кафе мы сталкиваемся с Лениным, который буквально покатывается от хохоту.

— Нет, вы представьте себе, — еле выговаривает он, — старик начал возражать мне „с родительской точки зрения“. Тут уж я не выдержал...

Мы смотрим на часы. Оказывается, что уже скоро Ленину надо садиться в поезд.

Тогда мы решаем заслушать доклад Ленина на ходу, во время пути от кафе до вокзала.

Ведь наша группа такая маленькая, всего 7 человек, и никакого внимания к себе не привлечет.

На улице уже темно. Горят фонари. Пустынно. Женевские мещане рано ложатся спать.

Мы идем по мостовой, и Ленин рассказывает нам, какие имеются известия из России.

Реакция уже мало-по-малу сходит на нет. На фабриках оживление. Приближается новая волна революционного под'ема.

В словах Ленина видно обстоятельное знание того, что делается на родине.

Вот и вокзал. Ленин быстро входит в вагон и вскоре показывается у открытого окна.

Мы приветствуем его и машем шляпами.

Через несколько минут без всяких звонков и свистков, по швейцарскому обычаю, поезд трогается.

Ленин во все стороны кивает головой.

Внезапно его взгляд останавливается на мне.

— Советую вам перестать быть вегетарианцем!, — кричит он мне.

— Советую вам сделаться вегетарианцем!, — с юношеским задором отвечаю ему я.

Ленин смеется.

Через минуту поезд уже скрывается в туманной дали.

* * *

Ленин не забыл меня. Впоследствии, в письмах к Карпинскому, которые в настоящее время только что привезены из заграничного архива и скоро будут изданы Истпартом, он справлялся о моем житье-бытье и, узнав, что я собираюсь летом ехать в Россию, приглашал меня заехать к нему под Краков.

Однако, обстоятельства, к сожалению, помешали мне исполнить это его желание, как сильно мне ни хотелось повидать его еще раз.

В 1917 году в Петрограде, вскоре после приезда Ленина из заграницы, мне пришлось еще раз с ним встретиться.

Мой запыленный и загорелый вид, офицерские погоны — все это помешало ему меня вспомнить.

— Мы с вами виделись в Женеве. Я — „витмеровец", — напомнил я.

— А, вегетарианец! — воскликнул он, и веселая ласковая улыбка озарила его лицо.

Повидимому, это обстоятельство всего сильнее врезалось ему в память.

Милый, добрый Ильич!

Александр Ильин-Женевский.

Ленин в 90-ые годы.

Из далекого прошлого Ильича.

С Владимиром Ильичем я познакомился вскоре после его приезда в Петербург, осенью 1893 года. Познакомил меня с ним Герман Борисович Красин.

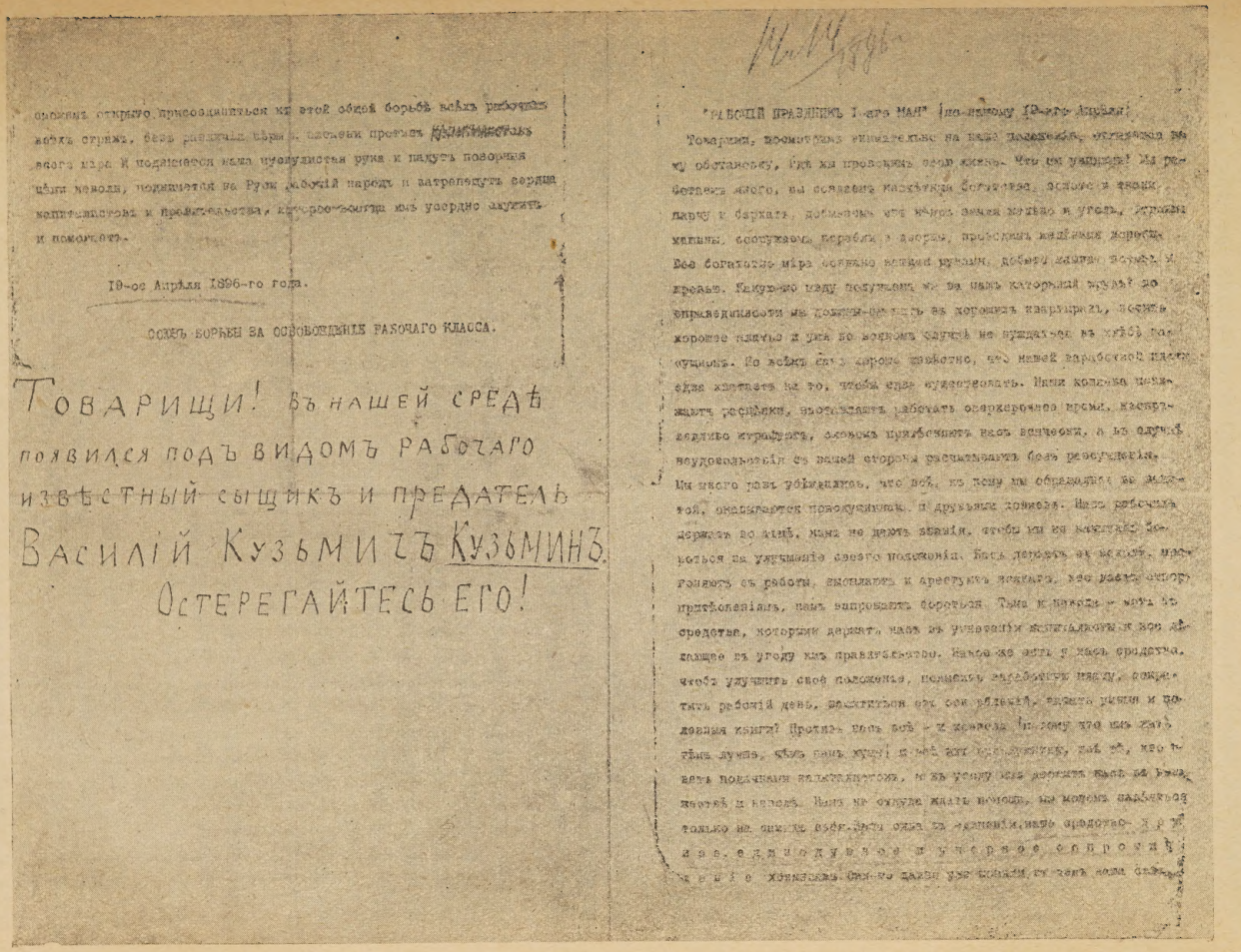
В то время обращено было внимание на выделяющихся рабочих. Их выбирали из кружков и вели с ними отдельные занятия. В числе таких одиночек был и я.

Очевидно, Владимир Ильич по приезде в Петербург заставил обратить на себя внимание той части интеллигенции, с которой он здесь встретился. Когда меня знакомили с другими интеллигентами—Старковым, Кржижановским, Ванеевым,—то это происходило просто: назначали свидание, или посылали по определенному адресу, и никаких особых характеристик о них не давали. Но когда Герман Борисович заговорил со мной о Владимире Ильиче, то сказал: «С вами хочет познакомиться один очень интересный человек, который пишет». Конечно, в это слово «пишет» вкладывался смысл, что он пишет то, что нужно для нас.

Свидание было назначено у Германа Борисовича. Не помню, на какой улице, но помню, что комнатка была хотя и светлая, но очень маленькая. Я пришел в назначенное время, и минут через пять в комнату вошел человек. Одет он был больше, чем скромно: довольно потертая студенческая фуражка, рыженькое, тоже не первой молодости, пальто, брюки и сапоги тоже далеко не новые. Когда он снял фуражку, то мне представился лоб, с уже намечающимися углами лысинки, рыженькие усы и бородка, видно, еще не стриженая. Волосы, усы, борода были тоже в каком то беспорядке.

Лицо было как будто в морщинах, так что он произвел на меня впечатление человека, которому было уже к сорока годам. Хотя он вошел непринужденно, просто и как то весело поздоровался, но настоящее лицо его я увидал только в процессе разговора.

У Германа Борисовича на столе лежала книга Николай-он'а? «Очерки нашего пореформенного хозяйства». Как-то сразу мы об



выразим открыто присоединиться ко этой общей борьбе всех рабочих всех стран, всех единых, братьев протяг капиталистов всего мира и подадимся наша трудящаяся рука и пикуть позорные цепи неволи, поднятой на руки рабочий народ и затрепещут сердца капиталистов и правительства, которые захотят нас усердно закрепить и помочить.

19-ое Апреля 1896-го года.

СОЮЗЪ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНІЕ РАБОЧАГО КЛАССА.

Товарищи! Въ нашей средѣ появился подъ видомъ рабочаго извѣстный сыщикъ и предатель Василій Кузьмичъ Кузьминъ. Остерегайтесь его!

"РАБОЧІЙ ПРАЗДНИКЪ 1-ого МАЯ" (по-нашему 19-ого Апреля)

Товарищи, возможно ли радоваться на наше положение, оглядываясь на ту обстановку, при ко торой мы проводим свою жизнь. Что мы умираем! Из ро бостевск много, вы создаете миллионы богатства, золото и ткани, парчу и бархат, добываете изо дня земли мрамор и уголь, строите машины, сооружаете корабли и дворцы, прокладываете железные дороги. Все богатство мира создано вашими руками, добыто вашими потом и кровью. Какую-то долю получаете вы за наш каторжный труд? По справедливости мы должны бы жить в хороших квартирах, носить хорошее платье и ухи во всяком случае не нуждаться въ хлѣбѣ насущномъ. Но всѣмъ вамъ хорошо извѣстно, что нашей заработной платы едва хватает на то, чтобы едва существовать. Наши копейки нажимают рестораны, вынуждают работать сверхурочное время, наскандалившую хозяева приговаривают къ вычетамъ, а въ случаѣ неудовольствія съ нашей стороны расчитывают безъ разсрочки. Ни много нам рѣшились, что всѣ, на кого мы обращались за защитой, оказываются нашими врагами и друзьями хозяев. Наше рабочая держать во тьмѣ, нам не дают знать, чтобы мы не начинали бороться за улучшение своего положения. Нам дозволяют не больше, чем разрешают своего положения. Нам дозволяют не больше, чем разрешают работать, заставляют и арестуют всякаго, кто хочет открыть глаза нашим братьям-рабочим. Тьма и невѣжество - вотъ то средство, которыми держат нас въ угнетении капиталисты и все, что выгодно въ угоду имъ правительство. Какое же есть у насъ средство, чтобы улучшить свое положение, меньше работать и больше, сократить рабочій день, увеличить его оплату, видеть свѣтъ и получать книги? Протестовать всѣ - и довольно! Потому что мы хотим больше, чѣмъ нам хотят дать они, мы требуем, как то, что нам полагается по справедливости, но въ угоду нам дорожат нашей кровью и потом. Нам не откуда ждать помощи, мы можем разсчитывать только на самих себя. Пусть наш за напоминают вам средство - дружное, единодушное и упорное сопротивление хозяевам. Они-то давно уже сомкнули свои ряды.

Первомайская прокламация 1896 года.

этой книге и заговорили. В то время о ней, вообще, много говорили. Не помню, в каких выражениях, но Владимир Ильич говорил об этой книге как то пренебрежительно. Я эту книгу тоже просматривал и, может быть, под влиянием разговоров с Германом Борисовичем, но, как мне тогда казалось, я имел и свой собственный взгляд, и в особенности за взгляды этого писателя на характер развития нашей промышленности, высказал свое мнение, которое сходилось с мнением Владимира Ильича.

В разговоре Вл. Ильич обратил наше внимание на книжку Парвуса «О рынках». К этой книжке у Вл. Ильича было совершенно другое отношение. Он настойчиво рекомендовал ее прочесть. Говорили мы недолго. Вл. Ильич дал мне адрес своей квартиры. Жил он тогда в Казачьем переулке (что то мне помнится, д. № 9, кв. 15, точно не помню).

В первый мой приход к нему он меня расспрашивал о кружках, о том, много ли таких рабочих, как я. Я назвал ему близких своих приятелей—Норинского, Фишера, Кейзера. После моих характеристик он высказал желание с ними познакомиться.

Вскоре я явился к Вл. Ильичу уже с Фишером. Когда мы пришли к нему, он из'явил желание прочесть нам, как он говорил, «очень интересную книжку». Книга была Бруно Шенланга «Промысловые синдикаты и тресты». В русском переводе ее еще тогда не было, и он прямо читал ее по-русски с немецкого текста.

Вл. Ильич ходил на кружки на Васильевский остров и за Невскую заставу. С рабочими Невской заставы (Фунтиковым, Бабушкиным и др.) он знакомился уже не через меня, а через интеллигенцию.

Впоследствии он познакомился также с двумя видными, очень юными путиловскими рабочими: Борисом Зиновьевым и Петром Карамышевым. Б. Зиновьев и П. Карамышев жили в одной комнате. Вл. Ильич посещал их довольно часто. Особенно хорошо отзывался Вл. Ильич об этих трех юнцах: Ив. Бабушкине, Б. Зиновьеве и П. Карамышеве.

Из Ивана Васильевича Бабушкина вышел потом очень видный работник, Б. Зиновьев умер, а Карамышев испакостился и отошел. Где он теперь—не знаю.

Характерной чертой Вл. Ильича было стремление, что называется, выуживать отдельных способных и подающих надежды рабочих. И когда он выуживал таких рабочих, то производил на них особенный нажим.

Нажим заключался в том, что он расспрашивал их о работе, о настроении рабочих, об отношении администрации и часто заставлял излагать ответы в письменной форме. Одним из результатов таких ответов была книжка «О штрафах».

Во время моих встреч с Вл. Ильичем он все время обращал внимание на то, чтобы нам завести связь с возможно большим коли-

чеством заводов. Не знаю, как появилась брошюра об агитации, но когда мы читали ее в Петербурге, то Ильич особенно настаивал на своевременности выхода из кружков к массам.

Когда перешли к агитации и со стороны некоторых рабочих поступали требования на листки, в которых освещались экономические нужды, Ильич все время говорил, что экономические вопросы ставить необходимо, но ставить их надо так, чтобы рабочему видно было, что без серьезных перемен политической жизни России экономическое положение рабочих не улучшится.

Не знаю, что заставило Ильича взяться за перевод книги супругов Вебб «Теория и практика английских тред-юнионов», но в разговорах со мной он все время говорил, что наши рабочие не должны итти по пути английских тред-юнионов.

В настоящее время, когда пройден такой длинный ряд лет, все это кажется само собой ясным, но в то время, когда еще остатки романтической революционности народовольчества, с одной стороны, и увлечение трезвых людей вопросами исключительно экономическими—с другой, нужно было уметь выбрать верное направление, и это направление было выбрано Ильичем.

Образованием «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» была поставлена первая веха, через которую прошел дальнейший путь к Российской Коммунистической Партии (большевиков), а затем и к Коммунистическому Интернационалу.

В. А. Шелгунов.

Из моих воспоминаний о В. И. Ульянове.

Я работал в порту Нового Адмиралтейства в слесарной мастерской учеником с 1884 года, а в 1889 году вышел в мастеровые. Работа в порту шла тихо и примитивно—не пользовались даже и станками, какие были в мастерской. Спросишь, бывало, у указателя (мастера) наждачной бумаги отшлифовать медную вещь, а он в ответ: «Эх, плохой ты мастеровой! захотел наждачной бумагой, а ты возьми щепочку, насыпь наждаку, да и протри». Так и шла работа,—больше проводили времени, чем работали.

Но вот, с Балтийского завода перешли в мастерскую несколько молодых мастеровых; впоследствии оказалось, что они были уволены с Балтзавода, как «опасный элемент». Они внесли в порт живую струю. Сейчас же пустили в ход стоявшие без работы станки, поденную работу перевели на штучную, благодаря чему заработки повысились.

Вместе с тем эти мастеровые повели среди рабочих социалистическую пропаганду, выбирая лучшие элементы из заводской молодежи. Началась организация кружков, в один из которых попал и я.

Вкусив в кружке познания «добра и зла», я сейчас же стал распространять среди своих друзей то, что узнал в кружке. Кроме устной пропаганды, раздавались по рукам книжки, в которых высказывались идеи социализма. Изредка к нам попадала и нелегальная литература Но она плохо «прививалась», так как была опасной, и еще потому, что давала лишь поверхностные знания об окружающем.

Для целей правильного политического развития рабочих, у нас в порту устраивались, так называемые в те времена, «демократические университеты» при слушателях не более 5 человек. При этом говорили так: «если рабочий не может прийти в университет сам, то университет придет к нему». И, действительно, работа по развитию членов кружка шла быстро. Прослушав беседы в этих кружках в течение 4-х лет, рабочий уже получал звание «интеллигента».

Руководителями наших кружков были студенты высших учебных заведений, они же были и организаторами кружков.

Когда в 1891—92 г.г. [1] Владимир Ильич Ульянов совместно с Запорожцем, Старковым и др. составили программу кружков по образцу программы германской с.-д., работа в наших рабочих кружках стала более углубленной и правильной.

Когда я с'организовал несколько рабочих кружков на Петроградской стороне, на Васильевском острове, на Выборгской стороне и в посаде Колпино и заявил, что необходимо прислать интеллигентов в эти кружки для чтения лекций, то мне в нашем центре сказали: «хорошо, к вам придет Николай Петрович. Это один из лучших, поэтому люди в кружках должны быть благонадежными и серьезными».

В силу этой директивы я отобрал среди завербованных в члены кружков рабочих, более мне известных: Ильина, Астафьева, Крылова, Ниляндера, сам же был пятым. Первое собрание этого нашего кружка состоялось на Петроградской стороне в доме угол С'езжинской и Пушкарской улиц, в комнате, в которой я жил и которая имела отдельный ход с лестницы, так что мои квартирные хозяева не видели, кто ко мне приходил.

В назначенный час ко мне кто-то постучал. Открыв дверь, я увидел мужчину лет тридцати, с рыжеватой маленькой бородкой, круглым лицом, с проницательными глазами, с нахлобученной на глаза фуражкой, в осеннем пальто с поднятым воротником, хотя дело было летом, вообще—на вид этот человек показался мне самым неопределенным по среде человеком. Войдя в комнату, он спросил: «здесь живет Князев?» На мой утвердительный ответ заметил: «а я—Николай Петрович».—«Мы вас ждем»,—сказал я. «Дело в том, что я не мог прийти прямым сообщением... Вот и задержался. Ну, как, все налицо?—спросил он, снимая пальто.

---

[1] Правильнее в 1893 г.

Лицо его казалось настолько серьезным и повелительным, что его слова заставляли невольно подчиняться, и я поторопился успокоить его, что все пришли и можно начинать.

Подойдя к собравшимся, он познакомился с ними, сел на указанное ему место и начал знакомить собрание с планом той работы, для которой мы все собрались. Речь его отличалась серьезностью, определенностью, обдуманностью и была, как бы, нетерпящею возражений. Собравшиеся слушали его внимательно. Они отвечали на его вопросы: кто и где работает, на каком заводе, каково развитие рабочих завода, каковы их взгляды, способны ли они воспринимать социалистические идеи, что больше всего интересует рабочих, что они читают и т. д.

Главной мыслью Николая Петровича, как мы поняли, было то, что люди неясно представляют себе свои интересы, а главное, не умеют пользоваться тем, чем могли бы воспользоваться. Они не знают, что, если бы они сумели об'единиться, сплотиться, в них была бы такая сила, которая могла бы разрушить все препятствия к достижению лучшего. Приобретя знания, они смогли бы самостоятельно улучшить свое положение, вывести себя из рабского состояния и т. д.

Речь Николая Петровича продолжалась более двух часов; слушать его было легко, так как он все об'яснял, что было нам непонятно. Сравнивая его речь с речами других интеллигентов, становилось ясно, что она была совсем иной, выделялась, и, когда Николай Петрович ушел, назначив нам день следующего собрания, то собравшиеся стали спрашивать меня: «кто это такой? здорово говорит, без запинки...».

Но я им об'яснить не мог, кто был Николай Петрович, так как сам его в то время не знал. Он посещал нас часто—раз в неделю. Посещал он также и другие кружки, которые ему указывали. Удалось с'организовать кружок на Черной речке и у рабочего П. Дмитриева. Николай Петрович посещал и этот кружок, несмотря на дальность расстояния. Посещал он кружок и на 8-й линии Васильевского острова у Крочкина-Федорова, около Черной речки. Этот кружок был для Николая Петровича роковым—его там проследили. Кружок этот—пять человек—был арестован в ноябре 1894 года.

Так как я был членом центрального кружка, то у меня на квартире собирались и представители других кружков и интеллигенты. Эти собрания были еще более конспиративны. На этих собраниях руководителем был тот же Николай Петрович. Но как его звали по-настоящему,—никто из рабочих и здесь не знал. Николай Петрович на этих собраниях распределял по кружкам интеллигентов-пропагандистов и давал им указания, знакомил их с тем, что представляли из себя эти кружки и что читать в них.

В 1893 году умерла моя бабушка, и мне предстояло получить наследство. Зная, что я всегда могу получить совет со стороны то-

варищей, как мне поступить с тем, чтобы это наследство попало мне в руки, я обратился к ним. Они меня отправили к помощнику присяжного поверенного В. И. Ульянову, предупредив при этом меня, чтобы я адреса его не записывал, а запомнил бы, а если и придется записать, то записать условно, прибавив к числам № дома и № квартиры число 9.

Придя в дом № 7 в Казачий переулок, в квартиру № 13, я отыскал по данному мне плану эту квартиру. На звонок, дверь мне открыла квартирная хозяйка, заявив, что Ульянова дома нет, но он скоро будет, и разрешила мне обождать его в его комнате. Комната имела два окна. Меблировка ее была очень скромная: железная кровать, письменный стол, три-четыре стула, комод. Осмотрев все, я задумался:—что это за адвокат, и возьмется ли он за мое дело... Раздался звонок, и вскоре в комнату вошел мужчина в цилиндре [1]: «А, вы уже ждете?»—сказал он мне и при этом быстро скинул пальто и стал расправлять немного помятый фрак, — «ну-с, одну минуточку,—я сейчас переоденусь и мы с вами займемся».

Посмотрев этому адвокату в лицо,—я обомлел: да это же, ведь, Николай Петрович! Пока я приходил в себя, передо мною появился переодетый в другую одежду Николай Петрович, и, указывая на стул, обратился ко мне: «вы расскажите мне все по порядку». Сев, я, как умел, начал рассказывать, а он, перебивая меня, требовал пояснений, как бы вытаскивая из меня один факт за другим. Узнав от меня, что бабушка моя умерла в услужении у одного генерала и что последний может присвоить наследство, хотя и имеет собственный каменный дом в три этажа, Николай Петрович потер руки и сказал с ударением на этих словах: «Ну, что же, отберем дом, если выиграем. Затруднение лишь в том, что очень трудно отыскать посемейный список, так как покойная из крепостных».

Сказав это, он взял бумагу и стал писать прошение для получения ревизских сказок. Написав его, он указал мне, куда придется ходить, куда подавать и велел по получении того или иного сообщения по делу, прийти к нему.

— Ну, а теперь перейдемте к другому вопросу. Как дело в кружках? Что на заводах?—стал расспрашивать меня Николай Петрович. Я едва успевал ему отвечать. «Вы», — сказал он мне, — «как непосредственно связанный с кружками, должны узнавать, что происходит на заводах, чем недовольны рабочие и кто в этом виновен. Вы должны знать интересы рабочих, чем они больше интересуются, как к ним подойти».

Я слушал и чувствовал, что все эти требования выполнить довольно трудно, но Николай Петрович так уверенно все говорил, что я не осмелился отказаться.

---

[1] Конечно, для конспирации.

«Вот, — продолжал он, — вы сорганизовали кружок. Сами вы должны стать выше их по знанию, чтобы руководить. Вы должны больше читать, развиваться и развивать других. Я слышал, что вы любите ходить на танцы, но это бросьте, — надо работать во всю. Вы должны развиваться политически, и тогда вся ваша работа в кружке будет для вас наслаждением. Вы должны пройти политическую экономию. Я об этом поговорю с Дзержинским или с Запорожцем».

Мы расстались. От взваленных им на меня обязанностей мне стало тяжело. Выйдя от него на улицу, я почувствовал облегчение и стал обдумывать, как все выполнить. Встретясь дня через два с Запорожцем, я рассказал ему про свою встречу с Николаем Петровичем—В. И. Ульяновым—и о том, что он мне наказал сделать. Выслушав меня, Запорожец засмеялся и сказал: «ничего, ничего, берите с него пример. Он и сам очень много работает. Надо же и нам работать и помогать ему».

С тех пор я стал периодически посещать В. И. Ульянова, давая ему сведения, которые получал с завода, и каждый раз получал от него новые инструкции.

«Погодите, погодите, — говорил он, — придет время, когда мы заставим слушать нас и добьемся права организации. Нам будет легче. Важно, чтобы нас поняли рабочие, и тогда мы приобретем силу и поставим нашу жизнь так, как мы захотим, сбросим рабство и послушание этим бездарным бюрократам, живущим только для своего благополучия. За границей рабочие уже об'единились и заставляют себя слушать. Мы не должны от них отставать и должны заявить о себе». Говорил это В. И. Ульянов с некоторым оживлением. Я ушел от него в приподнятом настроении и с усиленным желанием работать.

На заводе я, в свою очередь, старался рассказывать все, что слышал от Владимира Ильича. Рабочие слушали меня со вниманием, их отношение ко мне переменилось, и меня они стали уважать. Но недолго это продолжалось. Слухи о моей пропаганде дошли до начальства, и мне пришлось уйти с завода.

Придя как то к В. И. Ульянову, я услыхал от него вопрос: «а что?! если бы вас арестовали, вы знаете как держаться на суде?» «Да»,— ответил я,—«нам говорил про это уже Осип Иванович» (Последний был арестован в 1892 году). Рецепт, как держаться на допросе, состоял в том, чтобы не давать никаких показаний, не держать при себе фотографических карточек и адресов.

«Ну, так вот, — продолжал он, — если знаете, то об'ясните и всем товарищам. То, что вам говорили о допросах,—это обезоруживает жандармов. Имеется ли у вас касса? Библиотека? Из каких книг она состоит? Нам надо сорганизовать хорошую библиотеку, составить соответствующую программу чтения. Надо знать, как надо помогать арестованным и ссыльным. Для этого необходимы средства.

Надо обязать членов партии вносить членские взносы, устраивать лотереи и пользоваться всеми возможными источниками для добывания денежных средств».

В. И. старался передать мне все, что было необходимо для нашей организации. Просидев у него около часа, я ушел, обещая ему все, по возможности, выполнить.

А вскоре узнал, что он был арестован. Вскоре же после его ареста, был арестован и я, а затем выслан в Вятскую губернию.

Арест В. И. Ульянова и мой помешали мне закончить ведшееся им дело о получении наследства.

В. А. Князев.

О Владимире Ильиче.

Владимир Ильич был несомненно прирожденным вождем и вдохновителем людей его окружавших и таковым он встает передомною в моих самых ранних воспоминаниях о нем. Таким показался он мне и при первой моей встрече с ним около тридцати лет тому назад на одном рабочем собрании.

Я встретил его в кругу одинаково близких как ему, так и мне рабочих. То были В. А. Шелгунов, И. В. Бабушкин, Никита Меркулов и некоторые другие, с которыми, правда, я познакомился несколько раньше Владимира Ильича. Но он скоро приобрел среди них большое влияние своею в высшей степени умелою, напряженною, самоотверженною и выдающеюся деятельностью.

Я не знаю, хотел ли с самого начала Владимир Ильич непременно руководить его окружавшими, стремился ли он непременно стать во главе движения. Некоторые факты как будто говорят за это. Не даром первый социалистический кружок, в который вступил Владимир Ильич по приезде своем из Самары в Петербург, носил название «Центральной группы для руководства рабочим движением». Впрочем, мне лично думается, что он в большинстве случаев становился руководителем своих товарищей и окружавших его не потому, что непременно хотел быть среди них первым, а потому, что он шел всегда впереди их, показывая им дорогу своим личным примером и невольно ведя их за собой.

Так это было и на том рабочем собрании, на котором я впервые встретился с ним в момент окончательного перехода петербургских социал-демократических организаций к тактике массовой агитации среди рабочих. Это собрание я уже довольно подробно описывал в моих очерках петербургского рабочего движения девяностых годов, и мне не хочется в этом отношении здесь повторяться. Но я не могу не помнить, что главным сторонником перехода к этой тактике была социалистическая группа, во главе которой стоял Вла-

димир Ильич, и первые рабочие, которые выступили с этой тактикой были до известной степени его учениками. Эта тактика состояла, главным образом, в воздействии на волнующуюся массу рабочих посредством распространения среди них листков или воззваний, освещавших их положение и излагавших их требования. Тактика эта, собственно говоря, была не совсем нова. Она была известна и во времена Степана Халтурина. Но с тех пор прошло много времени, и с упадком революционного движения тактика эта была забыта самым основательным образом. В девяностые годы о ней вспомнили, и в Петербурге она впервые была применена во время так называемых «рабочих беспорядков» за Невской заставой на заводе Семянникова, получившего название Невского Механического Завода. Инициатором в данном случае был И. В. Бабушкин. Им была написана небольшая брошюрка с изложением положения рабочих на заводе. Прочитанная на собрании нескольких рабочих, она была напечатана с помощью гектографа и распространена среди рабочих. Я был на заводе Семянникова в самый момент беспорядков и был свидетелем разгрома фабричной конторы и вызывающего поведения полиции, жандармов и казаков, вызванных для подавления беспорядков, а также окачивания рабочих леденящей водой из пожарных труб прибывшею на завод пожарною частью. Почва для массовой агитации была в данном случае в высшей степени благоприятная, но инициатива на этот раз принадлежала самим рабочим. Я не знаю, был ли в это время И. В. Бабушкин знаком с Владимиром Ильичем. Знаменитая брошюра «Об агитации», в которой преподавалась эта тактика, ходила по рукам среди членов группы Владимира Ильича еще до описываемых событий. Бабушкин и его друзья раньше других пустили эту тактику в ход. Но окончательный переход к ней совершился под влиянием группы Владимира Ильича, остатки которой после ареста Владимира Ильича и других наиболее видных ее членов выступали под именем Союза Борьбы за Освобождение Рабочего Класса.

Так как Союз Борьбы возник из остатков группы, руководимой Владимиром Ильичем, то последний может действительно считаться основателем Союза, хотя формально претворением его идеи в жизнь занялись члены группы, оставшиеся на воле после ареста: М. А. Сильвин, А. А. Якубова, Бауер, А. К. Потресов и другие. Самое название «Союз Борьбы за Освобождение Рабочего Класса», как передавала мне Аполлинария Александровна Якубова, близкая Владимиру Ильичу, было предложено М. А. Сильвиным и было принято оставшимися членами группы, как наиболее соответствующее организации, сплотившейся после ареста большинства наиболее видных ее членов.

Владимир Ильич, как известно, был арестован в ночь на 9-ое декабря 1895 года, когда были произведены по всему Петербургу аресты среди членов социал-демократических организаций и рабочих, к ним примыкавших. Одновременно были арестованы и наиболее видные из

известных мне рабочих: А. М. Шелгунов, И. В. Бабушкин, Никита Меркулов, Зиновьев (рабочий Путиловского завода) и другие.

О своем существовании Союз Борьбы об'явил в особом воззвании «К товарищам и рабочим» 15 декабря 1895 года, т.-е. через шесть дней после только что упомянутых арестов.

Но связь Владимира Ильича со своими товарищами, основавшими Союз Борьбы, не порвалась и после того, как Владимир Ильич был заключен в тюрьму. Он не только мысленно продолжал жить на воле, но и продолжал участвовать в рабочем движении, даже находясь в одиночной камере Дома Предварительного Заключения. Через своих друзей, передававших ему припасы, книги, журналы и приходивших к нему на свидание, когда, наконец, свидания были разрешены, Владимир Ильич получал сведения о дальнейшем ходе рабочего движения и о продолжавшейся деятельности Союза. В свою очередь, Владимир Ильич передавал на волю свои пожелания, советы товарищам, а в возвращаемых книгах между строк молоком часто бывали написаны прокламации, даже довольно об'емистые брошюры «О стачках» и «Проект программы русских социал-демократов».— Даже и находясь в тюрьме, он всеми силами помогал развивавшемуся социал-демократическому движению и до известной степени руководил его направлением.

Его камера была завалена книгами и журналами, статистическими сборниками и проч. Он в высшей степени напряженно работал в тюрьме и над одним из своих наиболее крупных литературных произведений, над «Развитием капитализма в России». Само собой разумеется, что и находясь в руках жандармов и Департамента полиции, Владимир Ильич проявил свой замечательный ум и железную волю, не обнаружив своего действительного значения для развития движения.

Этим, вероятно, и об'ясняется тот сравнительно мягкий приговор, который присудил его к трем годам ссылки в одно из наиболее благоприятных для жизни мест Сибири. Находясь в тюрьме, Владимир Ильич зорко следил за всем, что происходит на воле. Осведомляемый постоянно друзьями о ходе рабочего движения и деятельности Союза, Владимир Ильич и в тюрьме продолжал жить одною жизнью с товарищами, действовавшими на свободе, радуясь их успехам. Массовые летние стачки петербургских ткачей и прядильщиков 1896-го года, во время которых вокруг Союза Борьбы об'единились все действовавшие среди рабочих социал-демократические группы были для Владимира Ильича истинным торжеством. Имя Союза Борьбы выпускавшего в это время одно воззвание к рабочим вслед за другим, гремело по всему Петербургу, взволнованному небывалыми событиями, которые мешали даже самому царю вернуться домой из Москвы со своей торжественной коронации, «омраченной» в Москве зловещими событиями Ходынской катастрофы.

С Владимиром Ильичем я снова увиделся лишь через несколько лет после моей первой встречи с ним на рабочем собрании за Невской заставой, в ноябре 1895 года. Я увиделся с ним в 1900-ом году скоро после приезда его заграницу с целью издания руководящего социал-демократического органа, каким стала «Искра», об'явившая смертельную борьбу всем, кто был сколько-нибудь заражен «экономизмом». Как раз в это время я принимал деятельное участие в редактировании «Рабочей Мысли» и, как один из ее руководителей, конечно, считался Владимиром Ильичем одним из самых крайних его противников. Но я начинал сомневаться в правильности направления, по которому шла «Рабочая Мысль», и считал необходимым изменение ее профессионалистского направления и превращения ее в политический рабочий орган, для чего пытался привлечь в редакцию «Рабочей Мысли» Г. В. Плеханова.

Об этом я вел с Плехановым переговоры, будучи в качестве представителя Петербургской рабочей организации на международном Социалистическом Конгрессе 1900 года в Париже. Георгий Валентинович, как это стало мне ясно из нескольких моих разговоров с ним по этому поводу, готов был согласиться на мое предложение и стать редактором «Рабочей Мысли» [1] при условии, конечно, изменения ее направления. Но он не решался сделать подобный решительный и, быть может, даже рискованный шаг, не переговорив предварительно по этому поводу с Владимиром Ильичем, с группой которого состояла в соглашении Группа Освобождения Труда, некоторые члены которой, как например, Вера Ивановна Засулич, особенно сочувствовали моему плану.

Поняв, что решение вопроса зависит от Владимира Ильича, я решил обратиться прямо к нему для скорейшего разрешения этого дела. Он в это время жил в Мюнхене, куда я и поехал для переговоров по поводу «Рабочей Мысли», совершенно не зная, как он встретит меня, которого, как я сказал, он, конечно, считал одним из своих противников. Но он встретил меня по-товарищески. Быть может, причиной его дружеского ко мне отношения были некоторые наши общие личные связи. Наш разговор во всяком случае имел чисто товарищеский характер. Владимир Ильич самым решительным образом воспротивился тому, чтобы Плеханов стал во главе «Рабочей Мысли». Этот план, конечно, мог смешать карты Владимира Ильича и очень осложнить и затруднить ту борьбу, которую он в это время вел против экономического направления. Он мог, быть может, даже изменить ее окончательный исход. Владимир Ильич совершенно откровенно высказал причины, делавшие в его глазах мой план для него неприемлемым. И я понял, что при его несогласии план этот неосуществим. Понял я также и то, что главным вождем русского социал-демократического движения был уже не

[1] Орган экономического направления.

ПАСПОРТНАЯ КНИЖКА.

Безсрочная.

№ 38

Выдана Псковскимъ Городскимъ Полицейскимъ Управленіемъ тысяча девятьсотъ года Февраля мѣсяца 28 дня Владиміру Ильичу Ульянову.

Цѣна книжки 50 копѣекъ.

Владѣлецъ книжки:

1. Имя, отчество, фамилія: Владиміръ Ильичъ Ульяновъ

2. Званіе: Потомственный дворянинъ

3. Время рожденія: 10 Апрѣля 1870 года

или возрастъ: 7

— 6 —

9. Подпись владѣльца книжки: Владиміръ Ульяновъ

Если владѣлецъ книжки неграмотенъ, то его приметы:

Ростъ:

Цвѣтъ волосъ:

Особыя приметы:

10. Лица, внесенныя въ паспортную книжку, на основаніи ст. 9 и 10 положенія о видахъ на жительство:

— 8 —

Псковскій Полицейскій Управленія

Секретарь

Плеханов, а Ульянов. Быть может, здесь будет небезынтересно упомянуть, что настоящее значение Владимира Ильича было понято некоторыми из товарищей еще задолго до этого. Я помню, что еще в 1896-ом году его сравнивали с Плехановым. Откровенность и прямота Владимира Ильича, проявленная им при только что описанном свидании и разговоре с ним, мне очень понравилась, хотя мне было и больно, что он разрушил мои планы. Расстались мы с ним вполне по-товарищески.

Через два года мы снова встретились при совершенно иных уже обстоятельствах. Редактирование «Рабочей Мысли» было передано Петербургскому Союзу борьбы, с которым об'единилась «Петербургская Рабочая Организация». С этого момента я мог вполне отдаться моим научным стремлениям, которыми я давно жил, в особенности после моего переезда в 1898 году из Брюсселя в Лондон. Моя жизнь сосредоточилась на социалистической работе в библиотеке Британского музея, где я проводил все свои дни с утра до вечера. Вместе с Аполлинарией Александровной Якубовой [1], которая приехала ко мне в Лондон, мы поселились около Британского Музея, в котором начала заниматься и она.

В конце зимы 1902 года переехал в Лондон и Владимир Ильич вместе с Надеждой Константиновной, которая была близкой подругой Аполлинарии Александровны. Они приехали прямо к нам и просили нас помочь им устроиться в Лондоне. Я нашел для них для первых дней меблированную комнату на одной из ближайших к нашему дому улиц, а через короткое время более удобное помещение в небольшом доме на Holfort Seynare, тоже по близости от того места, где мы жили. Место это находилось в центральном Лондоне, но было тихое. Дом, в котором поселился Владимир Ильич и Надежда Константиновна, находился недалеко от станции центральных железных дорог, в двадцати минутах ходьбы от Британского Музея. Он расположен был в маленьком скверике, и в ясные дни комната, в которой работал Владимир Ильич, была залита солнцем. Владимир Ильич поселился в Лондоне под фамилией Рихтера, которую англичане, произносившие ch не по немецки, а по своему, переиначили в фамилию Ритчера.

В это время мы виделись с Владимиром Ильичем постоянно. То он заходил к нам, обыкновенно с Надеждой Константиновной, то мы шли к ним. Мы помогли им устроиться. Я достал для Владимира Ильича рекомендацию, необходимую для работы в библиотеке Британского Музея, куда он и начал ходить заниматься. Впрочем, по большей части он работал дома. В первое время ему доставил немало хлопот перенос издания «Искры» из Мюнхена в Лондон. Надо было найти, где печатать газету. Так как это надо было

[1] Одна из активных работников группы «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Умерла от туберкулеза в 1910 году.

устроить по возможности конспиративно, то требовалась помощь английских социалистов. С ними у меня были некоторые связи, в особенности с «Независимою рабочею партиею», членом которой я был. Но Владимир Ильич не хотел иметь дела с этой организацией, так как она не была марксистскою, хотя она и пользовалась среди английских рабочих наибольшим влиянием из всех существовавших в Англии социалистических организаций. Владимир Ильич предпочел обратиться за содействием к английской «Социал-демократической Федерации, во главе которой стояли марксисты Гайндман и Квелч. По просьбе Владимира Ильича я пошел вместе с ним в типографию,в которой печатался «Социал-демократ», орган английской социал-демократической Федерации. Мы выбрали день, в который можно было удобнее переговорить с Квелчем, часто бывавшим в типографии. Владимир Ильич затруднялся об'ясняться по-английски, а Квелч не обладал достаточным знанием немецкого языка, и Владимир Ильич обратился ко мне, чтобы я помог ему в качестве переводчика. Впоследствии Владимиру Ильичу очень помог мой знакомый, т. Ротштейн, который был в это время членом редакции и, насколько помню, также членом Исполнительного Комитета «Социал-демократической Федерации».

Устроив печатание «Искры» в Лондоне, Владимир Ильич начал думать об усовершенствовании способов ее доставки и распространения в России. Он додумался до мысли о перевозке в Россию особых матриц с каждого номера «Искры» для того, чтобы почти одновременно она могла повторным образом издаваться и в России. Он советовался и со мной по этому поводу и мы вместе придумывали удобную для перевозки форму матриц, для изготовления которых надо было найти подходящих лиц. Подходящие лица нашлись. Предполагалось, что в России перепечатывать выходящие в Лондоне номера «Искры» с их матриц, будет типография, находившаяся на Кавказе. Таким образом, распространение «Искры» в России, конечно, могло быть очень облегчено и усилено. Но я не помню и не знаю, была ли осуществлена эта идея Владимира Ильича.

Перенос издания «Искры» в Лондон неизбежно повлек за собой переезд в Лондон некоторых из ее главнейших сотрудников и членов редакции. Одними из первых приехали А. Н. Потресов с Е. Н. Туликовой и Вера Ивановна Засулич. Потом Ю. О. Цедербаум (Л. Мартов) и Бронштейн (Л. Троцкий). Все они поселились по соседству с нами. Потом стали приезжать и другие товарищи.

В числе товарищей, приезжавших к Владимиру Ильичу в Лондон, был и близкий мне Иван Васильевич Бабушкин. По возвращении из ссылки он работал в Иванове-Вознесенске. Был арестован там и заключен в тюрьму. Из тюрьмы ему удалось бежать. Он переехал на юг и под чужим именем поступил на завод в Екатеринославе, где принял самое деятельное участие в местной социал-демократической организации. В Екатеринославле он тоже был аре-

стован. Но ему удалось бежать из екатеринославской тюрьмы. За время своего прежнего пребывания в тюрьме он приобрел в этом отношении достаточный опыт. Из тюрьмы он бежал с помощью маленьких пилок, которые он всегда носил с собой, запрятав их в сапоге. Этими пилками он перепилил железные прутья тюремной решетки екатеринославской тюрьмы и, разогнув их, открыл себе путь на свободу. Он рассказывал мне, что это было не легкое и не скорое дело. Пилить толстый железный прут с помощью маленькой тоненькой стальной пилки приходилось очень долго. Операция продолжалась несколько дней. Необходимо было перепилить несколько железных прутьев. Когда это было сделано совершенно незаметно для постороннего глаза, то оставалось лишь отогнуть прутья для того, чтобы было возможно выскочить в окно. Это было делом момента. Правда, надо было уметь выбрать подходящее время и для бегства. Это Бабушкину вполне удалось, и в 1903 году он приехал в Лондон. Вспомнили мы с ним старое время, когда социал-демократическое движение только что еще начиналось в России.

Как я уже упоминал, И. В. Бабушкин был самым деятельным членом моего первого рабочего кружка. Приехав в Лондон, он был поражен напряженностью и быстрым темпом английской общественной жизни. Но еще более был он поражен организованностью английского рабочего движения. Во время приезда И. В. Бабушкина в Лондон как раз происходил в Лондоне конгресс английских тред-юнионов, и я предложил Бабушкину пойти вместе со мной посмотреть, как английские рабочие решают свои дела.

Бабушкин пробыл в Лондоне недолгое время. Он спешил ехать снова в Россию с поручениями, полученными от Владимира Ильича. За время своего пребывания в Лондоне Иван Васильевич по нашей просьбе написал свои воспоминания о русском рабочем движении и о своем участии в нем. Эти воспоминания составили довольно об'емистую тетрадь, которую он мне прочел. Он передал ее перед от'ездом Владимиру Ильичу.

Владимир Ильич жил в Лондоне довольно замкнуто, сторонясь русских политических эмигрантов, живших в Лондоне. Но он не мог отказать в просьбе русских и еврейских рабочих, приехавших из России и живших в Восточном Лондоне, в так называемом Уайтчепеле посетить место их постоянных собраний и публичных лекций, где постоянно возникали ожесточенные споры между социал-демократами, социалистами-революционерами и анархистами.

На одном из этих собраний против социалистов-революционеров в качестве оппонента выступил Троцкий и имел большой успех. Надо сказать, что его едкая речь, произнесенная против социалистов-революционеров на этом собрании, была действительно блестяща. На этом собрании Владимир Ильич не выступал. Но по просьбе уйатчепельских рабочих или, точнее сказать по просьбе организо-

вавшегося среди них рабочего кружка «искровцев», Владимир Ильич выступил на особом собрании и не как оппонент, а как докладчик.

Насколько помню, темой его лекции была аграрная программа. Эта лекция собрала много народа. Зал рабочего клуба, в котором происходила лекция Владимира Ильича, был переполнен сверх обыкновения. Кроме обычных посетителей клуба тут были и известные русские эмигранты: Чайковский, Серебряков, Черкесов, Соскис и др. Благодаря страшному переполнению зала, атмосфера была ужасающая. Было жарко, как в бане. Владимир Ильич говорил более чем с огоньком. Он говорил с жаром, беспощадно критикуя программу социалистов-революционеров. При этом меня поразила его манера говорить. Он говорил совершенно не глядя на своих слушателей, как бы совершенно не обращая внимания на свою аудиторию. Я не заметил, чтобы в течение всей своей продолжительной лекции, он хоть бы раз взглянул на лица своих слушателей. Его лекция длилась около двух часов, и он произнес свою речь залпом. Она имела громадный успех и произвела очень сильное впечатление на аудиторию своей убедительностью. Пораженный его манерою говорить не глядя на слушателей и устремив свой взгляд в какую-то точку, находившуюся где-то вверху в противоположном конце зала, по окончании лекции, когда мы возвращались с ним домой из Уайтчепеля, я не удержался, чтобы не спросить его, почему во время речи он не глядел на своих слушателей: «А для того,—ответил мне Владимир Ильич,—чтобы они выражением своих лиц не могли испортить моего настроения и сбить моих мыслей. Я всегда нарочно стараюсь не смотреть на свою аудиторию, чтобы она не помешала мне изложить должным образом мои мысли».

Только что упомянутая лекция Владимира Ильича в Уайтчепеле была единственным публичным выступлением его в Лондоне. Как я сказал, он жил довольно обособленно, просиживал целые дни за своей работой дома или в Британском Музее. Лондонских развлечений ему не требовалось. Я не помню, чтобы он был хотя раз в каком-нибудь из многочисленных лондонских театров. Но на концертах он, кажется, все же бывал. Его любимым развлечением была беседа с близкими ему товарищами. Помню, что он захаживал иногда вместе со своими друзьями в одно кафе, где имелось хорошее немецкое пиво. Там за кружкой пива Владимир Ильич нередко вел самую оживленную беседу с друзьями по интересовавшим их вопросам.

Его лондонская жизнь была чисто трудовая. Жил он очень скромно, сперва вдвоем с Надеждой Константиновной, а потом, когда к Надежде Константиновне приехала ее мать, втроем. В это время он стал уходить в Британский музей чаще.

Виделся я с Владимиром Ильичем во время его жизни в Лондоне довольно часто. Его приход всегда был интересен. Немедленно же начинался какой-нибудь разговор о происходящих событиях, о ра-

бочем движении, о разных в нем направлениях. Так как наши взгляды как на заграничное, так и на русское движение, были далеко не одинаковы и скорее очень различны, то нередко наш оживленный разговор превращался в спор.

Владимир Ильич был в высшей степени интересный и живой собеседник. Спорить с ним было не легко. Находчивость его мысли была чрезвычайная, а полемический талант в высшей степени занимателен. Правда, Владимир Ильич мне казался всегда слишком прямолинейным, иногда казался мне даже несколько односторонним. Но он был, как мне казалось, всегда прям и искренен, хотя я замечал в нем порой и некоторую долю лукавства и хитрости. Но это лукавство казалось мне вещью, имевшею мало значения, по сравнению с его искренностью и прямизной, за которые я его особенно любил. Он был хорошим товарищем. На слова его всегда можно было положиться вполне. Он обладал железною волей и ясным умом. Он любил итти прямо к цели, без зигзагов, беря с бою то, что нельзя было получить скорее иным путем. Он любил форсировать ход событий ради скорейшего достижения поставленных целей, к которым он стремился всегда неуклонно. Он казался мне человеком, который вступил в жизнь с раз навсегда поставленными целями. И жизнь его казалась мне прямолинейной, как будто она шла по ниточке, туго натянутой от места вступления его в жизнь до конечной его жизненной цели. Эта цель заключалась в руководстве революционным рабочим движением под знаменем марксизма. На своем пути, можно сказать, он имел лишь одного равного себе,—это был Георгий Валентинович Плеханов, у которого были даже некоторые преимущества перед Владимиром Ильичем, между прочим, в том отношении, что ранее выступил на поле революционной деятельности и был окружен особенным ореолом, как один из наиболее видных продолжателей дела Маркса и крупнейший русский теоретик марксизма.

Как выдающийся представитель марксизма и ортодоксальной социал-демократии, Плеханов в свое время, конечно, пользовался такой широкой известностью как в России, так и в широких кругах заграничных социалистов, что вполне естественно казалось, что никому другому, как ему и должно было принадлежать высшее руководство русским рабочим движением. Однако, по моему мнению, этим руководителем, поскольку в данном случае можно действительно говорить о руководстве в описываемое время, скорее принадлежало Владимиру Ильичу, чем Г. В. Плеханову. Дальнейшие события показали это достаточно наглядно и убедительно.

Первым из этих событий был второй с'езд Российской Социал-Демократической Партии. Почва для него была уже достаточно подготовлена. Борьба направлений, разделявших русскую социал-демократию, казалось, уже приближалась к концу. Революционно-марксистское направление «Искры» уже торжествовало повсюду, как в самой России, так и за границей, проникнув и в среду русско-

еврейских рабочих, живших в Лондоне. Среди них был кружок искровцев, с которым занимался мой старый товарищ Н. А. Алексеев, о котором я уже упоминал, как об одном из членов первоначальной группы «Рабочей Мысли». В этот лондонский рабочий кружок искровцев входил и другой участник первоначальной группы «Рабочей Мысли», колпинский рабочий И. Михайлов. В описываемое время оба эти товарища были уже горячими искровцами. Рабочие, члены этого искровского кружка, через посредство Н. А. Алексеева, видавшегося с Владимиром Ильичем, обратились к нему с просьбой позаняться с ними по программным вопросам. Владимир Ильич, не смотря на то, что у него положительно не было свободного времени для этих занятий, для которых было необходимо ездить в Восточную часть Лондона, в Уайтчепель, все же не ответил отказом. Он как-то умел выкроить время и для занятий с этим рабочим кружком. Некоторые из членов кружка мечтали о возвращении в Россию с целью революционной деятельности (что впоследствии они действительно и осуществили), и Владимир Ильич начал ездить в Уайтчепель для кружковых занятий с рабочими. Он читал им свой проект программы Российской Социал-Демократической Партии, раз'ясняя его пункт за пунктом и подвергая обсуждению членов кружка. Я тоже бывал на этих занятиях Владимира Ильича с рабочими и могу лишь повторить то, что уже говорил по поводу моего первого знакомства с Владимиром Ильичем и его деятельностью среди рабочих. Он мастерски раз'яснял все пункты программы, как в ее общих основных положениях, так и в частностях. Порою он как бы нарочно стремился вызвать со стороны своих слушателей возможные возражения, которые после его раз'яснений казались совершенно несостоятельными. Речь его была в высшей степени убедительна и оказывала неотразимое влияние на рабочих.

Второй с'езд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии был созван в Брюсселе, куда в конце лета 1903 года с'ехались делегаты от различных русских социал-демократических организаций. Владимир Ильич вместе с Надеждой Константиновной, которая всегда была его верной помощницей и бессменным секретарем, заблаговременно выехали из Лондона в Брюссель, куда направились и другие видные члены «искровской» организации, жившие в Лондоне, а также и Вера Ивановна Засулич. Но бельгийское правительство помешало работе открывшегося в Брюсселе русского социал-демократического с'езда и потребовало его удаления из Брюсселя. Было решено перенести заседания с'езда в Лондон, куда и направились прибывшие на с'езд делегаты. Необходимо было помочь им устроиться в Лондоне, а также найти подходящие помещения для заседаний с'езда, одним словом—надо было технически его организовать и притом таким образом, чтобы он не привлекал к себе внимания тех, кому не надлежало знать о том, что происходило на с'езде, агентам русского посольства и тайной полиции в особенности.

Владимир Ильич обратился ко мне с просьбой помочь в этом деле. Я сделал, что мог. Для того, чтобы с'езд не привлекал к себе внимания посторонних и тех, кому не надлежало о нем знать, а также и внимания наружной полиции, я решил, что будет гораздо лучше, если с'езд постоянно будет менять помещение, в котором должны были происходить его заседания. Для этого я подыскал целый ряд помещений, удобных для заседаний с'езда, в сравнительно людных местах, в локалах, в которых часто происходили собрания различных английских организаций. Для того, чтобы делегатам было легче найти место предстоящего собрания с'езда, я выдавал им нарисованные мною и умноженные Аполлинарией Александровной планы соответствующей местности с указанием улиц, ведущих к месту предстоящего заседания с'езда.

Первое его заседание происходило недалеко от того места, где находился немецкий коммунистический клуб, связанный с именем Карла Маркса и Фридриха Энгельса, в том же районе, в котором в свое время находились и некоторые учреждения организации Роберта Оуэна. Насколько помню, помещение, найденное мною для первого заседания с'езда, находилось около одного сквера на той же самой улице, на которой находилась когда-то одно время и Биржа Труда Роберта Оуэна. Это первое заседание нашего с'езда происходило в помещении клуба английских рыболовов, трофеи которых украшали стены небольшой залы. Нанимая помещение для собрания, на вопрос хозяина его о том, для кого я беру помещение, я сказал, что беру для собрания бельгийских трэд-юнионистов.

Раскол, происшедший на с'езде, и все последующее обострение отношений между большевиками и меньшевиками оказали очень сильное действие даже и на мощную натуру Владимира Ильича. Он заболел нервным расстройством, которое проявилось в удивительной форме расстройства сосудодвигательных нервов под влиянием центрального мозгового потрясения. Болезнь проявилась особою нервною сыпью на теле. Сыпь состояла из мелких пузырьков, наполненных кровью, просочившейся сквозь стенки сосудов. Эта сыпь выступила на теле, по путям поверхностных нервов, в особенности на груди и животе.

Болезнь Владимира Ильича очень сильно напугала Надежду Константиновну, которая немедленно обратилась ко мне за помощью, так как ей было известно, что по первоначальному своему образованию я был медик и, когда я жил в Лондоне, мне приходилось иногда действовать в качестве врача. Придя тотчас же вместе с Надеждой Константиновной к Владимиру Ильичу и внимательно его осмотрев, я нашел нервное заболевание, причины которого для меня были вполне очевидны. Я посоветовал немедленно же обратиться к специалистам в клинику нервных болезней, что Владимир Ильич и сделал, сопровождаемый Надеждой Константиновной. Английские врачи подтвердили мой диагноз, определив болезнь известною у них под на-

званием Ignis Lacer («Священный огонь») и прописали, насколько помню, бромистые препараты и необходимый покой. От этой болезни Владимир Ильич довольно скоро поправился, и она не оставила после себя каких-либо вредных последствий, но она хорошо показала, до какого нервного потрясения довел его раскол, происшедший на с'езде, и та борьба, которая сопровождала этот раскол.

Через некоторое время после окончания с'езда Владимир Ильич, как и другие сотрудники «Искры», переехал в Женеву, куда было перенесено издание «Искры». Партийный раскол, породивший «большевиков» и «меньшевиков», остался одним из тяжелых моих воспоминаний, и, как память о нем, я до сих пор храню у себя колокольчик председателя с'езда, тщетно звонивший в руках Г. В. Плеханова, стремившегося заглушить звонком этого колокольчика крики бушевавших противников, прерывавших речи друг друга. Под звон этого колокольчика родились как «большевики», так и «меньшевики», и разлетелись мечты Владимира Ильича о создании единой и сплоченной революционной русской социал-демократии.

Впрочем, у Владимира Ильича даже и после раскола, происшедшего на лондонском с'езде, оставались еще кое-какие надежды на счет восстановления партийного единства под его руководством, хотя бы и посредством принесения больших жертв. Он надеялся на свою железную руку, стремившуюся ковать железо, пока оно горячо, придавая ему желательную для ее обладателя форму.

Но партийный раскол, происшедший на лондонском с'езде, им не закончился, а лишь начался. Этот раскол был еще более углублен на созванном осенью 1903 года в Женеве с'езде лиги русской революционной социал-демократии, на котором мне тоже пришлось присутствовать, но уже в качестве не вполне нейтрального лица. Мое сближение с Владимиром Ильичем не оказалось в данном случае без последствий. И когда выяснилось время созыва женевского с'езда, Владимир Ильич послал мне приглашение на с'езд. Я поехал в Женеву.

Приехав, немедленно же направился к Владимиру Ильичу. Он жил в предместьи Женевы. Дома его я не застал. Меня встретила Надежда Константиновна. Но скоро вернулся и Владимир Ильич и притом в ужасном виде. Лицо его было в ссадинах и синяках. Оказалось, что он катался на велосипеде, но наскочил на столб и чуть не разбил себе голову. Его обезображенный вид был последствием этой неосторожной езды. Он был рад моему приезду и сообщил мне о положении дела, которое было очень серьезно. С'езд Лиги должен был стать ареной самой ожесточенной борьбы образовавшихся секций «большевиков» и «меньшевиков». Действительно, эта борьба проявилась во всю на первом же заседании членов Лиги и при том в самых неприятных и тяжелых формах. Картина секционной борьбы, начавшейся на лондонском с'езде, дошла в Женеве до своих крайних пределов и даже вышла из них. Между заседа-

ниями с'езда враждебные секции собирались на частные совещания с целью обсуждения средств более действительного поражения врага.

Меньшевики во главе с Мартовым, Дейчем и Троцким, всячески старались обеспечить на с'езде свое большинство и оторвать от большевиков тех товарищей, которых они надеялись перетянуть на свою сторону. С этою целью перед одним заседанием своей меньшевистской фракции ко мне обратился т. Троцкий, который в это время был ярым меньшевиком. Он пытался уговорить меня пойти на их фракционное заседание. Но я не пошел. Владимир Ильич и Плеханов мне были ближе, чем их противники. Меньшевики старались всеми силами раз'единить Георгия Валентиновича с Владимиром Ильичем. Но Плеханов держался крепко, играя среди большевиков руководящую роль сообща с Владимиром Ильичем и воодушевлял его фракцию своим революционным и, я бы сказал, заговорщицким пылом.

Мне живо помнится одно из фракционных заседаний большевиков, на котором Г. В. Плеханов предложил большевикам применить к с'езду Лиги тактику Оливера Кромвеля, примененную последним к долгому парламенту. На с'езде Лиги меньшевики оказались в большинстве, и Владимир Ильич, несмотря на то, что с ним заодно шел и Г. В. Плеханов, не имел никакой возможности провести парламентарным путем то, что он желал.

Это заседание ознаменовалось самой ожесточенной атакой меньшевиков, напавших на Плеханова. Против него выступил, главным образом, Л. Г. Дейч с длинным списком обвинений. Он произносил свою громовую речь против Плеханова, держа в своих руках записку, в которой были помечены главные пункты обвинений. Речь произвела свое впечатление на многих из присутствовавших. Но Плеханов слушал ее спокойно и даже по временам улыбаясь. Когда Дейч кончил свою длинную обвинительную речь, все замерли в ожидании, что на нее ответит Плеханов, которому, казалось, предстояло разобрать по пунктам и попытаться опровергнуть обвинения, брошенные ему Дейчем. Но Плеханов предпочел уничтожить все впечатление, произведенное на собрание Дейчем, посредством одного легкого полемического приема. Он решил бить Дейча на-отмашь, свалив его одним легким ударом. Лишь только Дейч сел, торжествуя свою «очевидную» победу над безмолвным Плехановым, Георгий Валентинович поднялся, улыбаясь и обращаясь к собранию, язвительно и насмешливо произнес: «Товарищи, я хорошо знал, что товарищ Дейч умеет читать, хотя я знал также и то, что он никогда не злоупотреблял этим своим умением. Но, что тов. Дейч умеет читать по писанному, этого я не знал».

Как ни напряжено было внимание присутствующих, томительно ожидавших ответа Плеханова, но подобного ответа никто не ожидал. В зале раздался громкий смех. Дейч, читавший свою речь по записке, растерялся, и все впечатление от его речи моментально исчезло, как

будто он ее и не произносил. Его карта была бита Плехановым и притом так легко и шутливо, как никто не предполагал.

Тогда началось другое единоборство. Ю. О. Цедербаум (Л. Мартов) выступил против своего прежнего друга, Владимира Ильича, решив загнать клин в его дружбу с Плехановым и оторвать Плеханова от Владимира Ильича, для чего у него действительно нашлось очень сильное средство.

Свою речь Мартов заключил убийственными словами: «а помнит ли, тов. Ленин, что он мне сказал по поводу своего плана состава редакции центрального органа из трех лиц (Владимира Ильича, Г. В. Плеханова и Л. Мартова): «слушай, Юлий, сказал он мне, чего ты боишься редакции, состоящей из трех лиц. Неужели ты не понимаешь, что если мы пойдем с тобой заодно, то Плеханов всегда будет оставаться у нас в меньшинстве и ничего не сможет поделать».

Эти убийственные для Плеханова и его дружественных отношений к Владимиру Ильичу слова Мартова Плеханов выслушал совершенно спокойно. Ни один мускул не дрогнул на его застывшем, как бы окаменелом лице. Он не показал вида, как больно поразило его это заявление Мартова. Он продолжал насмешливо смотреть на меньшевиков и голосовать заодно с большевиками.

Теперь предстояло распущение Лиги, которое должно было совершиться на следующем заседании. Все это, чему я был молчаливым свидетелем, произвело на меня такое подавляющее впечатление, что я решил не итти на последнее заседание Лиги. Я выждал его конца и направился к Владимиру Ильичу, у которого был и Ленгник. Владимир Ильич вышел ко мне таким, каким я его до этого времени еще никогда не видал. Он был в страшно подавленном виде и встретил меня словами: «Вы знаете, Плеханов нам изменил».

Удар, нанесенный Мартовым, попал прямо в цель. Он оторвал Георгия Валентиновича от Владимира Ильича. С этого момента началась обостренная борьба между большевиками и меньшевиками. Я стоял от нее в стороне. Владимир Ильич предложил мне быть заграничным представителем центрального комитета, предполагая, что я приму деятельное участие в предстоящей борьбе и помогу ему в ней. Но я не мог принять его предложения, не только потому, что не считал себя подходящим и способным к этой борьбе, но еще и потому, что мои научные стремления влекли меня в другую сторону. С этого момента я окончательно и почти целиком ушел в область любимой науки.

К. Тахтарев.

Из детских и юношеских лет Владимира Ильича.

Из детских лет Владимира Ильича Ульянова.

В конце 70-ых годов мой отец был инспектором народных училищ в Симбирской губернии и жил в Симбирске.

В это же время директором народных училищ Симбирской губернии и прямым начальником моего отца был Илья Николаевич Ульянов, отец Владимира Ильича.

В силу служебных отношений мои родители постоянно встречались с родителями Владимира Ильича, и вскоре между нашими семьями завязалась близкая дружба. Часто встречались и родители и дети обеих семей.

Мой старший брат, Борис, одновременно с Владимиром Ильичем поступил в приготовительный класс Симбирской гимназии.

Я лично помню Владимира Ильича крепким, коренастым мальчиком лет 10-11-ти, необыкновенно живого темперамента; Владимир Ильич был всегда вдохновителем и руководителем всех наших детских игр. Игры эти происходили обыкновенно в нашем доме, или, вернее, в саду или на дворе. Наше жилище—это был маленький провинциальный домик на окраине Симбирска, по Казанской улице.

Здесь, в саду, мы играли в разбойники, в чернокожих, и вообще, у нас были такие игры, которым способствовали запущенный сад и сравнительно просторный двор.

Конец 70-ых годов было время очень тревожное, и я помню, както раз, в нашем детском кружке, я, увлекшись рисованием и рассказывая вслух, что изображаю, воскликнул: «А вот убивают царя, вот летит нога, рука!...» Старуха-нянька остановила меня словами: «Что ты, что ты, батюшка! Теперь и стены слышат»....

Вот, среди таких впечатлений и детских шалостей, доходивших, иногда до дерзостей, протекало наше общее с Владимиром Ильичем детство, на фоне которого очень выделялась фигура матери Владимира Ильича — Марии Александровны — необычайно сердечной женщины, всецело преданной интересам детей.

Из других детей Ульяновых ближе к нашему детскому кружку были Митя и Оля. Но оба они были очень смирные и застенчивые дети.

Исполняющий должность Заведывающего Историко-Бытовым Отделом Русского Музея в Ленинграде.

Мстислав Фармаковский.

Воспоминания о товарище Ленине.

Пишущий эти строки—бывший сотоварищ В. И. Ленина-Ульянова по Симбирской классической гимназии.

Знал его, как ребенка и как юношу, вплоть до поступления его в Казанский университет, после чего наши жизненные пути разошлись. И то не совсем, так как я, состоя студентом Казанского ветеринарного института, часто и много слышал доброго и хорошего о студенте Казанского университета Владимире Ильиче Ульянове.

Отец В. И. Ульянова, как уже всем теперь известно, был директором народных училищ в том же Симбирске. Вспоминаю, как мы, все ученики Симбирской классической гимназии, с большим уважением упоминали при разговорах имя отца Ульянова,—которого очень любили и ученики его школ. Вспоминаю, как в период нашего совместного учения с 1882 по 1887 год в гимназии, Владимир Ильич был как лично моим, так и всего класса наилучшим товарищем. Он был всегда добрым ко всем, как к мальчикам в младших классах, так и юношам в старших. Я жил в пансионе при гимназии, где, конечно, и кормили нас крайне слабо, Владимир же Ильич жил у своих родителей, и, приходя в класс, приносил с собой что-либо на завтрак. Вот этот-то самый завтрак он сам почти не ел, а отдавал нам, полуголодным пансионерам. Вообще он не только делился куском хлеба и завтраками с другими учениками, но даже часто отдавал и свои ученические принадлежности, как-то: тетради, карандаши и перья, оставаясь сам без них, за что даже частенько подвергался строгим замечаниям со стороны гимназического инспектора Ивана Яковлевича Христофорова.

Играя с Владимиром Ильичем в детские игры,—в лапту или рюхи, я всегда испытывал большое удовольствие, замечая его стремление, в случае его выигрыша, своим превосходством не обидеть обыгранного. Вообще везде и всегда у него проглядывало желание не только, чтобы не обидеть кого-либо, но, наоборот, помочь всем, чем он мог.

Учился он во всех классах не только что хорошо, но прямо-таки отлично. В чем он был слабее и то немного, то лишь в произношении французского языка, да и то только потому, что сам преподаватель, Адольф Иванович Пор, был не столько учителем, сколько

балаганным фигляром, разыгрывавшим из себя великосветского аристократа.

И, вот, будучи отличным учеником, Владимир Ильич не забывал в классе и своих товарищей, более слабых. Решив задачи или написав письменные работы в классе, он тут же спешил помочь и другим, кто не смог решить задачу или написать заданное, даже подвергая себя опасности получить большую неприятность со стороны директора гимназии, Федора Михайловича Керенского [1], который в особенности стал обращать внимание на Владимира Ильича в последнем классе, когда разнесся слух в гимназии, что старший брат его, Александр Ильич Ульянов, замешан в государственном преступлении.

Владимир Ильич окончил гимназию наилучшим учеником. И фамилия его, как наилучшего ученика, не была записана на мраморной доске лишь только потому, что люди, власть имущие, видели в нем брата Александра Ульянова.

Окончив курс гимназии, Владимир Ильич поступил в Казанский университет на юридический факультет, а я в той же Казани в ветеринарный институт. И вот, будучи студентом, мне частенько приходилось слышать среди студентов имя Владимира Ильича, как рьяного работника в студенческих революционных кружках. Приехав в Симбирск в 1889 году, я посетил свою родную гимназию, где нашел много перемен. Между прочим, я узнал, что директор Керенский получил из Петербурга нахлобучку за то, что допустил, что гимназия его сделалась красной, что из его гимназии повышло много студентов с крайне революционным направлением, за что он и был деликатным образом переведен, если я не ошибаюсь, в Саратов с повышением в должности.

1917 г., как февраль, так и октябрь месяцы, застает меня в 3-м пехотном запасном полку в г. Новом Петергофе. Однополчане мои в октябре месяце 1917 года выбирают меня вновь командиром полка и назначают начальником военной охраны железных дорог—Николаевской, Северной и Мурманской. Наконец, в главном военном штабе мне предлагают не должность, а военный высший пост, но я не решился взяться за дело, мне мало знакомое. К тому же, слыша имя Ленина, я не предполагал, что это и есть мой бывший сотоварищ Владимир Ильич Ульянов. И только в 1919 году, в августе месяце, находясь в концентрационном Покровском лагере в Москве, куда я был заключен, как бывший офицер старой армии,—здесь я узнал, что Ленин есть Владимир Ильич Ульянов, т.-е. мой бывший сотоварищ по Симбирской гимназии. Помня его доброе и честное отношение ко всему, я немедленно написал ему о себе, что я никогда не был ни контр-революционером, ни белогвардейцем и что я

---

[1] Отец Александра Керенского, главы Временного правительства в 1917 г. Сам Ал-р Керенский учился в младших классах этой гимназии, когда Владимир Ильич был уже в старших.

не принадлежу ни к какой партии, что вся моя вина лишь та, что я офицер. Я был уверен, что буду скоро освобожден. И, действительно, вскоре получил полное освобождение и был немедленно назначен заместителем командира полка 1-го Московского полкового округа. В полку товарищи меня выбрали членом ячейки. Я решился лично поблагодарить за свое освобождение и своего дорогого бывшего сотоварища ученических лет Владимира Ильича, что мне и удалось. В январе 1920 года я им был принят, и мне в утешение он сказал, что он все лично выяснит и что он всегда пойдет ко мне навстречу в моих нуждах.

Василий Друри.

Встречи с Владимиром Ильичем.

В первый раз я увидал Владимира Ильича в 1882 г., как ученика 3-го класса Симбирской гимназии, будучи сам в 8-ом классе ее. Раз мне было поручено заменить отсутствовавшего преподавателя латинского языка в 3-м классе и позаниматься с учениками. Зная Александра Ульянова, лучшего ученика 7-го класса этой же гимназии, брата Владимира Ильича, я, при своих занятиях в 3-м классе, обратил внимание на маленького Володю. Как сейчас, я вижу его—чистенький, хорошо упитанный, с высоким лбом, с гладко причесанными волосами, с внимательными глазами и вместе с тем необыкновенно скромный.

Несмотря на свои 11 — 12 лет, он держал себя солидно, не суетился и не лез со своим ответом, если вопрос обращали не непосредственно к нему. Когда же спрашивали лично его, он давал вполне обстоятельные ответы. По точности и сознательности ответов, Володя Ульянов выделялся своим развитием и знанием среди учеников своего класса.

С Александром Ульяновым я не вел еще тогда знакомства вне стен гимназии и потому нигде не сталкивался ближе с Володей Ульяновым.

Прошло пять лет. Я окончил уже Петербургский университет, в стенах которого близко познакомился с Александром Ульяновым. Последнюю зиму его жизни — 1886—87 г.г.—мы жили с ним вместе на Александровском проспекте Петербургской стороны. Месяца за полтора до покушения, я по предложению Александра Ульянова переехал на Пески. Арестованный 1-го марта, я вскоре был освобожден с обязательством не выезжать из Петербурга впредь до распоряжения властей. В это время в Петербург приехала мать Ульяновых — Мария Александровна, хлопотать о своих арестованных детях Александре и Анне. Мне пришлось помогать ей в этих хлопотах и я, до сих пор не знавший их мать, теперь близко познакомился с ней.

От нее я узнал, что ее дети Владимир и Ольга отлично кончают гимназии и стремятся попасть учиться в Петербург. А до этого я слышал от Александра, что еще с лета 1886 года Владимир интересовался политическими и экономическими вопросами. Но Александр ни разу не упоминал при этом, что он или Владимир близко интересуются подпольной революционной литературой.

В начале июня 1887 г. я приехал в Симбирск, куда уже вернулась и Мария Александровна с освобожденной из Дома Предварительного Заключения дочерью Анной, ссылавшейся под надзор полиции в Казанскую губернию. Я встретил в полном сборе осиротевшую семью Ульяновых. Наравне с другими членами семьи, а может быть, и больше других, Владимир Ильич расспрашивал меня о последних днях моей совместной жизни с Александром, о допросах меня на предварительном следствии и на самом верховном суде, в особенности, о впечатлении, какое произвел на меня Александр на скамье подсудимых. Обо всем этом он расспрашивал меня спокойно, даже слишком методично, но, видимо, не из простого любопытства. Его особенно интересовало революционное настроение брата.

Сам Владимир Ильич, которого я до того не видел 5 лет, произвел на меня тогда впечатление вполне уже сформировавшегося молодого человека, с серьезной теоретической подготовкой для занятий в высшем учебном заведении.

В декабре 1894 г. мне был разрешен в'езд в Петербург, Владимир Ильич в это время уже работал, как социал-демократ в рабочих кружках.

По служебным делам я имел отношение к Путиловскому заводу. По просьбе Владимира Ильича я получил от правления завода разрешение на осмотр завода вместе с Владимиром Ильичем и Анной Ильиничной, которая была тогда тоже в Петербурге. Мастера цехов и молодые инженеры очень охотно давали ответы на вопросы Владимира Ильича. Завод произвел на него огромное впечатление — он видел тогда в первый раз завод в полном ходу.

В мае 1895 года, я поселился на Верейской улице, а Владимир Ильич сначала в Казачьем переулке, затем в Таировом переулке, около Сенной площади. По желанию его матери Владимир Ильич, в целях нормальности своего питания, стал с поздней осени столоваться у меня, приходя для этого часам к 4-м, и проводил у нас некоторое время. После обеда он часто играл на кушетке и на полу с моей 5-летней дочерью, которая очень к нему привязалась. Помню, как они, обнявшись, напевая: «поворотишься, на пол скотишься», катились с кушетки по ковру на пол.

В это время (осень и зима 1895 г.) происходили шумные собрания в Вольном экономическом обществе, где шли оживленные прения по вопросу о путях экономического развития России. Владимир Ильич не посещал этих заседаний В. э. общества, считая споры там слишком поверхностными и не желая терять время. Но в часы послеобеденного отдыха, он часто расспрашивал меня о том, что делается

в Э. о. Как-то он принес мне только что отпечатанный и не выпущенный еще цензурою сборник левых марксистов[1] со статьей Владимира Ильича за подписью К. Тулин, — «Экономическое содержание народничества»; Владимир Ильич не говорил мне тогда, что это его статья, но очень интересовался мнениями о ней, как моим личным, так и других.

В конце 1895 г., в Петербурге на фабриках были экономические забастовки. Все это время Владимир Ильич являлся к нам к обеду, совершенно измученным и крайне возбужденным, часто и совсем пропускал обеды, часто же после обеда спешил уйти к великому огорчению моей дочери. Рассказывая о ходе забастовок, он сообщал об отношениях к нему работниц с табачной фабрики Лаферм, где Владимир Ильич принимал непосредственное участие в руководстве забастовкой. Когда он несколько дней под ряд не явился к обеду, жена моя навела справку на его квартире и узнала, что он был арестован.

До приезда сестры его,—Анны Ильиничны, Владимир Ильич писал несколько раз моей жене, прося некоторые вещи и книги. Жена отвозила ему книги и передачу. Кроме того, она добилась по его просьбе разрешения приехать к нему зубному врачу, у которого он не успел долечить перед арестом зубы.

Получив административный приговор о ссылке в Енисейскую губернию, Владимир Ильич получил и несколько дней свободы и зашел к нам попрощаться.

В 1901 году, когда Владимир Ильич был за-границей, я заезжал к нему в Мюнхен.

В Мюнхене, насколько я помню, он жил строго инкогнито, но, по данному мне Анной Ильиничной адресу, я его скоро разыскал. Занимал он небольшую квартиру, заваленную книгами и газетами, в довольно отдаленной части города. С ним жила Надежда Константиновна и ее мать. Радушно встретив меня, Владимир Ильич помог мне осмотреть достопримечательности города. Гуляя по городу, мы беседовали на разные темы,—главным образом, о способах доставки в Россию и распространении там издаваемых им, совместно с Г. В. Плехановым, газеты «Искра» и журнала «Заря».

Возвратясь в Петербург я некоторое время довольно аккуратно получал «Искру» по двум условным адресам.

В 1905 г., после революции, Владимир Ильич бывал и в Саблине у М. Т. Елизарова, мужа Анны Ильиничны. Но увидать его там мне не пришлось.

После февральской революции 1917 г. я виделся с Владимиром Ильичем на квартире М. Т. Елизарова, на Широкой ул. Петрогр. стороны, где я раз ночевал.

Ив. Чеботарев.

---

[1] Сборник носил заглавие: «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития».

О жизни Владимира Ильича Ульянова-Ленина в Казани [1].

(1887—89 г.г.).

Брат мой, Владимир Ильич Ульянов, поступил осенью 1887 года в Казанский университет на юридический факультет, по окончании в том же году с золотой медалью Симбирской классической гимназии.

Это произошло в год суда в Петербурге над старшим братом, Александром Ильичем, и казни его. Дело это произвело тогда огромное впечатление, и тучи от пронесшейся над семьей грозы сгустились и над головами остальных ее членов. Естественно, что на следующего брата власти склонны были смотреть очень подозрительно, и можно было опасаться, что его ни в какой университет не пустят.

Ф. Керенский,—отец известного впоследствии А. Ф. Керенского,—бывший в то время директором Симбирской гимназии, ценивший Владимира Ильича и в то же время относившийся очень хорошо к умершему за год перед тем отцу его Илье Николаевичу, желал помочь талантливому ученику обойти эти препятствия. Этим об'ясняется та в высшей степени «добронравная» характеристика его, которая была переправлена Керенским в Казанский университет и подписана и другими членами педагогического совета.

Покойный Илья Николаевич был очень популярной, любимой и уважаемой личностью в Симбирске, и семья его пользовалась вследствие этого большой симпатией. Владимир Ильич был красой гимназии. В этом характеристика Керенского совершенно верна. Правильно также указывает он, что это происходило не только вследствие талантливости, но и вследствие усердия и аккуратности Владимира Ильича в исполнении требуемого,—качеств, воспитанных той разумной дисциплиной, которая лежала в основе домашнего воспитания. Отец, сам честный и неутомимый труженик, исполнительный до педантизма, требовал того же и от детей. Илья Николаевич был также искренно и глубоко верующим человеком и воспитывал в этом духе детей. Но его религиозное чувство было, так сказать, вполне «чистым», чуждым всякой партийности и какой-либо приспособляемости к тому, что «принято». Это было религиозным чувством Жуковского, поэта—любимого отцом, религиозным чувством—гораздо более любимого Некрасова, выразившимся, например, в поэме «Тишина», отрывки из которой отец любил цитировать, именно то место, где говорится о «Храме божием», пахнувшим на поэта «детским чистым чувством веры».

---

[1] «Пути Революции», историч. журнал. Татбюро Истпарта, 1922 г., № 2.

В гимназии, правда, требовали посещения церкви, говения. Но дома дети видели искренно убежденного человека, за которым шли, пока были малы. Когда-же у них складывались свои убеждения, они просто и спокойно заявляли, что не пойдут в церковь (помню, такой случай был с братом Александром) и никакому давлению за это не подвергались.

Керенский, конечно, с целью подчеркивает, что в основе воспитания лежала религия, так же, как старается подчеркнуть «излишнюю замкнутость», «нелюдимость» Владимира Ильича [1]. Говоря, что «не было ни одного случая, когда Ульянов словом или делом вызвал бы непохвальное о себе мнение»,—Керенский даже грешит немного против истины. Всегда смелый и шаловливый, брат часто подсмеивался и над товарищами и над некоторыми преподавателями. Одно время Владимир Ильич взял мишенью для насмешек француза, по фамилии—Пор. Этот Пор был очень ограниченный фат,—говорят, повар по профессии,—пролаза, женившийся на дочке симбирского помещика и пролезший через это в общество. Он терся постоянно около директора или инспектора; порядочные педагоги относились к нему с пренебрежением. Разобиженный в конец, он настоял на четверке за поведение дерзкому ученику в четверть.

В виду того, что брат был уже в седьмом классе, это происшествие пахло серьезным. Отец рассказал мне о нем зимой 1885 года, когда я приехала на каникулы,—добавив, что Володя дал ему слово, что этого больше не повторится.

Но разве не в таких же пустяках коренилось часто исключение и порча всего жизненного пути непокорному юноше? Отношение к отцу и ко всей семье, а также исключительная талантливость Владимира Ильича избавили его от этого.

На тех же соображениях, что и характеристика Керенского, основывалось решение моей матери не отпускать Владимира Ильича в университет одного, а переехать в Казань со всей семьей.

Вся история с исключением произошла очень быстро. Подробности ее в рассказе брата не сохранились в моей памяти. Помню, только мать,—ходившая хлопотать о нем, рассказывала мне, что инспектор отметил Володю, как одного из активных участников сходки, которого он видел в первых рядах, очень возбужденного, чуть не с сжатыми кулаками.

Он был выслан в деревню Кокушкино, в 40 верстах от Казани, в благоприобретенное имение деда его по матери,—Александра Дмитриевича Бланк,—где в то время проживала под гласным надзором сестра его Анна (пишущая эти строки), которой 5-ти летний гласный надзор в Сибири был заменен, по ходатайству матери, высылкой в эту деревню. Во флигеле очень холодном и неблагоустроенном,—

[1] Больших приятелей у него в гимназические годы не было, но, конечно, нелюдимым его никак нельзя было назвать.

провела наша семья (некоторое время спустя мать с меньшими переселилась тоже в Кокушкино) зиму 1887—88 года.

Никаких соседей у нас не было. Провели мы зиму в полном одиночестве. Редкие приезды двоюродного брата да посещения исправника, обязанного проверять—на месте ли я и не пропагандирую ли крестьян,—вот и все, кого мы видели. Владимир Ильич много читал,—во флигеле был шкаф с книгами покойного дяди, очень начитанного человека, были старые журналы с ценными статьями; кроме того мы были записаны в казанской библиотеке, выписывали газеты. Помню, какими событиями были для нас оказии из города и как нетерпеливо раскрывали мы заветный пещер (корзинка местной работы), содержавший книги, газеты и письма. Равно и обратно при оказии пещер нагружался возвращаемыми книгами и почтой. Связано у меня с ним и такое воспоминание. Один вечер все сидели за корреспонденцией, готовя почту, которую должен был забрать ранним утром в упакованном пещере работник тетки. Мне бросилось в глаза, что Володя, обыкновенно почти не писавший писем, строчит что-то большое, и, вообще, находится в некотором ажиотаже. Весь пещер был нагружен; мать с меньшим уже улеглась, а мы с Володей сидели еще по обыкновению. Я спросила, кому он писал. Оказалось, товарищу по гимназии, поступившему в другой, помнится, в один из южных университетов. Описал в нем, конечно, студенческие «беспорядки» в Казани, с очень резкими,—как выяснилось из рассказа,—выпадами по адресу инспектора и других властей предержащих, и спрашивал о том, что было в их университете.

Я стала доказывать брату никчемность отправки такого письма, совершенно бесплодный риск новых репрессий, которым он себя этим шагом подвергал. Но переубедить его было всегда не легко. Он находил мои опасения преувеличенными и не хотел менять решения. Тогда я указала ему на риск, которому он подвергает товарища, отправляя письма такого содержания на его личный адрес.

Тут Володя призадумался, а потом довольно быстро согласился с этим последним соображением, пошел в кухню и вынул, хотя и с видимым сожалением, злополучное письмо.

Позднее,—летом, я имела удовольствие услышать от него в одной беседе по какому-то случаю между ним и двоюродной сестрой полушутливое, полусерьезное заявление, что за один совет он мне благодарен. Это произошло после того, как он перечел провалявшееся несколько месяцев в его ящике письмо и подверг его уничтожению.

Кроме чтения, Владимир Ильич занимался в Кокушкине с младшим братом, ходил с ружьем, зимой на лыжах. Но это была его первая, так сказать, проба ружья, охота была всю зиму безуспешная. Я думаю, что это происходило и потому, что охотником в душе, как другие два брата мои, он никогда не был.

Помню, особенно, ярко крутую, раннюю весну после этой, утомившей нас зимы,—первую весну, проводимую нами в деревне. По-

мню долгие прогулки и беседы с братом по окрестным полям под аккомпанимент неумолчно заливавшихся невидимых жаворонков в небе, чуть пробивавшуюся зелень и белевший по оврагам снег...

С осени 1888 года брату разрешено было поселиться с матерью в Казани, куда и переехала вся семья. Я оставалась еще некоторое время в деревне, но поздней осенью разрешено было переехать и мне. Квартира была снята в доме Орловой на Первой горе, недалеко от Арского поля, во флигеле. При квартирке был балкон и довольно живописный садик по горе. В первом этаже было почему-то две кухни, одну из которых занял Владимир Ильич, вследствие большой изоляции этого помещения для занятий.

Тут он начал чтение «Капитала» Маркса, рассказывал мне с большим увлечением о прочитанном. Тут завел понемногу некоторые знакомства, но больше уходил сам, чем принимал у себя. Фамилий его знакомых я не помню. Он был все же довольно осторожен из внимания к матери. Исключительное мужество, с которым мать переносила несчастие с потерей брата Александра, вызвало удивление и уважение даже со стороны посторонних людей. Тем более чувствовали это мы, дети, ради которых, для забот о которых она страшным усилием воли сдерживала себя. Надежда Константиновна говорила мне, что Владимир Ильич рассказывал о том удивительном мужестве, с которым перенесла мать потерю брата, а позднее, сестры Ольги.

Влияние ее на нас с детства было огромное. Подробнее я скажу об этом в другом месте, здесь же укажу только на один эпизод из казанской жизни. Володя начал покуривать. Мать, опасаясь за его здоровье, бывшее в детстве и юношестве не из крепких, стала убеждать его бросить курение. Исчерпав доводы относительно вреда для здоровья, обычно на молодежь мало действующие, она указала ему, что и лишних трат—хотя бы копеечных (мы жили в то время все на пенсию матери)—он себе, не имея своего заработка, позволять бы собственно не должен. Этот довод оказался решающим, и Володя тут же, и навсегда,—бросил курить. Мать с удовлетворением рассказала мне об этом случае, добавляя, что, конечно, довод о расходах она привела в качестве последней зацепки.

Мать стала тревожиться, что Володя «влетит» опять, и это отчасти побудило ее приобрести через М. Т. Елизарова (окончившего петерб. универс. и участвовавшего со мною и покойным братом в одном землячестве) маленький хутор в Самарской губернии и выхлопотать разрешение переехать на лето туда. По выходе замуж за М. Т. Елизарова вся семья наша обосновалась в Самаре.

Опасения матери были не напрасны. Летом 1889 года в Казани был арестован кружок Федосеева, и Владимир Ильич говорил мне, что останься он в Казани, он попался бы наверно тоже, так как был знаком с некоторыми из арестованных, — хотя самого Н. Ф. Фе-

досеева не знал,—и с деятельностью кружка, развернувшегося очевидно шире уже с весны, т.-е. с от'езда брата.

Этот благополучный исход дал возможность Владимиру Ильичу мирно заниматься в Самаре теоретической работой по изучению марксизма, пропагандой его среди молодой самарской публики, а также получить разрешение на сдачу экзамена экстерном, о чем много хлопотала мать.

Получив это разрешение, Владимир Ильич так усердно засел за подготовку, что в 1891 году, — т.-е. не отстав ни на год от своего выпуска, — сдал этот экзамен при Петербургском университете.

А. Елизарова.

Мелкие замечания рабочих и работниц о Ленине.

(Запись сообщений).

На организованном 6 февраля 1924 г. в Ленинграде—за Невской заставой, в доме просвещения имени Н. К. Крупской, Володарским Районным Комитетом РКП, вечере воспоминаний о тов. Ленине, рабочие и работницы сообщили о покойном вожде РКП следующее.

Евсеев, Федор,—член РКП, управляющий завода оптических стекол говорит:

Конец 1905 г. Я работал тогда на острове Голодае на трубочном заводе, был членом большевистского кружка на заводе (М. Калинин, Жуков, Воронов, Дубровин и др.) и членом Голодаевского подрайонного партийного комитета.

Всюду были собрания.

Попал я на одно из них—в Политехническом Институте. На этом собрании говорил Ленин, как-будто загримированный, с рыжеватой подвязанной бородой и одетый в серое клетчатое пальто.

В 1907 г., накануне открытия заседаний Госуд. Думы, я слыхал Ленина на собрании в народном доме графини Паниной. Не помню, под какой фамилией он выступал, но я и многие из присутствовавших на собрании его узнали. Речь он сказал короткую, но яркую и возбуждающую. Помню, что выступали тогда и Алексинский и Мякотин, последний даже евангельские образы употреблял; но сильное впечатление произвел Ленин.

В 1917 г. я встретился с тов. Лениным на нелегальном партийном совещании накануне октябрьского переворота (я тогда был членом Литейного районного комитета Петроградской организации соц.-дем. большевиков). Сидел я тогда близко около Ленина. Он держался в сторонке и слушал. Решался вопрос о взятии власти. Ленин говорил затем спокойно, что власть надо взять—время уже. Против выступало несколько товарищей. Бухарин высказывался за захват власти и просил не раскалываться. Ленин слушал, был спокоен и с улыбочкой разговаривал с соседями.

Начало 1918 г. Немцы взяли Киев и хозяйничали. Рабочие киевского арсенала не получали ни от кого уплаты за работы и прислали делегацию в Петроград к нам, во Всероссийский Комитет рабочих артиллерийских заводов, в который входил и я. Комитет решил поддержать киевских арсенальцев — немцы, де, не вечны в Киеве—и обратился, в лице меня и Косякова, в Совнарком к Ленину. Ленин нас выслушал и наложил резолюцию об уплате денег по заработку и по задолженности киевским арсенальцам.

Помню еще, в 1920 г., в годовщину убийства К. Либкнехта, демонстрация подходила к Московскому Совету. В этот момент к Совету под'ехал автомобиль, без охраны. В нем сидел Ленин с женщиной. Автомобиль остановился. Ленин сошел и спокойно шел к Совету—демонстранты расступались, давая ему дорогу.

Мельников, Прокопий, рабочий вагонных мастерских Октябрьской жел. дор., старый член РКП, говорит:

В 1905 г. я учился в Корниловской школе для рабочих за Невской заставой и состоял там членом подпольного с.-д. кружка учеников школы (рабочие Стуколов, Кондратьев, Сухов, Шептохин — все техники с Октябрьской, тогда Никол. жел. дор., Богданов—меньшевик и я — большевик), руководимого интеллигенткой с.-д. Марусей. В кружке были сильные споры, результатом которых у меня было желание увидеть Ленина.

И вот я услыхал его под фамилией Ильин, в 1907 г. на собрании в Народном доме графини Паниной, на р. Лиговке. Он не вполне чисто говорил, чуть картавил.

Когда в 1917 г. я достал портрет Ленина, взглянув на него— я сразу узнал, что это Ленин бывал у нас в кружке Маруси в Корниловской школе. Ленин не выступал, а все слушал. Спорщиком выступал тогда Борис (Гр. Евс. Зиновьев).

Помню еще, когда я был организатором с.-д. большевистского кружка в вагонных мастерских Окт. жел. дор. (1908—1912 г.), мне пришлось работать по выборам в 4 Госуд. Думу. От нас был выборщиком выдвинут А. Е. Бадаев.

В 1913 г. Бадаев рассказывал мне после своей поездки за границу к Ленину, что Ленин «таков человек, что его надо хранить, как свой глаз», и что Ленин у него «все расспрашивал и все об'яснял».

Сафронов, Василий, рабочий Пролетарского (бывш. Александровского) механич. завода, кандидат в члены РКП, говорит:

Помню, в июне 1917 г., я с товарищами с нашего завода (я тогда работал на заводе «Пулемет») стояли у дворца Кшесинской, где был Петроградский Комитет большевиков. В это время к балкону подошла демонстрация гарнизона Петропавловской крепости. Ленин вышел на балкон и благодарил гарнизон крепости за выход на улицу, указывая, что выход на улицу солдат царской крепости с ло-

зунгами «власть—Советам»—есть предвестник захвата рабочими и солдатами этой власти.

В августе 1917 г. я участвовал от зав. «Пулемет» делегатом на конференции (в Таврическом дворце) заводских комитетов металлистов. Тогда говорили Керенский, Скобелев, Блейхман, Гвоздев. Вышел и Ленин, одетый в русскую рубаху, жилет и пиджак. Он нападал на ораторов, в особенности на рабочего Гвоздева, работавшего в рядах буржуазного правительства. В результате—резолюция большевиков была принята большинством делегатов конференции.

Федорова, Елена, подпольная с.-д. большевичка, ныне кандидат в члены РКП, организатор работниц на заводе «Красный Судостроитель» (бывш. «Охта»), говорит:

В ноябре 1917 г. я участвовала на крестьянском с'езде (в Петрограде, на Фонтанке). Сидела около трибуны. Искала глазами Ленина. Вот—он, просто одетый, с лица — мужичек. Вот он заговорил—с воодушевлением. Лицо его менялось, глаза искрились. Он воодушевил крестьян, делегатов с'езда. Говорил он о союзе крестьян с рабочими, указывая, что в этом союзе—сила революции, что рабочим и крестьянам надо друг другу помогать. Говорил Ленин так, что даже старики крестьяне делегаты говорили на с'езде: «пойдем вместе с рабочими», а с'езд этот был лево-эс-эровский.

Видела я Ленина несколько раз в ноябре 1917 г. на заседаниях Исполнит. Комитета. Говорил он, что вся власть принадлежит Советам, и ее никому нельзя отдать, даже Учредительному собранию, что не большевики захватили власть, а эта власть принадлежит самим крестьянам и рабочим, что они и сами хорошо знают.

Дмитриева, пожилая уборщица в Смольном, говорит:

Работала она в Смольном с первых дней Октября.

Тов. Ленин товарищески и внимательно относился к младшим служащим.

Был такой случай.

Муж другой уборщицы, подруги Дмитриевой, справлял именины. Тов. Ленин как-то узнал об этом, зашел к этой уборщице и принес кочан капусты на пирог...

Носил тов. Ленин простой костюм, обедал в общей столовой, жил в той же комнате, в которой и работал.

Машинистки в Смольном — Королева и Екимова подтверждают слова Дмитриевой об отношении тов. Ленина к служащим и рассказывают, что в октябрьские дни в Совнаркоме работа шла целые сутки. Однажды, среди ночи, нужно было написать срочную телефонограмму. Тов. Ленин, войдя в рабочую комнату машинисток, нашел их спящими у пишущих машинок. Попробовал он сам писать на машине—ничего не вышло. Другие тоже пробовали, но неудачно. Тогда только он решил разбудить одну из машинисток для работы.

Записал **Г. Ш.**

Некоторые материалы и документы.

I.

Документ об участии В. И. Ульянова в студенческих беспорядках в Казани в 1887 г.

Министерство
Народнаго Просвѣщения

Попечителя
Казанскаго Учебнаго Округа.

Канцелярія
Стол 2.
14 іюня 1888 года.
№ 329.
г. Казань.

Конфиденціально.

Въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія.

Возвращая при семъ препровожденное ко мнѣ при надписи Департамента отъ 18 мая, за № 7353, прошеніе бывшаго студента юридическаго факультета Казанскаго Университета Владиміра Ульянова, имѣю честь сообщить, что Ульяновъ, какъ донесъ мнѣ г. бывшій инспекторъ студентовъ, род. 10 Апрѣля 1870 г., по окончаніи курса съ золотою медалью въ Симбирской гимназіи, поступил въ Университетъ в Августѣ мѣсяцѣ 1887 года. В кратковременное пребываніе свое въ Университетѣ обратилъ на себя вниманіе своею скрытностію, невнимательностію и даже невѣжливостью. Еще дня за два до сходки подалъ поводъ подозрѣвать его въ подготовленіи чего-то нехорошаго: проводилъ время въ курильной комнатѣ, бесѣдуя съ наиболѣе подозрительными студентами; уходилъ домой и снова возвращался, приносилъ что-то по просьбѣ другихъ и вообще велъ себя очень странно. 4-го же Декабря бросился въ актовый залъ въ первой партіи и вмѣстѣ съ Полянскимъ первыми неслись с крикомъ по коридору 2-го этажа, махая руками, какъ бы желая этимъ воодушевить другихъ, уходя же со сходки, отдалъ свой входный билетъ.

Въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится семья Ульяновыхъ, такое отношеніе Ульянова къ сходкѣ дало поводъ инспекціи считать его вполнѣ способнымъ къ различнаго рода противозаконнымъ и преступнымъ демонстраціямъ.

На основаніи вышеизложеннаго Д. С. С. Потаповъ съ своей стороны считаетъ возвращеніе Ульянова въ Казанскій Университетъ невозможнымъ.

Вполнѣ присоединяясь къ мнѣнію Д. С. С. Потапова о крайней нежелательности обратнаго пріема Владиміра Ульянова въ Казанскій Университетъ, считаю не лишнимъ присовокупить, что проситель—родной братъ Ульянова, подвергнутаго смертной казни за участіе въ политическомъ преступленіи, и что при выдающихся способностяхъ и весьма хорошихъ свѣдѣніяхъ, онъ ни въ нравственномъ, ни въ политическомъ отношеніи лицомъ благонадежнымъ признанъ пока быть не можетъ.

Попечитель Казанскаго учебнаго Округа Масленниковъ.

Правитель Канцеляріи Жоховъ.

На представлении имѣются три резолюции:

1) «К докладу».

2) «Ужъ этотъ не братъ ли того Ульянова? Вѣдь тоже из Симб. гимназіи. Да, это видно изъ конца бумаги. Отнюдь не слѣдуетъ принимать».

3) «По докладу Г-ну Министру 22-го іюля Его Высокопревосходительство изволилъ приказать отклонить ходатайство просителя.

Директоръ Н. Аничковъ».

Примечание: Две первые резолюции написаны карандашем. Почерк директора Департамента Народного Просвещения Н. М. Аничкова. Последняя резолюция написана чернилами.

II.

ДИПЛОМЪ.

Предъявитель сего Владиміръ Ивановъ [1] Ульяновъ, вѣроисповѣданія Православнаго, родившійся 10 Апрѣля 1870 г., съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, подвергался испытанію въ Юридической испытательной комиссіи при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ в Апрѣлѣ, Маѣ, Сентябрѣ, Октябрѣ и Ноябрѣ мѣсяцахъ 1891 года.

По представленіи сочиненія и послѣ письменнаго отвѣта, признанныхъ весьма удовлетворительными, оказалъ на устномъ испытаніи

[1] Опечатка—напечатано Ивановъ вмѣсто Ильинъ.

В. И. УЛЬЯНОВ в 1891 или в 1892 г.
(с визитной фотографической карточки, хранящейся в 1-м Ленинградском отделении ЕГАФ, в архиве бывш. М-ва народн. просвещения. Воспроизводится впервые).

слѣдующіе успѣхи: по догмѣ римскаго права, исторіи римскаго права, гражданскому праву и судопроизводству, торговому праву и судопроизводству, уголовному праву и судопроизводству, исторіи русскаго права, церковному праву, государственному праву, международному праву, полицейскому праву, политической экономіи и статистикѣ, финансовому праву, энциклопедіи права и исторіи философіи права—весьма удовлетворительные.

Посему, на основаніи ст. 81 общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ 23 Августа 1884 года, Владиміръ Ульяновъ, въ засѣданіи Юридической испытательной комиссіи 15 Ноября 1891 г., удостоенъ диплома первой степени, со всѣми правами и преимуществами, поименованными въ ст. 92 устава и въ V п. Высочайше утвержденнаго въ 23 день Августа 1884 года мнѣнія Государственнаго Совѣта. Въ удостовѣреніе сего и данъ сей дипломъ Владиміру Ульянову, за надлежащею подписью и съ приложеніемъ печати Управленія С.-Петербургскаго учебнаго округа.

Городъ С.-Петербургъ, Января 14 дня 1892 г.

Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа М. Капустинъ.

Подписали:

Предсѣдатель Юридической
испытательной Коммиссіи В. Сергѣевичъ.

Скрѣпилъ: Правитель Канцеляріи С. Борейша.

№ 334.

III.

АНКЕТА

Владимира Ильича Ульянова (Ленина).

(Заполнена Владимиром Ильичем на 10-м Всероссийском с'езде РКП (б.)

Год рождения?—1870.

Состояние здоровья?—Здоров.

Какие языки знаете? — Английский, немецкий, французский—плохо, итальянский—очень плохо.

Какие местности России знаете хорошо и сколько лет там проживали?—Знаю Поволжье, где родился и рос до 17 лет.

На каких Всероссийских с'ездах вы участвовали? — На всех, кроме июля и августа 1917 г.

Были ли за границей?—В ряде стран Западной Европы в 1895, 1900—1905, 1908—1917 г.г.

Военная подготовка?—Никакая.

Образование?—В 1891 г. окончил (сдал экстерном) Петроградский университет на юридическом факультете.

Основные занятия до 1917 г.?—Литератор.

Какие знаете специальности?—Никаких.

Чем занимался после 1917 г. кроме партийной, профессиональной, советской и т. п. работы?—Кроме указанных только литературной работой.

К какому профсоюзу принадлежите в настоящее время? — К союзу журналистов.

Работа с 1917 г.?—Председатель Совнаркома и СТО.

С какого времени состоите членом РКП?—С 1894 г.

Принадлежали ли к другим партиям, если да, то к каким?—Нет.

Участие в революционном движении?

Когда?	Где?	В какой организации?
1892—1893	Самара.	Нелегальные
1894—1895	Петербург.	кружки со-
1895—1897	Тюрьма.	циал-демо-
1898—1900	Енисейская г.	кратии, а со
1900—1905	За границей.	времени осно-
1905—1907	Петербург.	вания РС.-ДРП
1908—1917	За границей.	ее член.

Подвергался ли репрессиям за революционную деятельность?—В 1887 г. арест, в 1895—1897—арест, 1898—1900—Сибирь, 1900—арест.

Сколько времени провели в тюрьме?—Несколько дней плюс 14 месяцев.

На каторге или ссылке?—3 года.

В эмиграции?—9—10 лет.

IV.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СПИСОК № 4[1].

Кандидатов в Учредительное Собрание по Петроградскому столичному избирательному округу, выставляемый Центральным Комитетом, Военной Организацией, Петербургским Комитетом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (Большевиков), Комитетом Социал-Демократии Польши и Литвы и Центральным Комитетом Социал-Демократии Латвии.

1. Владимир Ильич Ульянов (Ленин).
2. Евсей Аронович Радомысльский (Зиновьев).
3. Лев Давыдович Бронштейн (Троцкий).
4. Лев Борисович Розенфельд (Каменев).
5. Александра Михайловна Коллонтай.
6. Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин).
7. Матвей Константинович Муранов.
8. Михаил Иванович Калинин.
9. Иосиф Станиславович Уншлихт.
10. Сергей Александрович Черепанов.
11. Григорий Еремеевич Евдокимов.
12. Клавдия Ивановна Николаева.
13. Феодосий Иванович Кривобоков (Владимир Невский).
14. Николай Павлович Авилов (Глебов).
15. Александр Гаврилович Шляпников.
16. Николай Иванович Дербышев.
17. Мартын Янович Лацис.
18. Александр Васильевич Шотман.

Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. Партии.

Типография «Труд» Т-ва «Рабочая Печать», Кавалергардская, 40.

---

[1] Плакат, который был наклеен на стенах домов в Петрограде при кампании по выборам в Учредительное собрание.

V.

Ленин и крестьянский вопрос в 1917 году. Инструкция крестьянам.

В ответ на многочисленные запросы крестьян раз'ясняется, что вся власть в Государстве перешла отныне всецело в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Рабочая революция, победив в Петрограде и в Москве, побеждает во всех остальных местах России. Рабочее и Крестьянское Правительство обеспечивает союз массы крестьян, беднейших крестьян; большинства крестьян с рабочими против помещиков; против капиталистов.

Поэтому Советы Крестьянских Депутатов в первую голову уездные, затем губернские являются отныне и впредь до Учредительного собрания полномочными органами государственной власти на местах. Помещичья собственность на землю 2-м Всероссийск. С'ездом Советов отменена. Указ о земле издан уже теперешним Вр. Раб. и Крест. Правительством. На основании этого указа, все помещичьи земли полностью и целиком поступают в руки Советов Крестьянских Депутатов. Волостные земельные Комитеты должны тотчас же брать все помещичьи земли в свое распоряжение, под строжайший учет, охраняя полный порядок, охраняя строжайше бывшее помещичье имущество, которое отныне стало общественным достоянием и которое поэтому сам народ должен охранять.

Все распоряжения волостных земельных Комитетов, принятые с согласия Уездных Советов Крестьянских Депутатов, во исполнение декретов революционной власти являются совершенно законными и должны быть безусловно и немедленно проведены в жизнь.

Рабочее и Крестьянское Правительство, 2-м Всероссийским С'ездом Советов назначенное, названо Советом Народных Комиссаров.

Совет Народных Комиссаров призывает крестьян самих брать всю власть на местах в свои руки.

Рабочие полностью, всецело и всемерно поддержат крестьян, наладят производство машин и орудий и, с своей стороны, просят крестьян помочь подвозом хлеба.

Председатель Совета Народных Комиссаров **В. Ульянов (Ленин).**

Петроград, 5-го ноября 1917 г.

VI.

Письмо [1] тов. Ленина президиуму конференции пролетарских культурно-просветительных организаций.

Дорогие товарищи! От души благодарю вас за добрые пожелания и, в свою очередь, желаю вам наилучших успехов в ваших работах.

Одно из главных условий победы социалистической революции есть усвоение рабочим классом и проведение в жизнь господства этого класса на время перехода от капитализма к социализму. Господство авангарда всех трудящихся и эксплоатируемых, т.-е. пролетариата, необходимо на это переходное время для полного уничтожения классов, для подавления сопротивления эксплоататоров, для об'единения всей массы трудящихся и эксплоатируемых, забитой, задавленной, распыленной капитализмом вокруг городских рабочих в теснейшем союзе с ними.

Все наши успехи вызваны тем, что рабочие поняли это и взялись за управление государством через свои Советы.

Но рабочие недостаточно еще поняли это и часто бывают чрезмерно робки в деле выдвигания рабочих для управления государством.

Боритесь за это, товарищи! Пусть пролетарские культ.-просв. организации помогут этому. В этом — залог дальнейших успехов и окончательной победы социалистической революции.

С приветом **В. Ульянов (Ленин).**

VII.

Отношение Ленина к волоките.

Печатаемое ниже письмо от 27 октября 1918 г. тов. Ленина нами получено от секретаря Ленинградской губернской контрольной комиссии РКП (б.) тов. Ив. Куклина.

Он сообщил нам, что это письмо написано по следующему поводу:

В 1918 г. группа членов партии с Выборгской стороны: т.т. Ив. Куклин, Чагин, Григорьев и друг. были командированы партией на южный фронт.

---

[1] Опубликовано в «Северной Коммуне», № 11, от 21 сентября 1918 г., стр. 2.

Приехав из Питера в Москву, они узнали, что Московский Совет хлопочет в Центральном Комитете партии, чтобы их направили в Серпухов.

Выборжцы не соглашались на это.

Ничего не добившись в Московском Совете, выборжцы направились в Кремль к тов. Ленину.

В разговоре с ним они сказали, что им пришлось ходить несколько дней в Совет, где каждый раз от них требовали разные документы, пропуска и проч., несмотря на то, что все они были членами выборгских районных исполкома совета и комитета РКП (б.).

Тов. Ленин был возмущен такой волокитой и послал в Московский Совет следующее письмо:

Председатель
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ.

Москва.

27 октября, 1918 г.

№_____

Тов. Владимирскому (или другому члену Президиума Моск. Совдепа).

Податели—товарищи выборжцы. Очень прошу принять их **немедленно.** Кроме того, они обращают внимание *на чрезмерный формализм* при входе в Совет, на невероятную придирчивость контроля, на писание совершенно излишних особых пропусков. Нельзя ли упростить это дело?

ЛЕНИН.

Привет!

(фотография письма).
Сообщила **А. Р.**

VIII.

Обращение тов. Ленина к международному пролетариату о голоде на Волге.

В России в нескольких губерниях голод, который очевидно лишь немногим меньше, чем бедствие 1891 года.

Это—тяжелое последствие отсталости России и семилетней войны, сначала империалистической, а потом гражданской, которую навязали рабочим и крестьянам помещики и капиталисты всех стран.

Требуется помощь советской республике. Рабочие и крестьяне ждут этой помощи от трудящихся, от промышленных рабочих и мелких земледельцев.

Массы тех и других сами угнетены капитализмом, империализмом повсюду, но мы уверены, что, несмотря на их собственное тя-

желое положение, вызванное безработицей и ростом дороговизны, они откликнутся на наш призыв.

Тот, кто испытывал на себе всю жизнь гнет капитала, поймет положение рабочих и крестьян России—поймет или почувствует инстинктом человека трудящегося и эксплоатируемого необходимость помощи советской республике, которой пришлось первой взять на себя благодарную, но тяжелую задачу свержения капитализма. За это мстят советской республике капиталисты всех стран. За это готовят они на нее новые планы походов, интервенции и контр-революционные заговоры.

С тем большей энергией, мы уверены, с тем большим самопожертвованием придут на помощь к нам рабочие и мелкие, живущие своим трудом, земледельцы всех стран.

Н. Ленин.

IX.

Обращение тов. Ленина к крестьянам Украины о голоде на Волге.

Правобережная Украина в этом году собрала превосходный урожай. Рабочие и крестьяне голодного Поволжья, которые переживают теперь бедствие, немногим более слабое, чем ужасное бедствие 1891 г., ждут помощи от украинских земледельцев. Помощь нужна быстрая, помощь нужна обильная. Пусть не останется ни одного земледельца, который не поделился бы с поволжским голодающим крестьянином, которому нечем засеять полей.

Пусть из каждого уезда, обеспеченного хлебом, пошлют хотя бы 2—3 выборных из крестьян в Поволжье подвести туда хлеба, чтобы своими глазами увидеть размер бедствий, нужды и голода, чтобы рассказать по возвращении своим землякам о необходимости спешной помощи.

Председатель совета народных комиссаров **Н. Ленин.**

Москва, Кремль, 2 августа 1921 г.

X.

Алфавитный список [1]

лиц, состоящих под негласным надзором в Казанской губернии.

Имя, отчество, фамилия и сословие и лета от рода: Владимир Ильич Ульянов, дворянин, 19 лет.

Семейное положение: Отец умер, мать—Мария Александровна Ульянова 50 лет, дочери: Анна, девица, 22 лет, Ольга 16 лет, Мария 9 лет. Сыновья—Владимир 18 лет и Дмитрий 13 лет.

Имущественное обеспечение: Пенсия отца в 1.200 рублей.

Место постоянного жительства: Деревня Кукушкино, Черемышевской волости, Лаишевского уезда.

Обстоятельства прошедшей жизни поднадзорного и настоящее его занятие: До сих пор учился дома и в гимназии в г. Симбирске. Пробыл 3 месяца в Казанском университете, откуда исключен за участие в студенческих беспорядках 4 декабря 1887 года. В настоящее время занимается продолжением своего образования.

Год, число и № распоряжения Департамента Государственной Полиции, по которому учрежден надзор: Негласный надзор полиции учрежден, на основании п. 3 Циркуляра Г. Министра Внутренних Дел от 9 апреля 1882 года, за № 1365.

И. д. Начальника Управления

Подполковник (подпись).

---

[1] Этот список взят из дела № 7189, часть I, 5 дел-ва Деп-та Полиции за 1887 г., он был препровожден в Деп-т Полиции Начальником Казанского губ. жандармского управления, при отношении за № 253, от 8 февраля 1888 г.

В. И. Ульянов-Ленин и Н. К. Крупская по данным Департамента полиции.

Справка Департамента полиции о В. И. Ульянове-Ленине.

Ульянов, Владимир Ильич (род. в 1870 г., дворянин, сын д. ст. советника), брат казненного Александра Ульянова, имеет мать вдову Марию, сестер Анну, состоящую под гласным надзором полиции, Ольгу и Марию и брата Дмитрия. Средством к существованию семьи служит пенсия, получаемая за службу отца в размере 1.200 рублей в год.

Первоначальное образование получил в Симбирской гимназии, а затем поступил в 1887 г. в Казанский университет. Впервые обратил на себя внимание сношениями с известным Лазарем Богоразом. За участие в студенческих беспорядках, происходивших в декабре 1887 г., исключен из университета, с воспрещением жительства в Казани и с учреждением негласного надзора полиции.

В июле 1888 г. мать Ульянова ходатайствовала о разрешении принять вновь сына ее Владимира в Казанский университет, а в сентябре того же года сам Ульянов ходатайствовал о разрешении ему уехать за границу для окончания образования в одном из заграничных университетов—оба эти ходатайства, в виду преждевременности, были отклонены.

В мае 1889 г. Казанский губернатор представил ходатайство Ульянова о разрешении ему выезда за границу для лечения, и его превосходительство г. директор названное ходатайство изволили отклонить в виду того, что от означенной в медицинском свидетельстве болезни Ульянов может ехать лечиться на Кавказ.

По распоряжению Московского генерал-губернатора Ульянову, на основании 16 ст. положения о государственной охране, воспрещено жительство в Москве и Московской губ.

Из ведомости о лицах, состоящих под негласным надзором полиции в Казанской губернии, представленной при отношении нач-ку Казанского губ. жанд. упр.—от 20 июля 1889 г., усматривается, что Ульянов ведет знакомство с подозрительными лицами.

В 1889 г. на Ульянова было обращено особое внимание, как на одного из поднадзорных, пребывавших в Казани, которая местность по сведениям, добытым по известному делу о взрыве в Цюрихе, признавалась местом пребывания особо видных деятелей революционного движения в России.

В 1889 же году Ульянов ходатайствовал о допущении его до экзамена на степень кандидата юридических наук; имеющиеся об Ульянове сведения были сообщены министру народного просвещения.

В то же время были получены указания из Самары (по месту пребывания Ульянова), что он продолжает вращаться в среде лиц вредного в политическом отношении направления.

В октябре 1891 г. было отклонено ходатайство Ульянова о разрешении ему выезда за границу.

В июне 1892 г. Ульянов ходатайствовал о разрешении ему быть поверенным при Самарском окружном суде.

Согласно положенной резолюции, было об'явлено, что соответствующий отзыв будет дан в случае запросов надлежащего начальства.

Помимо изложенного Влад. Ульянов находился в сношениях с Ив. Ив. Воскресенским, принадлежавшим к кружку Лазаря Богораза.

В июле 1892 г. сообщено председателю Самарского окружного суда на его запрос, что к выдаче Ульянову свидетельства на право хождения в качестве поверенного по судебным делам препятствий не встречается.

В апреле 1895 г. Ульянов выехал за границу по паспорту, выданному С.-Петербургским градоначальником от 25 марта того же года, за № 720, и, как состоящий под негласным надзором, помещен в циркуляр на пограничные пункты от 26 мая 1895 г., № 4254.

Из ведомости негласного г. С.-Петербурга по 1 января 1895 г. усматривается, что в образе жизни Ульянова ничего предосудительного не замечается.

В виду полученных об Ульянове неблагоприятных сведений (вх. 8574/3) о выезде его за границу сообщено Рачковскому [1].

В 1896 г. Ульянов привлекался к дознанию по делу о «С.-Петербургских преступных кружках социал-демократов».

По агентурным сведениям, еще в половине 1894 г. среди социал-демократов возникла центральная группа, в которую входили помощник присяжного поверенного Владимир Ульянов, студенты технологического института Василий Старков, Петр Запорожец и др.

В декабре 1895 г. среди социал-демократов постепенно выработалась организация, во главе коей находилась центральная группа, в которую входили: Ульянов, Старков, Кржижановский, Шелгунов

[1] Чиновник особых поручений Министерства внутренних дел, заведывавший заграничной агентурой Деп-та полиции и живший за границей.

Редакция.

и Яковлев, эта группа разделялась на «комитет», который следил за деятельностью отдельных рабочих кружков, и «литературную группу», на обязанности которой лежало собирание сведений о положении рабочих на фабриках и на заводах и о случаях недовольства, дабы социал-демократы могли своевременно распространять свои воззвания, подстрекавшие рабочих к стачкам.

Летом 1895 г. Ульянов ездил за границу, где, по агентурным сведениям, вошел в сношения с эмигрантом Плехановым с целью установить способ для правильного водворения в Россию революционной литературы, затем, по возвращении в Петербург, участвовал в составлении статей для подпольной газеты сообщества «Рабочее Дело», руководил кружками Меркулова и Шелгунова за Невскою заставою, посещал сходки у Ивана Федорова на Васильевском острове и в квартире Зиновьева и Карамышева в Огородном переулке, именуясь «Федором Петровичем», и передал Меркулову деньги для поддержания рабочих, сделавших в ноябре 1895 г. забастовку на фабрике Торнтона.

Привлеченный к дознанию в качестве обвиняемого, Ульянов не признал себя виновным в принадлежности к социал-демократическому сообществу, отказался давать какие-либо об'яснения о своем знакомстве с другими лицами и утверждал, что никогда не бывал в каких-либо кружках рабочих. Относительно найденных у него рукописей, из коих оглавление к первому нумеру газеты «Рабочее Дело» и две статьи о стачках оказались написанными рукою Ульянова, он уклонился от дачи показания, но не отрицал, что эти рукописи и найденная у него статья о стачке в Ярославле написаны им. Свою поездку за границу Ульянов об'яснил желанием приобрести некоторые книги, из которых он мог указать только два сочинения.

По высочайшему повелению 29 января 1897 г. Ульянов был выслан в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции на 3 года.

В мае 1899 г. Ульянов, водворенный в селе Шушенском, Минусинского уезда, допрашивался в качестве свидетеля по делу купеческого сына Ивана Михайлова Зобнина и др. за хранение и составление преступных изданий. Поводом к сему послужила найденная у Зобнина по обыску расписка Иркутской почтовой конторы в отправлении Ульянову заказного письма. В виду сего у Ульянова произведен был обыск, по которому было обнаружено посланное из Иркутска письмо, не заключавшее, однако, в себе ничего преступного; в квартире же Ульянова также ничего преступного найдено не было, почему он и был опрошен лишь в качестве свидетеля (донесение помощника начальника Енисейского губернского жандармского управления в Минусинском и Ачинском округах, от 5-го мая 1899 г., за № 113).

По освобождении, 29 янв. 1900 г., от гласного надзора, Ульянов подчинен негласному надзору, и по постановлению особого совеща-

ния 16 дек. 1899 г. ему воспрещено жительство в столицах и С.-Петербургской губ. впредь до особого распоряжения, а также в местностях фабричного района, университетских городах и в г.г. Иркутске и Красноярске с их уездами сроком на три года.

Некоторые архивные данные из революционной деятельности и жизни В. И. Ульянова-Ленина.

Ленин в рядах петербургских большевиков в 1907 г.

В докладной записке Петербургского охранного отделения от 11 апреля 1907 г. за № 8995 (см. дело № 5, часть 51, за 1907 г., Особого отдела Деп-та полиции,—архив политическ. секции Ленингр. отделения Центроархива), сообщается в Департамент полиции, что 25-го марта 1907 г. [1], в Териоках, по Финляндской жел. дороге, на даче Оттенета (по Церковной улице) состоялась Петербургская общегородская социал-демократическая конференция.

На этой конференции присутствовало 136 человек, из них 91 большевиков и 45 меньшевиков.

Конференция была под председательством Ленина, Рожкова (Николая Александровича), Алексинского (Григория Алексеевича) и студента Петербургского университета Аполлонова [2].

Ленин и меньшевики.

В деле № 5, часть 51, том I, за 1908 г., Особого отдела Деп-та полиции (хранится там же) имеется (стр. 32) копия перлюстрированного Департаментом полиции письма, за подписью «Мрт» [3], из Петербурга от 15 января 1908 г., к Леонтию Ивановичу Радченко [4], в Москву (Большая Никитская, 5, контора братьев «Гранат»).

На внутреннем, заделанном, конверте этого письма надпись: «Мирону».

Вначале текста этого письма речь идет о деньгах для автора, затем об организации легальной поездки автора («Мрт») письма за границу.

Затем идут интересные строки о состоянии партийной меньшевистской работы в Петербурге, о тов. Вл. Ил. Ленине и о новом периоде газеты «Искра» и о «Пролетарии».

---

[1] 5-й Лондонский с'езд Р. С.-Д. Р. П. происходил в IV—V, 1907 г.

[2] Большевик, работавший по парт.-студенч. и общепартийным делам. В 1917 г. был вне партии. Аполлонов—настоящая фамилия.

[3] Видимо «Мартын» (партийн. кличка), Владимир Николаевич Розанов—петербургский меньшевик, муж меньшевички Любови, по первому мужу Радченко (Степан Ив. Радченко, большевик).

[4] Меньшевик, брат большевика Степана Ив. Радченко.

Вот эти строки, говорящие хорошо и без комментариев о значении тов. Ленина и в партии и как сильного противника меньшевиков:

«Вы, конечно, хотите знать, что здесь делается? — Абсолютно безвоздушное пространство. Ни одного атома кислорода. Может быть, вы уже слышали, что Дан и Мартынов пришли к счастливой мысли начать «от печки»—издавать «Искру» —ту же самую «Искру» с добрым старым эпиграфом: «из Искры возгорится Пламя»...

В то время, когда они мчались из Териок без оглядки на Запад, им повстречался на вокзале, кажется в Гельсингфорсе, сам Ленин (курсив наш. Юр. Н.), с чемоданами, в дорожном костюме.

— Вы, Владимир Ильич, куда?!

— В Женеву.

— И... Зачем?

— Издавать «Пролетарий»... [1].

И вот, прилетел в Питер ординарец—Игорь [2] с известием, что их превосходительства дают команду по всем корпусам: «Назад в партию» и «издавать» «Искру».

У Игоря уже было такое настроение, что надо подумать о трубках для рассылки, адресах, границе и о прочей милой, старой ерунде. Я, кажется, видел его первым из петербуржцев и, боюсь, сильно разочаровал его: во всяком случае он потерял всякую охоту созывать меньшевиков для обсуждения этого вопроса. Написали, конечно, Мартову, но Мартов им ответил метко, что «он не хочет никакой реставрации». Старовер все еще старается наладить какое-нибудь легальное литературное предприятие. Пока ничего не удается.

Да, у нас нет теперь ничего: «сперва мы потеряли массы, потом организацию и теперь даже мысли...»

В деле Особ. отд. Д-та полиции № 5, ч. 84, т. 1, 1908 г. (Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П.) начальник московского охранного отделения, от 5 февраля 1908 г. за № 1551, сообщает Департаменту полиции на телеграфный запрос за № 113536 от 29 января 1908 г. что Ленин в Москву не прибывал и, «по заслуживающим доверия агентским сведениям», находится в Женеве.

Выезд Ленина за границу подтверждается имеющейся в том же деле запиской за № 123202/3—начальникам СПБ. и Московского охранных отделений—от 25 января 1908 г., в коей говорится о встрече Дана и Мартынова в Гельсингфорсе с Лениным, направляющимся за границу.

---

[1] «Пролетарий», как орган Московского, С.-Петербургского, Московского окружного, Казанского, Курского и Пермского комитетов Р. С.-Д. Р. П. вышел № 20, 19 ноября 1907 г., в Москве (фиктивно), а № 21 «Пролетария», уже как органа только Петербургского и Московского комитетов Р. С.-Д. Р. П., вышел 26 (13) февраля 1908 г. в Женеве. Юр. Н.

[2] Игорь—партийная кличка меньшевика Б. И. Гольдмана-Горева, в 1907 г. члена ЦК Р. С.-Д. Р. П. Юр. Н.

К розыскам Ленина в 1909 году.

Пребывание Владимира Ильича за границей не давало покоя Департаменту полиции.

Департамент посылает 18 декабря 1909 г., за № 140921 [1] предписание чиновнику особых поручений при Министерстве внутренних дел Красильникову за границу—дать сведения о политических эмигрантах из России—большевиках.

Начался сбор этих сведений.

1 (14) июля 1910 г. Красильников окончил поручение департамента и послал из Берлина ему «совершенно секретное» донесение за № 694 о приметах 40 русских политических эмигрантов, «присовокупляя, что получить фотографические карточки кого-либо из этих лиц п о к а (курсив мой. Ю р. Н.) не представилось возможности».

На первом месте в этом списке 40 эмигрантов, стоит Ленин с женою, на последнем—Старосельский, соц.-дем., бывший Кутаисский губернатор, бывший за границей, лично знаком с Лениным.

Вот относящиеся к 1909 году приметы Ленина, его жены и Старосельского:

1. «**Ленин**»—ниже среднего роста, л. 40 — 42, рыжий, с огромной во всю голову лысиной; остающиеся волосы коротко острижены; глаза серые, маленькие, хитрые; нос слегка вздернут, тип лица калмыцкий; маленькие рыжие подстриженные усы, бороду бреет; одевается прилично, но просто.

2. «**Ленина**»—высокого роста, л. 40, шатенка, худая, согнутая вперед, глаза серые, нос маленький, губы тонкие, одета всегда неряшливо.

. . . . . .

40. **Старосельский**—старик, лет 60; очень высокий, худой, как жердь; сутуловат, седой; усы густые, бородка клином.

Сообщил **Юр. Новин.**

Н. К. КРУПСКАЯ.

Умер тов. Л е н и н.

Тяжелое горе легло сейчас на сердце той женщины, которая в жизни личной и партийной тов. Л е н и н а была подругой, делила с ним радости и горе, волю и неволю.

Это—Надежда Константиновна, урожденная К р у п с к а я.

Подпольная революционная деятельность ее отмечена и в документах Департамента полиции. Вот один из них, говорящий о том, кто была Надежда Константиновна.

---

[1] Из дела № 5, часть 84, том 2, за 1909 г. Особого отдела Департамента полиции.

СПРАВКА. Ульянова (Ленина), Надежда Константиновна, урожденная Крупская, дочь коллежского ассесора.

В 1898 году Ульянова привлекалась в С.-Петербурге по делу о преступном сообществе «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»; дознанием установлено, что Ульянова устраивала рабочие кружки, при чем была посредницей между рабочими и интеллигентами, давая первым руководителей. На основании высочайшего повеления 11 марта 1898 г. Ульянова подлежала высылке в Уфимскую губернию, под гласный надзор полиции на три года, сроком по 11 марта 1901 г. Постановлением особого совещания Ульяновой воспрещено жительство в столицах и С.-Петербургской губернии впредь до распоряжения, а в университетских городах и фабричных местностях на один год, считая с 11 марта 1901 г. 12 марта 1901 г., за № 27, уфимским губернатором выдан Ульяновой заграничный паспорт. В мае того же года Ульянова выбыла в Австрию и была помещена в циркуляры департамента от 24-го апреля и 22 июня 1901 г. за №№ 1354 и 2235, на предмет учреждения за ней негласного надзора полиции, в случае возвращения ее в пределы России. Проживая со второй половины 1901 г. за границей, она, под именем «Кати», вела из разных заграничных городов оживленную конспиративную переписку со всеми действующими в России комитетами Российской социал-демократической рабочей партии и занимала центральное положение в заграничной организации «Искры».

В декабре 1908 г. Ульянова принимала участие на общерусской конференции социал-демократической партии в Париже.

Приметы неизвестны.

Жизнь и труды Ленина разделяла Надежда Константиновна, вот уже пять лет самоотверженно работающая в Главполитпросвете так же, как она работала в революционном подполье. Эта женщина вошла в историю нашей партии.

«Надежда Константиновна, — говорит т. Г. Зиновьев [1], — была секретарем «Искры» и секретарем Организационного Комитета тов. Ленина. Чем обязана ей наша партия — об этом можно и должно говорить особо. Здесь скажу только, что во всей работе тов. Ленина, как организатора нашей партии, добрая доля заслуги приходится на Надежду Константиновну. Все письменные сношения ложатся на нее. Одно время она ведет переписку со всей Россией. Кто из более или менее старых нелегальных работников не знал Надежду Константиновну? Для кого получение от нее письма не являлось радостью? Кто из нас относился к ней иначе, как с безграничным доверием и самой нежной любовью... Мартов, в его злобной полемике против тов. Ленина, назвал однажды Надежду Константиновну «секретарем сверх-центра Ленина».

Что же, весь Российский пролетариат гордится теперь и «сверх-центром» и его «секретарем».

А. Иванов.

---

[1] Г. Зиновьев: — «Н. Ленин — Владимир Ильич Ульянов, очерк его жизни и деятельности», Гос. Издат., 1920 г.

Содержание:

Стр.

П. К. Как создался сборник «Об Ильиче». 5
Г. Цыперович. — О В. И. Ленине. 7
В. Невский. — Величайший организатор рабочих масс. . . 12
Эд. Эссен. — Ленин. 16

I. Ленин в Октябрьской революции.

Ив. Наумов. — Мои воспоминания о Ленине. 21
Ст. Висневская. — Встречи с Лениным. 24
Я. Нетупская. — Воспоминания о Ленине районного работника. 28
Ф. Раскольников. — Тов. Ленин и «Кронштадтская Республика» 30
Воронцов. — Ленин в Кронштадте. 34
С. Аллилуев. — Мои воспоминания. 35
Ю. К. Латука. — Ленин в 1917 г. в подполье в Финляндии . 37
Ал. Пронин. — Ленин в Октябрьские дни. 42
Таран. — Тов. Ленин и железнодорожники. 44
В. Невский. — Дополнение к статье т. Тарана. 45
А. Платонов. — В. И. Ленин среди моряков Балтийского, Черноморского и других флотов Республики. 47
Эйзеншмидт. — Латышский пролетариат и В. И. Ленин. . . 51
— Попытка увоза В. И. Ленина (Ульянова) из Петрограда. 53
С. Герцен. — Рабочий с.-р. о Ленине. 56
А. Ингельман. — Мои воспоминания о Ленине 57
Антипова. — О Ленине. 58
Моисеев. — Как работал Ильич. 60
М. Крупский. — Воспоминания о Ленине. . . . . —
Качкин. — Маленькое воспоминание о т. Ленине. 63
Рашевич. — Несколько слов о тов. Ленине. . . . . —
Г. Ровио. — К характеристике Ленина, как человека. 64
— Работница о Ленине. 69
П. Жуков. — Как я фотографировал Владимира Ильича. . . 70

II. Ленин в революции 1905 года и в последующие годы.

Д. Двойрес-Зильберман. — Воспоминания о т. Ленине. . 71
С. Чапко. — Ленин заграницей и в Териоках 76
Г. Равелин. — О словах Ленина. 78
В. Коваленков. — В. И. Ленин в эл.-технич. Институте. . . 79
Г. Лиздин. — Две встречи. 83
Ив. Кондратьев. — Первые встречи с В. И. Лениным. . . . 85
М. Лазуркин. — Беглые воспоминания 86
П. Куделли. — Из дальних и ближних лет. 87
С. Неслуховский. — Ленин в 1906 г. 95
Ст. Виноградов. — Мои встречи. 97

Стр.

А. Матвеев. — Встреча с В. И. Лениным в 1907 году. . . . 99
А. Рябинин. — Осенью 1910 года. 100
А. Лан. — Эпизод. 102
А. Ильин-Женевский. — Один день с Лениным. 103

III. Ленин в 90-ые годы.

В. Шелгунов. — Из далекого прошлого Ильича. 108
В. Князев. — Из моих воспоминаний о В. И. Ульянове. . . . 112
К. Тахтарев. — О Владимире Ильиче. 117

IV. Из детских и юношеских лет Владимира Ильича.

М. Фармаковский. — Из детских лет В. И. Ульянова. . . 133
В. Друри. — Воспоминания о т. Ленине. 134
Ив. Чеботарев. — Встречи с Владимиром Ильичом. 136
А. Елизарова. — О жизни В. И. Ульянова-Ленина в Казани. 139

V. Мелкие замечания рабочих и работниц о Ленине.

Г. Ш. — Запись сообщений. 144

VI. Некоторые материалы и документы.

Об участии В. И. Ульянова в студенческих беспорядках в Казани в 1887 г. 147
Диплом В. И. Ульянова о сдаче государственных экзаменов в петербургском университете. 148
Анкета В. И. Ленина. 151
Список № 4 кандидатов в Учредительное собрание по Петрограду. 153
Инструкция крестьянам 5 ноября 1917 года. 154
Письмо т. Ленина президиуму конференции пролетарских культурно-просветительных организаций. 155
Отношение Ленина к волоките. . . . . —
Обращение т. Ленина к международному пролетариату о голоде на Волге. 156
Обращение т. Ленина к крестьянам Украины о голоде на Волге . 157
Алфавитный список лиц, состоящих под негласным надзором полиции в Казанской губернии 158

VII. В. И. Ульянов-Ленин и Н. К. Крупская по данным департамента полиции.

Справка департамента полиции о В. И. Ульянове-Ленине. . . 159
Некоторые архивные данные (сообщил Юр. Новин). 162
Н. К. Крупская — А. Иванов. 164

ПО ИСТОРИИ РКП (б.) и РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

в рабочем издательстве „Прибой“ вышли следующие книги.

Н. Ленин. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения . .	— р. 40 к.
Его же. Шаг вперед, два шага назад (кризис в нашей партии) . .	— » 60 »
Н. Ленин и Г. Зиновьев. Из истории рабочей печати в России (3-е изд.)	— » 20 »
Н. Ленин, Г. Зиновьев, Л. Каменев. Марксизм и ликвидаторство (сборник статей об основных вопросах совр. раб. движения) . .	— » 80 »
Г. Зиновьев. В. И. Ленин, его жизнь и деятельность	— » 18 »
А. Гильбо. Владимир Ильич Ленин—описание его жизни (3-е изд.)	— » 70 »
Венок на могилу Ильича. Статьи, воспоминания, характеристики .	— » 60 »
Н. Батурин Очерки по истории соц.-дем. в России (7-е изд.) . .	— » 75 »
В. Невский. Очерки по истории РКП (б.), том первый	3 » 75 »
М. Ольминский. Из эпохи „Звезды“ и „Правды“—2-е изд.	1 » — »
С. Пионтковский. Девятое января (популярный очерк)	— » — »
Его же. Февральская революция	— » — »
А. Слепков. Классовые противоречия в I-ой Госуд. Думе	1 » 20 »
К. Шелавин. Рабочий класс и его партия. Вып. I	— » 70 »
Его же. Первое мая (2-ое изд.)	— » — »

Необходимым пособием для библиотекарей, лекторов, журналистов, занимающихся своим самообразованием, для членов и руководителей марксистских кружков и т. д.

является, недавно вышедшая вторым изданием, книга

Ив. Книжник

ЧТО ЧИТАТЬ

по общественным наукам.

Систематический указатель коммунистической и марксистской литературы за 1917—1923 г.г.

В книге приведены не только книги и брошюры, изданные за первые шесть лет революции, но и наиболее ценные журнальные статьи.

Приложенные к книге указатели (по содержанию и по авторам) облегчают пользование ею при справках.

491 стран. ● ● ● **Цена 2 р. 75 к.**

Рабочее издательство „ПРИБОЙ“, Ленинград.

Цена 80 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: Проспект 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки“. Телеф. 5-45-77.

Москва: Московское отделение издательства „ПРИБОЙ“, Петровские линии, под'езд № 1. Телеф. 2-24-09.